

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 8 (74).№4

Симферополь
2022

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8(74), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 7 от 23.12.2022 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлебов Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 23.12.2022. Формат 70х100 1/16 усл. п. л. Заказ № НПИ/552. Тираж 25 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 20.02.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 902.21+902.26+904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВИНОДЕЛИЯ КАЧИ-КАЛЬОНА¹

Ганцев В. К.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: valentin.gancev@mail.ru*

В Юго-Западном Крыму известно более 220 раннесредневековых скальных виноградодавилен – специальных установок, предназначенных для переработки винограда. Их наибольшее количество сосредоточено на территории городища Качи-Кальон. История исследования этих объектов насчитывает более 190 лет. Впервые виноградодавильни на Качи-Кальоне засвидетельствованы Ф. Дюбуа де Монпере в 30-е гг. XIX в. Впоследствии к их изучению обращались Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, В. М. Маликов, А. А. Гуськов, В. В. Лавров. В результате проведенных в 2021 г. археологических исследований на Качи-Кальоне локализовано 83 виноградодавильни, из которых 34 были очищены от грунта и детально описаны. Фиксация старой нумерации на тарапанах, вероятнее всего, выполненная В. М. Маликовым, позволяет предполагать, что на склонах горного массива Фыцки-Кая-Баш находилось 122 скальные виноградодавильни. Винодельни вырублены в гротах, в отдельно стоящих каменных глыбах, по краям скальных выступов и внутри искусственных пещер. Они расположены на южном и юго-западном склонах массива Фыцки-Кая-Баш на протяжении 1,5 км, от безымянного ущелья, прорезающего горный массив в его средней части, и до начала естественного крутого южного склона в его восточной части. На винодельнях сырье давили ногами и с помощью рычажного пресса. Это доказывают специальные вырубki рядом с давильными площадками, предназначенные для крепления рычагов прессов. В течении сезона средневековые винодели Качи-Кальона могли получить 160 914 декалитров вина.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, «пещерный город» Качи-Кальон, виноделие, скальные виноградодавильни, тарапан.

В раннесредневековой Таврике виноградарство и виноделие были одной из ведущих отраслей сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют открытые в пределах или округе так называемых «пещерных городов» Крыма и на Гераклейском полуострове скальные виноградодавильни – специальные установки, предназначенные для первичной переработки винограда. Анализ специальной литературы, дополненный собственными археологическими разведками автора, позволяет говорить о том, что в юго-западной части полуострова сейчас известно более 220 средневековых скальных виноделен. Особое место среди памятников, на которых открыты интересующие нас археологические объекты, занимает городище Качи-Кальон. Здесь сосредоточено наибольшее количество винодельческих комплексов.

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Меггрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ВИНОДЕЛИЯ КАЧИ-КАЛЬОНА**

Кроме небольших разведок, масштабных археологических исследований на Качи-Кальоне никогда не предпринималось, что делает его наименее изученным памятником крымского средневековья, в сравнении с другими «пещерными городами» региона – Мангупом, Эски-Керменом, Чуфут-Кале и др.

На территории Качи-Кальона в 2021 г. нами были проведены археологические исследования. В задачи экспедиции входила точная локализация, картографирование и описание выявленных здесь скальных виноградодавлен. Результатам этих работ посвящена данная статья.

Качи-Кальон находится в 5,0 км к юго-востоку от южной окраины 6-го микрорайона г. Бахчисарай, между селами Предущельное и Баштановка (в 1,3 км к юго-востоку от первого и в 1,1 км к северо-западу от второго), на правом берегу р. Кача (Рис. 1,А).

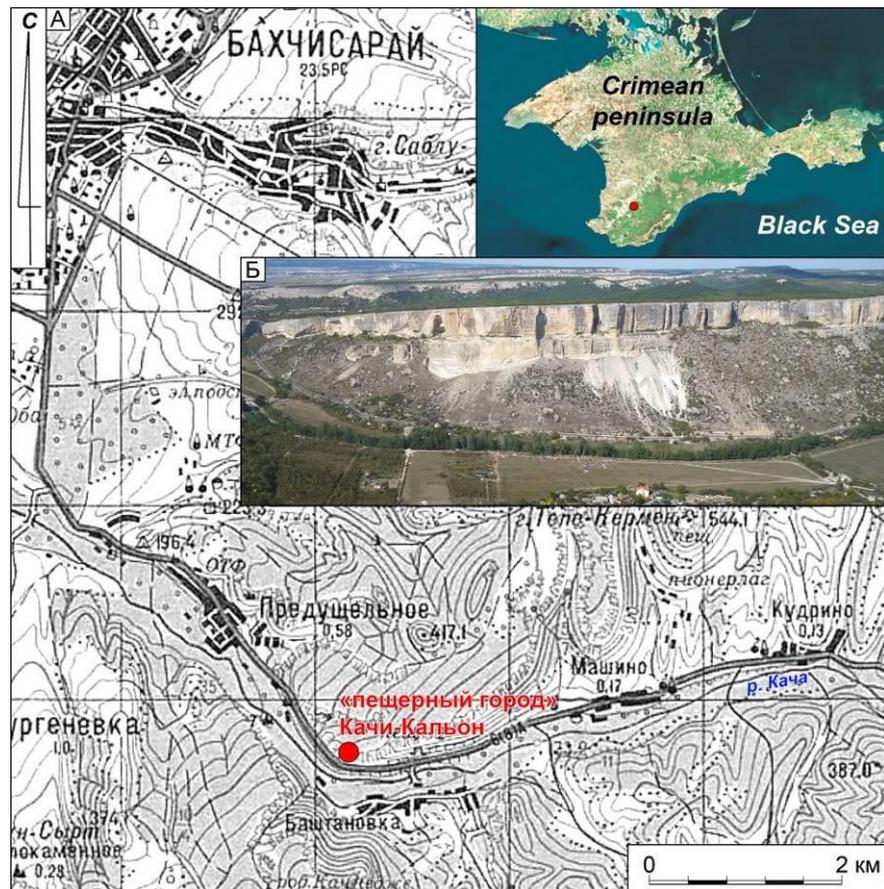

Рис. 1. А – месторасположение «пещерного города» Качи-Кальон на топографической карте; Б – юго-западный и южный склон горного массива Фыцки-Кая-Баи, фото, вид с юга.

Поселение занимало относительно пологий юго-западный и южный склоны горного массива Фыцки-Кая-Баш, который возвышается над уровнем Качинской долины на высоту 155–230 м (Рис. 1,Б). С запада границей поселения и обследуемой территории является безымянное ущелье, прорезающее юго-западный склон Фыцки-Кая-Баш в его средней части (сейчас по этому ущелью проложена тропа к монастырю св. Анастасии Узорешительницы, постройки которого занимают центральную часть балки), с востока – естественный крутой склон горного массива, начинающийся в 200 м к северо-востоку от съезда с автодороги «Бахчисарай – Синапное» к с. Баштановка (Рис. 2).

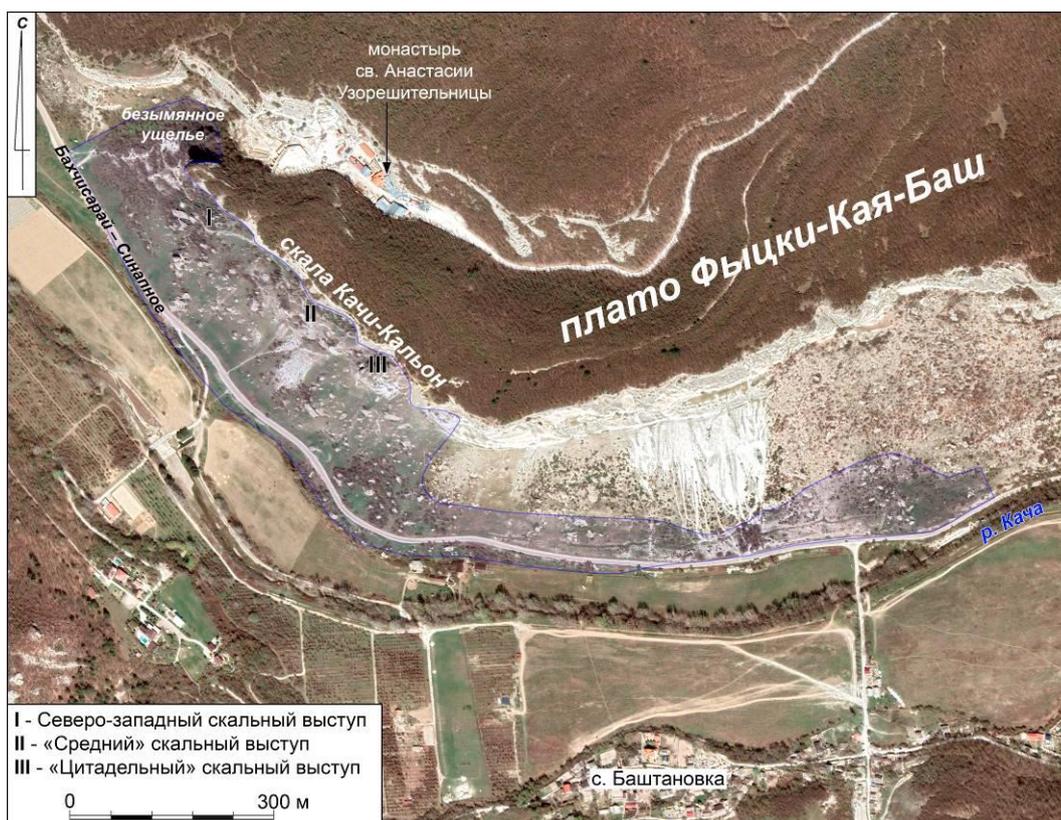

Рис. 2. «Пещерный город» Качи-Кальон на космическом снимке из ресурса Google Earth (дата съемки – 04.2020 г.) с указанием территории юго-западного и южного склонов горного массива Фыцки-Кая-Баш (выделены синим цветом).

У основания скалы Качи-Кальон находится три небольших скальных выступа – северо-западный, «средний» и «цитадельный», разделенные неглубокими микробалками (Рис. 2). Наибольшее количество искусственных пещер расположено между северо-западным и «цитадельным» скальными выступами, включая

последний. Помимо этого, скальные помещения разного назначения вырубали в отдельных крупных глыбах камня, отколовшихся от горного массива и сползших вниз по склону¹.

История изучения «пещерного города» Качи-Кальон подробно рассмотрена в статье Н. А. Абрамовой [2], что избавляет нас от повторов. Ею же введен в научный оборот ряд фотографий из фондов научного архива ИИМК РАН, сделанных сотрудниками Эски-Керменской экспедиции на Качи-Кальоне в 1930 и 1933 гг. [1, с. 284–285; 2, с. 603–605].

Рассмотрим более детально историю исследования винодельческих комплексов городища, которая насчитывает более 190 лет. Впервые виноградавиельни, «высеченные в скале» на Качи-Кальоне, упоминает Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Крым в 1831–1834 гг. [10, с. 102, 263]. Путешественником был снят план одной из них и совершенно точно предложена реконструкция процесса давки винограда, основанного на применении рычажного пресса. Также Ф. Дюбуа де Монпере сравнил «прессуары» Качи-Кальона с подобными комплексами, известными ему в Херсонесе, Имеретии, Вардзии, и пришел к выводу об их сходстве и одинаковом функциональном использовании [10, с. 264].

На древнее появление виноделия в Качинской долине указывал М. К. Баллас, автор историко-статистического очерка по истории виноделия в России [3, с. 4]. Ошибочно датируя его появление античным временем, он приводит интереснейшие сведения из «Трактата о торговле на Черном море» 1762 г., составленном Карлом Пейсонелем, в котором говорится о том, что на «Бельбеке, Каче и Альме [находятся] крупные центры виноградного производства» [3, с. 8]. Это может свидетельствовать о длительном развитии виноградарства в долине р. Кача, на протяжении всей эпохи средневековья.

Участниками экскурсии, организованной Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы (КОЕЛП) на Качи-Кальон в 1913 и 1914 гг. [15, с. 25], были зарисованы 13 виноградавиельн. Эти материалы до сих пор не опубликованы и хранятся в Центральном музее Тавриды [14, л. 14].

Подводя итоги дореволюционному периоду исследований виноделен Качи-Кальона, следует отметить их немногочисленность. Специальные скальные устройства, на которых производилась давка винограда, интерпретировались в целом авторами верно. Следует предполагать, что виноградавиельни, которые становились объектом изучения в это время, находились у основания скалы Качи-Кальон, между ее первым и пятым гротами. О тарапанах, расположенных на склонах массива Фыцки-Кая-Баш, еще ничего не известно.

Новый этап в изучении винодельческих комплексов Качи-Кальона связан с организацией и деятельностью в 30-е гг. XX в. Эски-Керменской археологической экспедиции. Ее сотрудниками, Н. И. Репниковым и Е. В. Веймарном, в 1930 и 1933 гг. на территории городища были проведены археологические разведки, в

¹ Автодорога «Бахчисарай – Синапное», проложенная в начале 30-х гг. XX в., террасирует склон горного массива Фыцки-Кая-Баш у его подножия. Искусственные пещеры и виноградавиельни расположены и к югу от этой автодороги, в связи, с чем считать её границей поселения не стоит.

результате которых зафиксировано несколько виноградодавилен на площадке перед церковью св. Софии, вторым и четвертым гrotами [16, с. 104–107; 17, л. 31–33]. Н. И. Репниковым впервые было высказано предположение о том, что обилие скальных виноградодавилен на памятнике свидетельствует о развитом характере местного виноделия [16, с. 107; 17, л. 33].

В 1954 г. на территории Качи-Кальона Е. В. Веймарном были проведены небольшие археологические разведки¹, в результате которых обнаружены и пронумерованы 60 виноградодавилен (18 из них располагались в пещерах, 42 – вне их) [4, с. 59; 5, с. 115]. Четыре винодельни – №№ 13, 14, 34 и 54 по нумерации автора работ, очищены от грунта, после чего были выполнены их планы с разрезами [4, с. 61–62]. Часть этих материалов позже опубликованы В. В. Лавровым [11, с. 351–353].

В том же году Е. В. Веймарном обследовалась территория в 0,5 км к востоку от скалы Качи-Кальон, напротив с. Баштановка, и к северу от автодороги «Бахчисарай – Синапное». Здесь были открыты еще 11 виноградодавилен [4, с. 62; 5, с. 115]. К сожалению, схема расположения этих объектов автором так и не была составлена.

В начале 60-х гг. XX вв. сотрудник Крымского сельскохозяйственного института В. М. Маликов проводил комплексное исследование дикорастущего винограда на средневековых памятниках Крымского полуострова с целью пополнения сортового фонда на основании селекции дикорастущего и культурного винограда [13, с. 3]. В горных долинах Юго-Западного Крыма им были учтены около 170 средневековых винодельческих комплексов, из которых не менее 122 располагались на территории и в округе Качи-Кальона [13, с. 20; 14, л. 2]. На склоне массива Фыцки-Кая-Баш им был обнаружен дикорастущий виноград сорта *Vitis vinifera* L. [13, с. 9].

После этих работ памятник длительный период времени археологически не изучался. Впоследствии, результаты полевых исследований на Качи-Кальоне Е. В. Веймарн совместно с М. Я. Чорефом в довольно общем виде опубликовали в научно-популярной книге «Корабль» на Каче» [6]. Количество известных авторам виноделен на памятнике в ней возросло до 120² (Рис. 3). Была предложена датировка этих комплексов, в пределах VIII – X вв., и высказана гипотеза об экспортной направленности виноделия региона, готовая продукция которого вывозилась на рынки Хазарии [6, с. 36–37]. Отметим, что эта датировка, скорее, основывается на историческом анализе событий, происходивших в Крыму в раннесредневековый период его истории, чем на стратиграфию и археологический материал, полученный при изучении памятников виноделия.

¹ Непосредственно работами на памятнике руководил Н. П. Кагур.

² Вероятно, В. М. Маликов все это время поддерживал связь с Е. В. Веймарном. В этом мы исходим из того, что самим В. М. Маликовым на Качи-Кальоне были открыты 52 новые винодельни, в то время как сам Е. В. Веймарн в статье 1960 г. отмечал здесь «не менее 60» виноградодавилен [5, с. 115]. Позднее же, в книге Е. В. Веймарна и М. Я. Чорефа, уже указывается другое число известных тарапанов на Качи-Кальоне – «свыше 120» [6, с. 36]. Таким образом, результаты работ В. М. Маликова учитывались Е. В. Веймарном.

А. Л. Якобсону также были известны тарапаны Качи-Кальона. Он датировал их VIII – IX вв., но предполагал, что производство вина на памятниках Юго-Западного Крыма в это время носило все-таки домашний характер [18, с. 154]. Учитывая количество известных на Качи-Кальоне виноделен, с последним утверждением сейчас согласиться трудно.

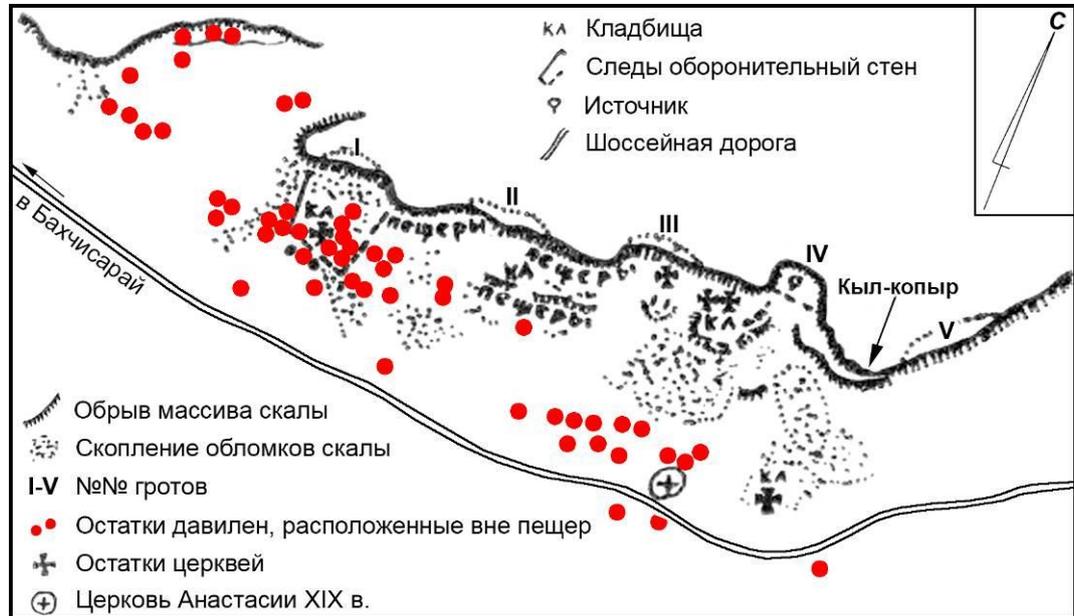

Рис. 3. Схематический план «пещерного города» Качи-Кальон, с указанием местонахождения виноградадавилен по Е. В. Веймарну [6].

В 2011 г. скальные виноградадавильни Качи-Кальона привлекли внимание историка-любителя А. А. Гуськова [9]. Он зафиксировал на памятнике всего 83 «виноградадавильни-тарапана» [9, с. 240] (Рис. 4), обратив внимание на то, что среди пронумерованных виноделен существует разрыв между №№ 44 и 82¹. Также им была предпринята попытка типологического деления виноградадавилен, основанная на морфологических признаках тарапанов: форме давильной площадки и сулоприемника, наличию или отсутствию бортиков, местоположению пазов для конструкции рычажного пресса. Приведенные в публикации планы виноделен являются схематичными [9, с. 241–245, рис. 2–12].

В 2016 г. небольшие разведки на Качи-Кальоне проводились В. В. Лавровым [12]. Целью этих работ было составление карты расположения археологических

¹ Тарапаны нумеровали краской во время разведки 1954 г. [4, с. 57]. Тогда были выявлены только 60 виноградадавилен. В. М. Маликов, обнаруживший на Качи-Кальоне новые виноделни, также мог продолжить маркировать их. В 2021 г. нами эта нумерация была зафиксирована, но разрыва между №№ 44 и 82 нет.

объектов и фиксация оборонительной стены, перегораживающей доступ на территорию «цитадельного» скального выступа. Исследователем зафиксированы всего 28 «явных тарапанных комплексов» и еще 3 «возможных тарапана» [9, с. 79].

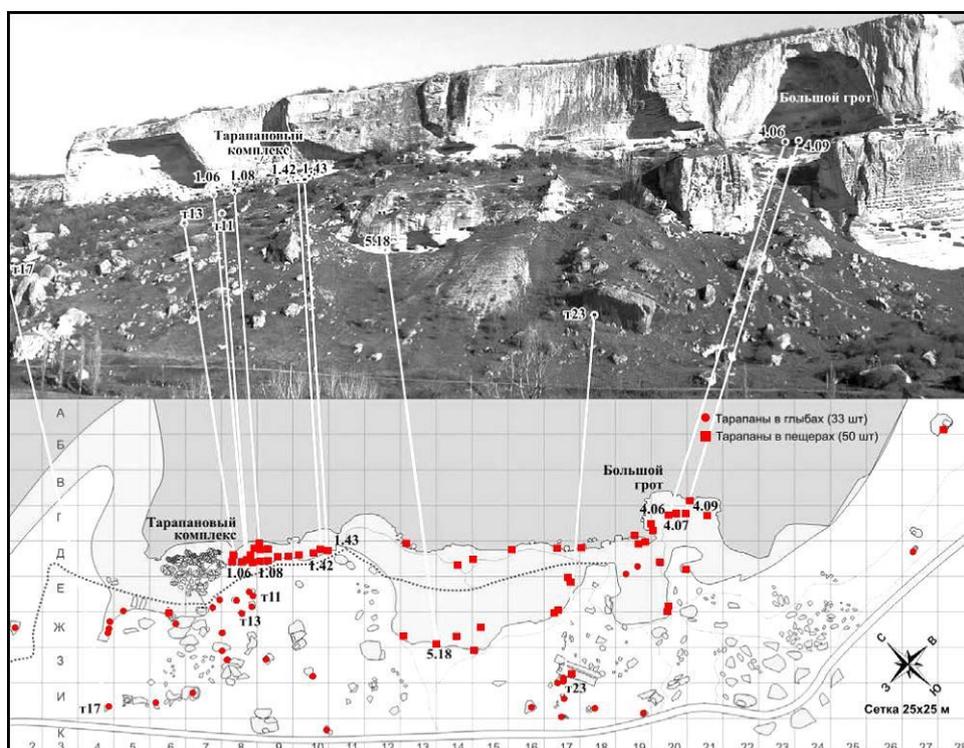

Рис. 4. Схематический план «пещерного города» Качи-Кальон, с указанием местонахождения виноградодавилен, по А. А. Гуськову [6, с. 240, рис. 1].

Подытоживая историю археологического изучения скальных виноградодавилен «пещерного города» Качи-Кальон, следует отметить несколько важных моментов. В историографии есть сведения о разном количестве виноделен на памятнике – от 28 до 122. Остается не ясной топография их расположения на местности. Отсутствует детальное описание виноградодавилен, их планы и архитектурные разрезы. Все это стало причиной новых исследований археологического объекта в 2021 г.

Все винодельни Качи-Кальона расположены на южном и юго-западном склонах горного массива Фыцки-Кая-Баш. Они выявлены широкой полосой общей протяженностью около 1,5 км, начиная от безымянного ущелья, прорезающего склон горного массив в его средней части, и вплоть до начала естественного крутого южного склона в его восточной части (Рис. 5). Всего здесь локализованы 83 скальных виноградодавилен, 34 из них полностью очищены от натечного грунта и детально исследованы (их параметры приведены в таблице 1).

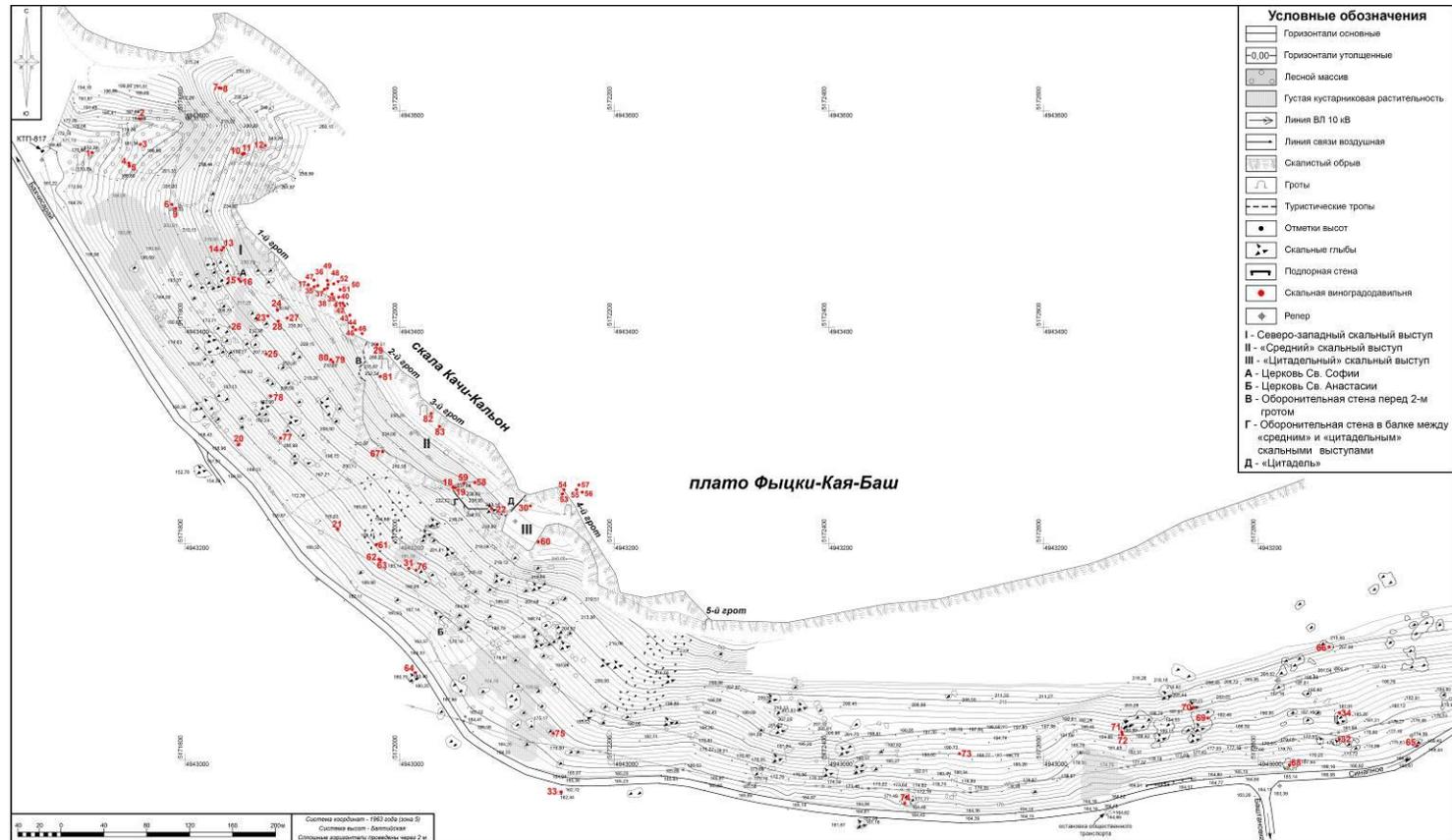

Рис. 5. Топографический план юго-западного и южного склона горного массива Фызи-Кая-Баш, с указанием месторасположения локализованных скальных виноградодавилен в 2021 г.

К сожалению, восстановить, на сегодняшний день, нумерацию виноградодавилен 1954 г. затруднительно, та как предложенное в дневнике Н. П. Кацура описание местонахождения обследованных им тарапанов носит крайне общий характер. Выводы В. М. Маликова о количестве виноделен на Качи-Кальоне можно считать оправданными. Старая нумерация тарапанов заканчивается на цифре «118», которая была нанесена на северный борт виноградодавильни № 65.

За прошедшие 60 лет с момента проведения В. М. Маликовым исследований на Качи-Кальоне большая часть склона Фыцки-Кая-Баш поросла густой кустарниковой растительностью и подлеском, часть искусственных пещер оказалась засыпанной грунтом и отслоившейся скальной крошкой, что не позволяет визуально обследовать комплекс целостно, без проведения масштабных земляных археологических работ. В этом убеждают и фотографии некоторых виноделен, сделанные Е. В. Веймарном в 1954 г. Только некоторые из них визуально схожи с теми, что были зафиксированы в 2021 г.; еще несколько тарапанов остались нами так и не локализованными. Также не ясно, были ли виноградодавильни в пятом гроте, доступ к которому сегодня без специального оборудования не возможен.

Закономерности в расположении скальных виноградодавилен на территории памятника не прослеживаются. Предварительно можно выделить среди них три крупных топографических группы: винодельни, вырубленные у основания скалы Качи-Кальон (34), на юго-западном (38) и южном (11) склонах Фыцки-Кая-Баш.

Винодельни обнаружены на склонах и в тальвеге безымянной балки и далее, на протяжении 735 м, встречаются на всем юго-западном склоне Фыцки-Кая-Баш. Между КчКВ-33 и КчКВ-74¹, на расстоянии 320 м, при визуальном обследовании не найдено ни одного тарапана (Рис. 5). К востоку, на протяжении 475 м, винодельни фиксируются на южном склоне горного массива. Небольшой разрыв между второй и третьей топографическими группами, образованный из-за небольшой пологой микробалки, вряд ли говорит о разновременности этих объектов, тем более, что конструктивно и по своим параметрам они похожи друг на друга.

Винодельни вырубались в гротах (всего две таких виноградодавильни), в отдельно стоящих глыбах камня (29), на краю скальных выступов (12) и внутри искусственных пещер (40). Наибольшее количество тарапанов (19) сосредоточено в пещерах, вырубленных между первым и вторым гротами.

Местонахождение виноделен на склонах Фыцки-Кая-Баш не выглядит случайным. Оно может указывать на место высадки виноградной лозы. В византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. «Геопониках», сказано: «самое лучшее вино дают лозы... со склонов, если их посадить к востоку или югу», также «места между холмами и у подошвы гор пригодны для низких, стелящихся по земле лоз» [8, с. 101–102]. Вероятнее всего, южный и юго-западный склоны Фыцки-Кая-Баш террасировались и полностью, включая подножие, были засажены виноградной лозой. Устройство виноделен непосредственно на винограднике

¹ При картографировании виноградодавильням присваивался индекс – например, КчКВ-74, что означает «Качи-Кальон. Виноградодавильня № 74».

должно было способствовать уменьшению естественной потери сока при транспортировке собранного винограда.

Для сооружения виноделен использовались легко доступные выходы скальной породы или крупные каменные глыбы. Нахождение виноделен внутри искусственных пещер позволят предположить, что они, как и соседние с ними помещения, могли использоваться как бродильни и винохранилища.

Детальная фиксация 34 виноградодавилен позволяет реконструировать технологию переработки винограда, которую применяли жители Качи-Кальона в раннем средневековье. На качи-кальонских винодельнях виноград вначале давили ногами, затем, с целью максимального получения сока, виноградную мезгу могли прессовать (Рис. 6). Это доказывают специальные вырубki рядом с давальными площадками, предназначенные для крепления рычага пресса. По конструкции рычажного пресса, эти винодельни можно разделить на несколько типов с последующими типологическими вариантами.

Рис. 6. Качи-Кальон. Реконструкция процесса прессования винограда на виноградодавальне № 26.

К типу 1 относятся винодельни, на которых виноград давили исключительно ногами; подрубок, связанных с конструкцией пресса, рядом с давальными площадкой не обнаружено (КчКВ-2, (?) КчКВ-6, (?) КчКВ-8, (?) КчКВ-9, КчКВ-12, КчКВ-20, КчКВ-21, КчКВ-29, КчКВ-34).

К типу 2 относятся виноградодавильни, на которых прессование винограда происходило с помощью простейшего рычажного пресса. Для его установки вырубали только одно опорное гнездо. В зависимости от его месторасположения выделено два варианта пресса. Вариант А: опорное гнездо вырубалось у одного из продольных бортов давяльной площадки, посередине её поперечной оси. В эту подрубку затем вставляли массивную деревянную стойку, к которой горизонтально крепили бревно-рычаг ((?) КчКВ-22, КчКВ-32, (?) КчКВ-33). Вариант Б: гнездо для установки пятки рычага вырубали в одном из бортов давяльной площадки, противоположном суслоотводному каналу (КчКВ-5, КчКВ-14, КчКВ-17 – КчКВ-19, КчКВ-23 – КчКВ-25, КчКВ-28, КчКВ-30, КчКВ-31).

К типу 3 принадлежат виноградодавильни, у которых в одном из бортов вырубали два (или более) гнезд для крепления нескольких рычагов (КчКВ-7, КчКВ-11, КчКВ-13, КчКВ-15, КчКВ-16, КчКВ-26, КчКВ-27).

Тип 4 составляют винодельни, у которых использовали рычажный пресс усложненной конструкции. Вырубали два подпрямоугольных углубления у бортов давяльной площадки, в одной поперечной оси. В опорном гнезде крепили деревянную стойку с рычагом, во второе углубление вставляли бревно, которое должно было центрировать рычаг, предотвращая его смещение. Опорное гнездо для установки пятки рычага находится в борту давяльной площадки, второе – у его борта (КчКВ-1, КчКВ-4, КчКВ-10). Для подсчета производительности виноградодавилен Качи-Кальона использовалась методика, которая была ранее применена при изучении других подобных виноделен Юго-Западного Крыма [7]. Для разовой загрузки давяльных площадок 32 виноградодавилен Качи-Кальона¹ необходимо 9 955 кг винограда. Для заполнения виноградным соком 32 суслоприемников необходимо 24 181 кг винограда. Производительность каждой из этих виноградодавилен представлена в таблице 1:

Таблица 1. Размеры давяльных площадок и суслоприемников виноделен Качи-Кальона, их производительность.

Винодельня	Параметры давяльной площадки (длина × ширина × высота), м	Масса винограда необходимая для разовой загрузки давяльной площадки (Мрз), кг	Параметры суслоприемника (длина × ширина × глубина / высота от дна суслоприемника до суслоотводного канала), м	Масса винограда необходимая для полного заполнения соком суслоприемника (Млв), кг
КчКВ-1	2,57 × 2,04 × 0,46–0,66	793	1,20 × 0,85 × 0,80 / 0,73	1 146
КчКВ-2	1,65 × 1,37 × 0,20–1,00	223	0,90 × 0,64 × 0,49–0,70 / 0,65	432

¹ У КчКВ-9 утеряна южная часть давяльной площадки, у КчКВ-23 – суслоприемник.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ВИНОДЕЛИЯ КАЧИ-КАЛЬОНА**

КчКВ-4	$2,30 \times 1,93 \times 0,33-0,42$	482	$1,28 \times 1,00 \times 0,30-0,70 / 0,50$	591
КчКВ-5	$2,40 \times 1,70 \times 0,20-0,97$	267	$1,24 \times 0,92 \times 0,50-1,30 / 0,47$	825
КчКВ-6	$1,73 \times [1,30-1,40]^1 \times 0,10-0,70$	140	$0,87 \times [0,60] \times 0,50 / 0,70$	401
КчКВ-7	$1,90 \times 0,65 \times 0,55$	223	$1,30 \times 0,90 \times 0,52-0,62 / 0,52$	936
КчКВ-8	$2,00 \times [1,0-1,30] \times 0,23$	151	$[1,00 \times 0,84 \times 0,68] / 0,38$	491
КчКВ-9	$1,90 \times ? \times 0,24-0,36$	–	$0,87-1,20 \times 0,77-1,16 \times 0,50-0,86 / 0,80$	515
КчКВ-10	$1,87 \times 1,75 \times 0,12-0,70$	323	$1,13 \times 0,82 \times 0,80 / 0,93$	1 140
КчКВ-11	$1,70 \times 1,45 \times 0,47-0,90$	381	$1,07 \times 0,90 \times 0,50-0,96 / 1,28$	741
КчКВ-12	$2,04 \times 1,70 \times 0,36-0,61$	411	$1,10 \times 0,90 \times 1,06 / 1,06$	1 615
КчКВ-13	$2,05 \times 1,76 \times 0,24-1,80$	285	$1,03 \times 0,90 \times 0,70-0,80 / 0,74$	998
КчКВ-14	$2,02 \times 2,00 \times 0,05-[0,50]$	332	$1,00 \times 0,97 \times 1,00-1,49 / 0,80$	1 194
КчКВ-15	$2,25 \times 2,02 \times 0,29$	433	$1,13 \times [0,72] \times 0,98 / 1,15$	1 227
КчКВ-16	$2,10 \times 1,70 \times 0,37-0,64$	434	$1,18 \times 0,60 \times 0,60 / 0,52$	566
КчКВ-17	$1,68 \times 1,40 \times 0,17-[0,23]$	132	$0,67-1,00 \times 0,53-0,70 \times 0,82 / 0,58$	317
КчКВ-18	$2,07 \times 1,56 \times 0,10-[0,43]$	202	$0,90 \times 0,85 \times 1,02-1,12 / 0,90$	1 059
КчКВ-19	$1,80 \times 1,47 \times 0,22-0,30$	191	$0,88-0,94 \times 0,77-0,82 \times 0,31-0,78 / 0,70$	729
КчКВ-20	$1,50-1,73 \times 1,25-1,40 \times 0,26-0,76$	160	$1,00 \times 0,85 \times 0,47-0,90 / 0,58$	615
КчКВ-21	$1,95 \times 1,42 \times 0,25-0,32$	228	$0,90 \times 0,66 \times 0,55-0,72 / 0,40$	366
КчКВ-22	$1,61 \times 1,45 \times$	161	$0,85-0,90 \times$	582

¹ В квадратных скобках указаны реконструируемые значения.

	0,21–0,51		$0,84 \times 0,53 - 0,64 / 0,58$	
КчКВ-23	$0,95 - 1,32 \times 1,30 - 1,50 \times 0,12 - 0,66$	77	$? \times 1,02 \times 0,71 - 1,07 / 0,88$	–
КчКВ-24	$1,97 \times 1,72 \times 0,37 - 1,05$	412	$0,88 - 1,10 \times 0,63 - 0,85 \times 0,80 - 1,30 / 0,77$	657
КчКВ-25	$1,68 \times 1,47 \times 0,17 - 1,47$	138	$0,95 - 1,07 \times 0,47 \times 0,50 - 0,71 / 0,59$	343
КчКВ-26	$1,77 \times 1,40 \times 0,19 - 0,98$	155	$1,03 \times 0,54 - 0,71 \times 0,65 - 1,03 / 0,81$	556
КчКВ-27	$1,82 \times 1,74 \times 0,59 - 1,30$	614	$1,29 \times 0,80 \times 0,44 - 0,84 / 0,52$	699
КчКВ-28	$2,10 \times 2,07 \times 0,40 - 0,87$	572	$1,22 \times 0,96 \times 0,78 / 0,59$	1 063
КчКВ-29	$2,46 \times 2,17 \times 0,16 - 0,34$	281	$1,12 - 1,30 \times 0,96 \times 0,40 - 1,24 / 0,88$	662
КчКВ-30	$2,40 \times 1,90 \times 0,05 - 0,68$	285	$1,20 \times 0,95 \times 0,47 / 0,25$	438
КчКВ-31	$1,50 \times 1,35 \times 0,44 - 1,00$	293	$0,97 \times 0,97 \times 1,50 / 1,00$	1 448
КчКВ-32 ¹	$2,43 \times 1,60 \times 0,10 - 0,72$	409	$1,17 \times 0,80 \times 0,25 - 0,43 / 0,28$	403
КчКВ-33	$1,70 \times 1,67 \times 0,26$	243	$1,10 \times 0,53 \times 0,53 - 0,80 / 0,62$	475
КчКВ-34	$2,25 \times 1,77 \times 0,40 - 0,45$	524	$1,31 \times 0,80 \times 0,74 - 0,80 / 0,59$	951
Итого:		9 955		24 181

Общий выход сока при заполнении 32 сулоприемников тарапанов Качи-Кальона составляет 14 509 л. Если в течение сезона сбора винограда каждый из этих сулоприемников заполнялся соком хотя бы один раз в день, то в течение 30 дней можно было получить 435 258 л сока. Предположительно, на Качи-Кальоне находилось 122 виноградадавилни, тогда за один сезон могли производить 1 609 135 л вина. Полученные данные говорят о явных излишках продукции, которую средневековые виноделы могли продавать и на внешние рынки.

¹ Во время зачистки этой виноградадавилни в 2021 г., из её сулоприемника извлечено 240 л воды. Показатель объема сока, необходимого для заполнения этого сулоприемника – 262 л, получаемый при подсчете, близок этим показателям.

Таким образом, проведенные в 2021 г. археологические исследования на территории «пещерного города» Качи-Кальон позволили создать необходимую базу данных о его виноградодавильнях. Установлена связь между винодельнями, которые находятся на юго-западном склоне горного массива Фыцки-Кая-Баш, и тарапанами, открытыми Е. В. Веймарном на его южном склоне, напротив современного села Баштановка. Выявленная конструкция виноградодавилен Качи-Кальона аналогична средневековым винодельческим комплексам, известным в Юго-Западной Таврике. Вероятно, не отличалась и применяемая технология обработки винограда. Количество и показатели производительности виноградодавилен указывают на экспортный характер виноделия в этой части Горного Крыма, подтверждая, тем самым, гипотезу, выдвинутую в свое время Н. И. Репниковым и Е. В. Веймарном. В статье проблему датировки открытых скальных виноградодавилен мы не рассматривали, так как эта тема отдельного исследования. Однако, скорее всего, они могут быть датированы в пределах IX – X вв., когда виноградарство и виноделие в Юго-Западном Крыму получило наибольшее развитие.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамова Н. А., Севастьянов А. В. Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н. И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 272–307.
Abramova N. A., Sevast'yanov A. V. Glava ob arkheologicheskikh pamyatnikakh doliny reki Kachi iz neopublikovannoi raboty N. I. Repnikova «Materialy k arkheologicheskoi karte yugo-zapadnogo nagor'ya Kryma» // Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genueztsev / Отв. red. L. B. Vishnyatskii. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. – S. 272–307.
2. Абрамова Н. А. Из истории изучения «пещерного города» Качи-Кальон в XIX – XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского; отв. ред. А. И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2021. – Вып. 26. – С. 594–608.
Abramova N. A. Iz istorii izucheniya «peshchernogo goroda» Kachi-Kal'on v XIX – XX vv. // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskii federal'nyi un-t im. V. I. Vernadskogo; отв. red. A. I. Aibabin. – Simferopol': Solo-Rich, 2021. – Vyp. 26. – S. 594–608.
3. Баллас М. К. Виноделие в России (историко-статистический очерк). Ч. 1. Крым, степная часть Таврической губернии, Дон и Астрахань / Сост. М. К. Баллас; Изд. департамента земледелия – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1895. – 220 с.
Ballas M. K. Vinodelie v Rossii (istoriko-statisticheskii ocherk). Ch. 1. Krym, stepnaya chast' Tavricheskoi gubernii, Don i Astrakhan' / Sost. M. K. Ballas; Izd. departamenta zemledeliya – SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1895. – 220 s.
4. Веймарн Е. В. Дневник археологических работ 1954 г. Работы объединенной археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР и Музея Пещерных городов // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Д. 12/2. 98 с.
Veimarn E. V. Dnevnik arkheologicheskikh rabot 1954 g. Raboty ob"edinennoi arkheologicheskoi ekspeditsii Krymskogo filiala AN SSSR i Muzeya Peshchernykh gorodov // Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN. D. 12/2. 98 s.
5. Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // Краткие сообщения Института археологии / Инст. археологии АН УССР. – Киев: Изд-во АН УССР, 1960. – Вып. 10. – С. 109–117.
Veimarn E. V. O vinogradarstve i vinodelii v drevnem i srednevekovom Krymu // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii / Inst. arkheologii AN USSR. – Kiev: Izd-vo AN USSR, 1960. – Vyp. 10. – S. 109–117.

6. Веймарн Е. В., Чорев М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь: Таврия, 1976. – 88 с.
Veimarn E. V., Choref M. Ya. «Korabl'» na Kache. – Simferopol': Tavriya, 1976. – 88 s.
7. Ганцев В. К. Производственные мощности средневековых скальных виноградодавлен Юго-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7(73), № 2. – С. 53–65.
Gantsev V. K. Proizvodstvennyye moshchnosti srednevekovykh skal'nykh vinogradodavilen Yugo-Zapadnogo Kryma // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2021. – T. 7(73), № 2. – S. 53–65.
8. Геопоники: византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е. Э. Липшиц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 410 с.
Geoponiki: vizantiiskaya sel'skokhozyaistvennaya entsiklopediya X v. / Vved., per. s grech. i kom. E. E. Lipshits. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 410 s.
9. Гуськов А. А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология: сб. матер. конф. / Набережночелнинский гос. пед. ун-т. – Набережные Челны: Курсор, 2016. – № 7 – С. 239–247.
Gus'kov A. A. Mnogoobrazie tarapanov peshchernogo goroda Kachi-Kal'on // Speleologiya i spelestologiya: sb. mater. konf. / Naberezhnochelninskii gos. ped. un-t. – Naberezhnye chelny: Kursor, 2016. – № 7 – S. 239–247.
10. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. – Париж, 1843. Т. 5, 6 / Пер. с франц., предисл. и примеч. Т. М. Фадеевой – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с. – (Сер.: «Старинный путеводитель»)
Dyubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym. V 6 t. – Parizh, 1843. T. 5, 6 / Per. s frants., predisl. i primech. T. M. Fadeevoi – Simferopol': Biznes-Infom, 2009. – 328 s. – (Ser.: «Starinnyi putevoditel'»).
11. Лавров В. В. Археологические исследования Качи-Кальона в 1954 г.: по материалам архива Е. В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике // История и археология Крыма / Ин-т археологии Крыма РАН; отв. ред. В. В. Майко. – Симферополь: АРИАЛ, 2016. – Вып. 2. – С. 349–355.
Lavrov V. V. Arkheologicheskie issledovaniya Kachi-Kal'ona v 1954 g.: po materialam arkhiva E. V. Veimarna v Bakhchisaraiskom zapovednike // Istoriya i arkheologiya Kryma / In-t arkheologii Kryma RAN; otv. red. V. V. Maiko. – Simferopol': ARIAL, 2016. – Vyp. 2. – S. 349–355.
12. Лавров В. В. Археологические разведки на городище Качи-Кальон (Бахчисарайский район) в 2016 г. // История и археология Крыма / Ин-т археологии Крыма РАН; отв. ред. В. В. Майко. – Севастополь: Колорит, 2018. – Вып. 8. – С. 79–80.
Lavrov V. V. Arkheologicheskie razvedki na gorodishche Kachi-Kal'on (Bakhchisaraiskii raion) v 2016 g. // Istoriya i arkheologiya Kryma / In-t arkheologii Kryma RAN; otv. red. V. V. Maiko. – Sevastopol': Kolorit, 2018. – Vyp. 8. – S. 79–80.
13. Маликов В. М. Дикорастущий виноград на древних и средневековых поселениях Крыма как исходный материал для селекции и пополнения сортового фонда [Текст]: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук: № 537 – виноградарство / В. М. Маликов; АН МССР. – Кишинев, 1968. – 23 с.
Malikov V. M. Dikorastushchii vinograd na drevnikh i srednevekovykh poseleniyakh Kryma kak iskhodnyi material dlya selektsii i popolneniya sortovogo fonda [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. s.-kh. nauk: № 537 – vinogradarstvo / V. M. Malikov; AN MSSR. – Kishinev, 1968. – 23 s.
14. Маликов В. М. Виноградарство в средневековом Крыму: [рукопись] // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Рукописный фонд. Папка 214. Л. 1–21. [Без даты]
Malikov V. M. Vinogradarstvo v srednevekovom Krymu: [rukopis'] // Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN. Rukopisnyi fond. Papka 214. L. 1–21. [Bez daty]
15. Отчет Комиссии по охране памятников природы и старины // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы / Ред. Н. Н. Клепинин. – Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1916. – Т. 5: 1915. – С. 24–26.
Otchet Komissii po okhrane pamyatnikov prirody i stariny // Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i lyubitelei prirody / Red. N. N. Klepinin. – Simferopol': Tip. Tavricheskogo gubernskogo zemstva, 1916. – T. 5: 1915. – S. 24–26.

16. Репников Н. И. Городище Качи-Кальон // Известия Гос. акад. ист. материальной культуры им. Н. Я. Марра. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – Вып. 117: Матер. Эски-Керменской экспедиции: 1931–1933 гг. – С. 102–113.

Repnikov N. I. Gorodishche Kachi-Kal'en // Izvestiya Gos. akad. ist. material'noi kul'tury im. N. Ya. Marra. – M.; L.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1935. – Вып. 117: Матер. Eski-Kermenskoj ekspeditsii: 1931–1933 gg. – S. 102–113.

17. Репников Н. И. К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время. – РО НА ИИМК РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–31. [Без даты]

Repnikov N. I. K voprosu o vinogradarstve i vinodelii v severnom predgor'e Yugo-Zapadnogo Kryma v do-russkoe vremya. – RO NA ИИМК РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–31. [Bez daty]

18. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // Материалы и исследования по археологии СССР. – Л.: Наука, 1970. – № 168. – 208 с.

Yakobson A. L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoi Tavriki // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. – L.: Nauka, 1970. – № 168. – 208 s.

Gantsev V. K. Archeological research of wine-making monuments of Kachi-Kalyon

In the South-Western Crimea there are more than 220 early medieval rock-cut wine presses – special installations designed for grape processing. Their largest number is concentrated on the territory of Kachi-Kalyon. The history of the study of these objects has more than 190 years. For the first time, wine presses on Kachi-Kalyon were attested by F. Dubois de Montpère at the beginning of the 19th century. Subsequently, N. I. Repnikov, E. V. Veimarn, V. M. Malikov, A. A. Guskov, V. V. Lavrov turned to their study. As a result of archaeological research carried out in 2021, 83 grape presses were localized on Kachi-Kalyon, of which 34 were cleared of soil and described in detail. The fixation of the old numbering on tarpans, most likely performed by V. M. Malikov, suggests that there are 122 rock wine presses on the slopes of the Fytski-Kaya-Bash mountain range. Wineries are carved in grottoes, in separate blocks of stone, on the edge of rocky ledges and inside artificial caves. The fixation of the old numbering on the wine presses, most likely performed by V. M. Malikov, suggests that there are 122 rock-cut wine presses on the slopes of the Fytski-Kaya-Bash mountain range. Wineries are carved in grottoes, in separate blocks of stone, on the edge of rocky ledges and inside artificial caves. They are located on the southern and southwestern slope of the Fytski-Kaya-Bash mountain range for 1,5 km, from the nameless gorge that cuts through this massif in its middle part, to the beginning of the natural steep southern slope in its eastern part. In wineries grapes were crushed with their feet and with the help of a lever press, this is proved by special clearings next to the crushing platforms, designed to attach the lever. During the season, the medieval winemakers of Kachi-Kalyon could receive 160 914 deciliters of wine.

Keywords: Southwestern Crimea, winemaking, «cave cities» Kachi-Kalyon, winemaking, rock-cut wine presses, tarapan.

УДК 902.2/902.03

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ¹

Иожица Д. В.

ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: arhi-arhi@mail.ru

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Главные ворота крепости расположены в верховье балки Капу-дере, куда вела средневековая дорога из балки Алмалык-дере, огибающая мыс Тешкли-бурун. В работе комплексно рассмотрены письменные, картографические и художественные источники, в которых изображена крепостная входная башня. Представлены новые результаты полевых работ 2019–2020 гг. С применением современных методов удалось зафиксировать скальные пазы, позволяющие реконструировать не только общие габариты надвратной башни, но и конструкцию ее перекрытия. Сделаны обобщающие выводы о надвратной церкви Мангупа. Впервые публикуется археологическая коллекция Р. Х. Лёпера из раскопок скальных склепов, связанных с храмом.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Таврика, Мангуп, главные крепостные ворота, надвратная церковь, скальные склепы, вима, Ф. И. Гросс, М. Б. Вебель, Р. Х. Лёпер

Историография и источники. Одним из ранних письменных источников, в котором упоминается Главные крепостные ворота Мангупского городища, является поэма иеромонаха Матфея «Рассказ о городе Феодоро...», написанная около 1395 г. В поэме-моноподии говорится о надвратной церкви в их верхнем ярусе [5, с. 294–295, строки 38–40]. Из текста (строки 35–42) следует, что, несмотря на значительные разрушения входного комплекса, иеромонах видел его сохранившимся почти на полную высоту: «...крышу храма на себе несет (город)...» [15, с. 582–583]. На наличие здесь церкви указывает «божественная вима», которую наблюдал экзарх константинопольского патриарха. Отметим, что термин «вима» в византийской литургической традиции обычно обозначает алтарное пространство. В церковной архитектуре под вимой понимается приподнятая над остальным полом площадка в алтарной части храмов. С начала XIX в. так стали называть все алтарное пространство в церкви, начиная со средневизантийского времени [47, р. 326–359; 45, р. 502–503].

На карте Мангупской крепости, составленной российскими топографами в 1780-е гг. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22138), среди отмеченных здесь архитектурных объектов присутствуют Главные крепостные ворота, перекрытые, вероятно,

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегagrant № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119

крестовым сводом¹, а ниже, в правом углу плана, представлен сохранившийся их внешний фасад. Ворота имели арочный проем, сохранившаяся часть которого опиралась на крепостную стену. Обратим внимание на то, что высота стены изображена выше скального выступа Мангупского плато, что очень похоже на описание Матфея (рис. 1) [19, илл. 4; 15, с. 582–583].

Пожалуй, наиболее полное представление о главных воротах городища оставил академик Генрих Карл Эрнст Кёлер, посетивший Мангуп в 1804 и 1821 гг. Во время второго путешествия, впечатления о котором сохранились в его путевом дневнике, описано состояние и внешний вид Главных входных ворот памятника. Из него следует, что конструктивно ворота были сводчатыми и опирались с одной стороны на скальный выступ, а с другой – на крепостную стену; входной проем был один. В дневнике Г. Кёлера есть также упоминания о надписях на стенах укрепления. Он видел греческие имена, иногда с крестами, которые были размещены произвольно, вырезаны небрежно и неотчетливо на некоторых камнях внутренних ворот и принадлежали, по его мнению, воинам [37, с. 438–441]. К сожалению, нет ни одного иллюстративного изображения к этим заметкам.

И. С. Андриевский при посещении Мангупа в 1837 г. отмечал уже разрушенное состояние крепостных ворот, через которые было невозможно пройти, так как их свод обвалился [4, с. 545].

Сохранилось несколько изобразительных источников, дающих общее представление о состоянии Главных крепостных ворот Мангупского городища в XIX в. В коллекции видов Крыма Ф. И. Гросса (1822? – 1897?) есть четыре рисунка крепости для первой половины XIX в. На одном из них представлена частично разрушенная главная крепостная линия Мангупа, на втором – оборонительный комплекс на мысе Тешкли-Бурун, на остальных – интересующие нас Главные ворота (рис. 2–4).

На одной из работ Ф. И. Гросса входной комплекс запечатлен с внутренней стороны городища (рис. 3). Справа изображены скальные склепы и скальная полка перед ними с лестницей. Ниже фиксируется большое скальное помещение, перед которым видны ступени, не сохранившиеся в настоящее время. На дальнем плане, сверху, за скальными склепами, изображена северо-западная куртина цитадели на мысе Тешкли-бурун. Еще дальше просматриваются контуры пещерных сооружений в западном обрыве мыса. Естественный грот впереди воротного комплекса представлен художником очень живописно, без масштаба и деталей. Слева на литографии зафиксирован фрагмент стены с невысоким узким и глухим арочным проемом. Отметим, что по обе стороны от этого проема сохранились фрагменты, вероятно, от внутренней кладки рухнувшей части стены. Внизу изображен, по всей видимости, их цоколь. Предположительно, эта стена является изображением современного укрепления А.XVI Главной (Внешней) линии обороны Мангупа, высота которого на момент посещения городища Ф. И. Гроссом достигала уровня

¹ Крестовым называется свод, образованный пересечением под прямым углом двух цилиндрических сводов [25, с. 164–228].

скальной полки перед входом в скальные склепы. Обратим внимание на завершение входных проемов в склепы. Художник здесь явно фантазирует и придает им вид килевидных стрельчатых арок. Лишь вход в первый склеп прямоугольной формы. Очевидно, он сохранился полностью на момент создания литографии.

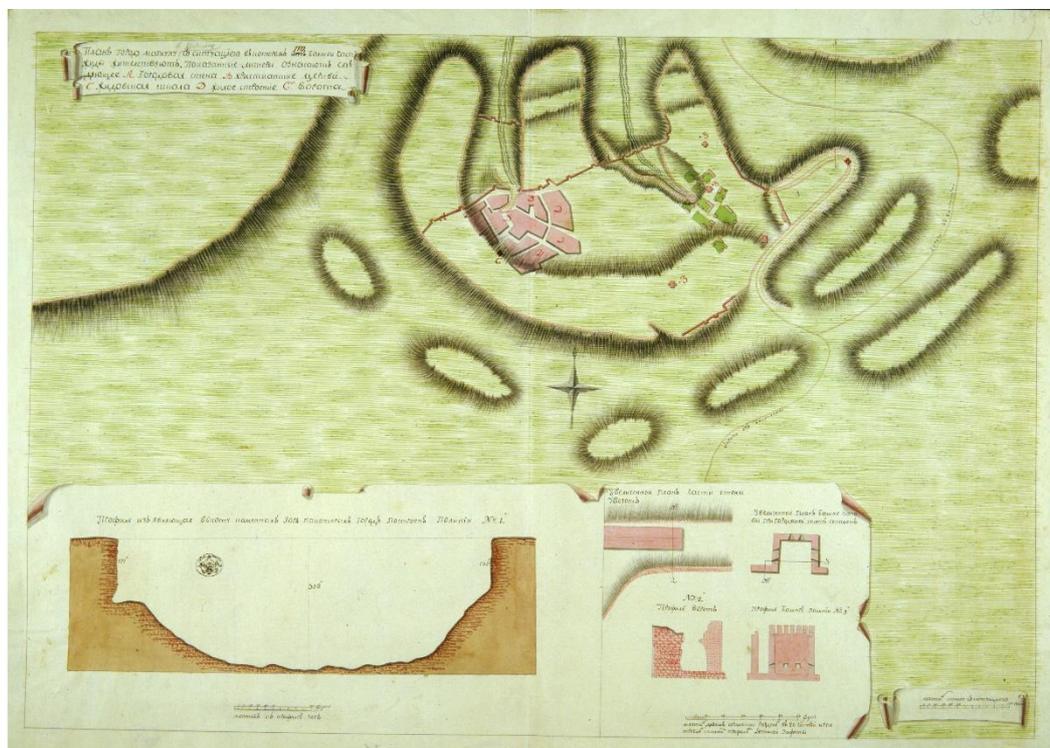

Рис. 1. «План городу Мангуну, в котором от большей части жиды живут» (1780-е гг.) (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22138) [по: 19, илл. 4].

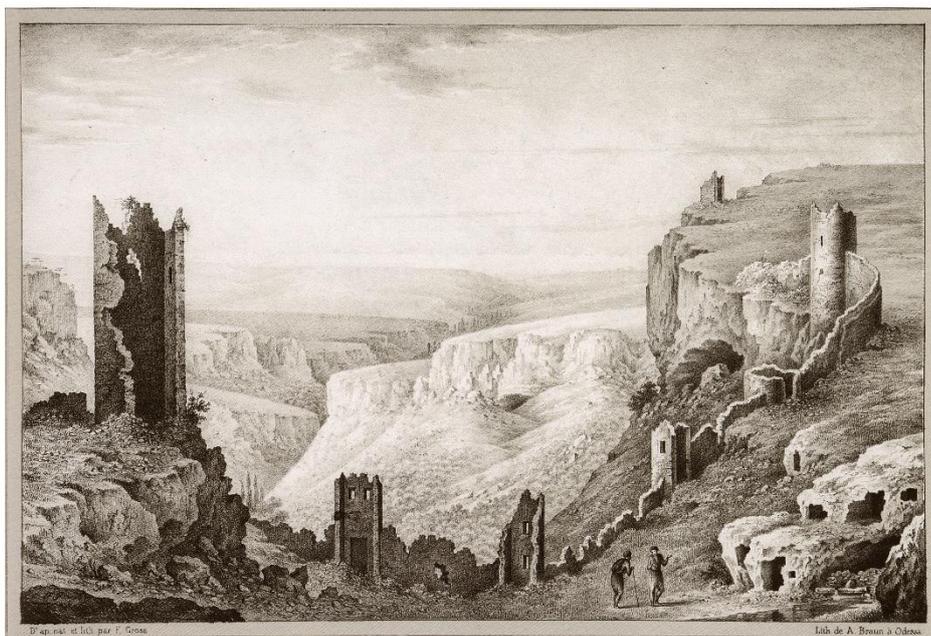
Вторая литография Ф. И. Гросса содержит изображение входного комплекса с запада, то есть снаружи, со стороны подъемной дороги (рис. 4). Справа на ней видна Главная линия обороны крепости, точнее, укрепление А.XV с прямоугольной башней А-8 на заднем плане [14, рис. 1, 2, 19]. На переднем плане остатки стены укрепления А.XVI, сохранявшейся на полную высоту. Обратим внимание на арочный глухой проем. Он запечатлен гораздо выше, нежели на предыдущей литографии. Отчетливо видно, что арка продолжается в глубину, что конструктивно дает основание предполагать наличие здесь сводчатого перекрытия. Слева на переднем плане в гроте изображена фигура человека, размеры которой позволяют оценить масштабность укреплений городища. За скальным выступом сверху видны четыре входных проема в скальные склепы. Как видим, несмотря на то, что обе

литографии обычно идентифицируются с одним художником, Ф. И. Гроссом [32, с. 220–221], они между собой существенно отличаются.

Еще одно изображение Главных крепостных ворот Мангупа принадлежит М. Б. Вебелю, русскому художнику, сопровождавшему графа А. С. Уварова во время его поездок в Крым с целью исследования местных древностей [41, с. 166–167]. По итогам первой экспедиции, состоявшейся летом 1848 г., в архив организовавшего ее Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества был передан перечень выполненных планов и рисунков памятников на юге России, в том числе христианских древностей на вершине и склонах Мангупского плато. Среди рисунков есть изображение Главных ворот крепости вместе с расположенными вблизи них скальными склепами–усыпальницами (рис. 5) [32; 19, илл.7]. На нем слева видны фрагменты стены укрепления А.XVI и две отдельно стоящие колонны, между которыми небольшие каменные завалы. Обратим внимание, что высота стены и колонн одинакова и доходит до уровня поверхности Мангупского плато, что совпадает в целом с описанием комплекса иеромонахом Матфеем. Разрушение стены, при котором колонны могли остаться фактически целыми, на всю их высоту, возможно лишь при условии, что они выступали из общих габаритов стены и конструктивно являлись ее пилонами. По всей вероятности, эти пилоны от воротного проема, который был многоуровневым. Наличие пилонов указывает на то, что перекрытие их было сводчатым, нагрузка от которого равномерно распределялась на четыре опоры, что позволяло избежать деформации входной башни в случае разрушения [26, с. 164–228].

Рассматриваемый рисунок М. Б. Вебеля, между тем, содержит и ряд перспективных искажений и неточностей. На это указывает соотношение размеров изображенных фигур людей и остатков укрепления А.XVI, которое визуально создает неправдоподобную массивность стен. На дальнем плане мыс Тешкли-бурун также излишне развернут влево. Справа видно гораздо большее, чем в действительности, количество скальных склепов, расположенных значительно выше уровня пешей тропы, нежели это на самом деле. Также преувеличена толщина стены Мангупской цитадели, как, впрочем, и всех стен на рисунке. Каменные блоки пилонов неправдоподобно соразмерны человеческим фигурам, в то время как блоки цитадели еле видны. Вызывает сомнение масштаб каменного развала укрепления, в котором присутствуют огромные скальные глыбы.

В книге английского публициста Роберта Сириса опубликована в 1881 г. гравюра с еще одним изображением остатков крепостных ворот Мангупа (рис. 6,1) [46]. Отметим, что он сам никогда не был в Крыму и для своей книги использовал уже опубликованные материалы. Рисунки, сопровождавшие текст, были копиями работ, выполненными по образцам английским художником Уильямом Робертсом. В случае с изображением Мангупских ворот речь идет о копии с одной из изданных литографий Ф. И. Гросса. Еще одну копию с той же литографии, но уже выполненной в технике акварели, во второй половине XIX в. опубликовал в своем альбоме «Виды и типы Крыма» А. И. Шарлемань [42] (рис. 6,2).

1
2

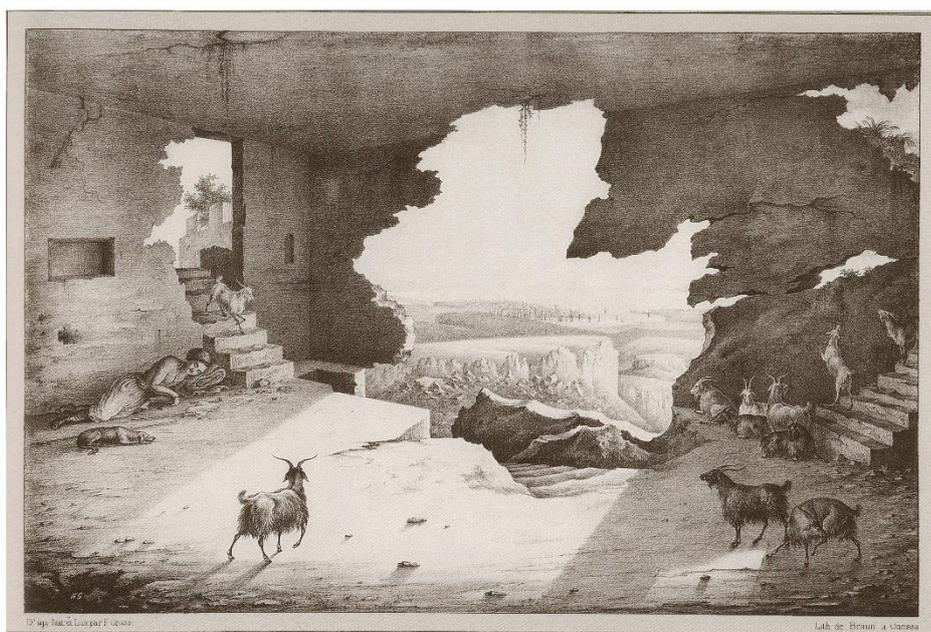

Рис. 2. Ф.И. Гросс. 1. – Тешекли-бурун. Мангун-Кале; 2 – Мангун-Кале [по: 32, с. 161].

Рис. 3. Ф. И. Гросс. Тешекли-бурун. Мангуп-Кале [по: 32, с. 163].

Рис. 4. Ф. И. Гросс. Мангун-Кале [по: 32, с. 167].

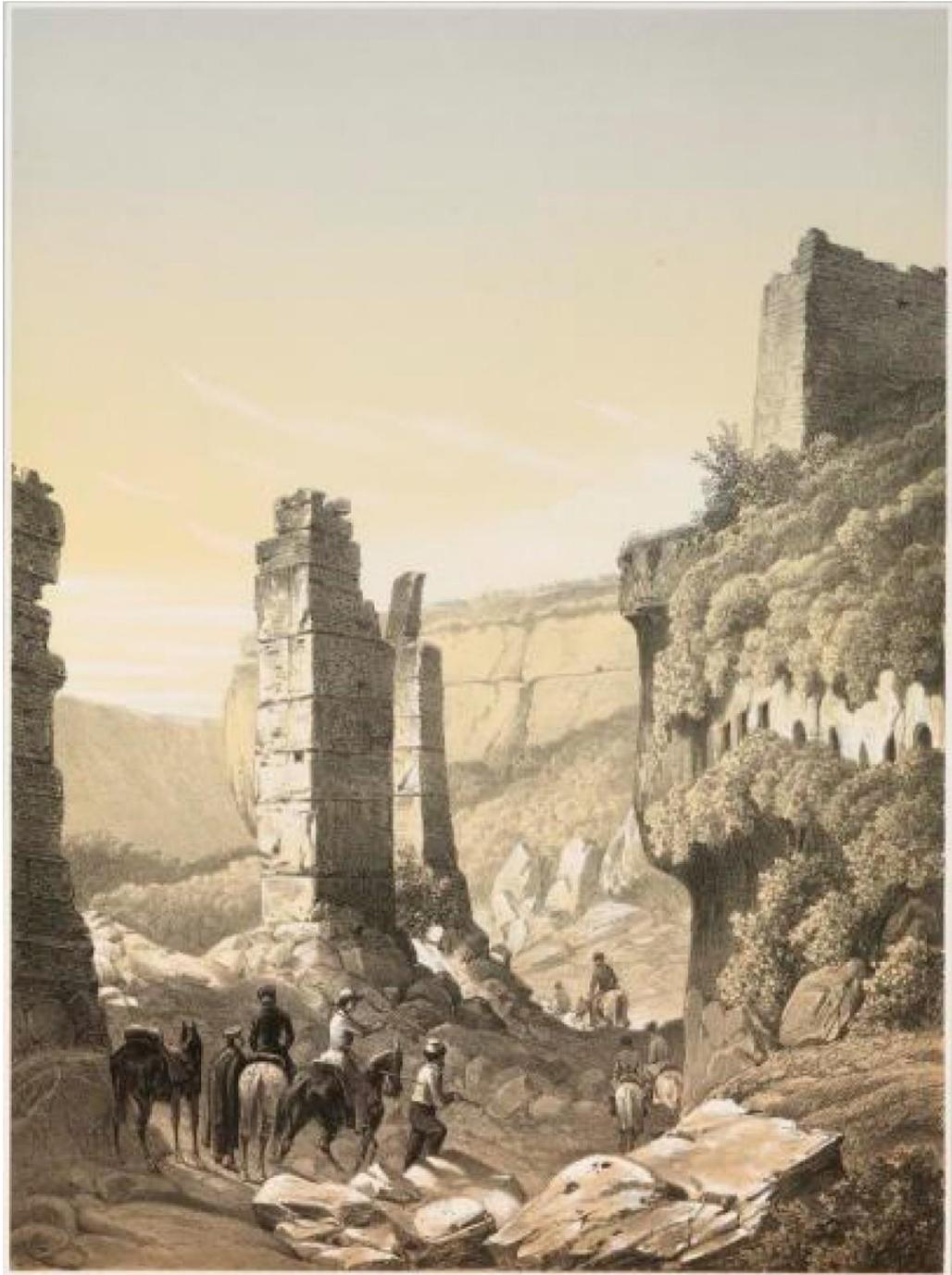

Рис. 5. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере [по: 19, илл. 7].

В 1867 г. Императорское Московское археологическое общество направило Д. М. Струкова в Крым для изучения сохранившихся памятников церковного искусства. Художником в процессе археологических изысканий в период 1867–1892 гг. было сделано большое количество натуральных акварельных рисунков. В его архиве среди работ с изображением Мангупского «дворца», на самом деле, цитадели на мысе Тешкли-бурун, сохранились четыре фотографии с видами бывшей резиденции мангупских князей [37, с. 81]. На одной из них представлен общий вид входного комплекса крепости со стороны плато (рис. 7) [21, с. 216]. Эта фотография, вероятно, уже позже, по возвращению из Крыма, была переведена Д. М. Струковым в акварельный рисунок. Надо отметить, что на фотографии четко видны тонкие прямые линии, образующие квадратную сетку, что указывает на ясное намерение автора сделать точную копию этого вида в технике акварели. На акварельном рисунке, как и на фото, слева изображены руины укрепления Главной линии обороны Мангупа, справа – фрагмент стены Мангупской цитадели, под ней – три входных проема скальных склепов.

На фотографии, сделанной Д. М. Струковым, также видна поперечная стена (или ее каменный развал?) между укреплением А.XVI и скальным выступом мыса Тешкли-бурун. Надо полагать, что речь идет об остатках входного комплекса крепости. Максимальная высота этой стены слева на фотографии, на месте стыка со стеной укрепления А.XVI, соответствует уровню поверхности скальной полки перед склепами. Однако, на акварельном рисунке, задуманном в качестве копии фотографии, есть все-таки отличия: схематично передана порядовка кладок всех стен, идеализирован передний видовой план, совершенно искажено направление скального выступа мыса, появляется еле заметная фигура человека вблизи входного комплекса (рис. 7,2). Последний прием довольно часто использовался Д. М. Струковым в своих работах, очевидно, для более четкого представления о размерах зданий и сооружений [37, с. 80]. Отметим также, что пропорциональное соотношение размеров укрепления А.XVI и фигуры человека на рисунке очень близко к пропорциям в работе М. Б. Вебеля.

Еще одним отличием между содержанием фотографии и акварельного рисунка Д. М. Струкова является наличие в центре последнего изображения черного креста в круге с надписью: «Храм. Л.12»¹. Шифр обозначает номер листа в акварельном альбоме художника, на котором, вероятно, изображен этот храм. Как считает Н. В. Днепровский, на листе отмечено местоположение неизвестного пещерного храма городища [21, с. 217–218; 22, с. 150–152], но это мнение, кажется, ошибочным [17, с. 158–175]. С осторожностью можно предположить, что Д. М. Струков крестом хотел отметить надвратную церковь Главных ворот крепости.

Новый этап изучения входного комплекса Мангупского городища связан с началом археологических исследований памятника. В 1913 г. директором

¹ Белый крест на опубликованной фотографии из архива Д. М. Струкова был нанесен самостоятельно Н. В. Днепровским.

Херсонесского музея Р. Х. Лёпером были раскопаны скальные склепы-усыпальницы вблизи Главных ворот крепости (рис. 8)¹. При их изучении отмечена «ограбленность» и «потревоженность» погребений и небольшое количество обнаруженного погребального инвентаря [27, с. 299; 28, с. 83]. Обратим внимание, что на момент исследований Р. Х. Лёпер уже знал о пилоне ворот по дороге к цитадели из балки Капу-дере, над которыми были расположены скальные склепы, и отметил его крестом на фотографии [27, рис. 123]. В научно-архивном отделе ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» сохранились видовые фотографии входного комплекса. Первая фотография фактически идентична фотоснимку Д. М. Струкова, за исключением стены воротного проема, которая слабо просматривается в зарослях на месте примыкания к укреплению А.XVI (рис. 9,1)². Вторая фотография сделана с места скальной площадки перед пещерным комплексом «Барабан-коба» (Северо-Восточный пещерный монастырь) и фиксирует внешний вид Главных ворот крепости. На ней видны укрепление А.XVI, пилон и каменный развал стены входной башни (рис. 9,2)³. Третья фотография выполнена, вероятно, с площадки около церкви св. Георгия. На ней хорошо просматриваются шесть скальных склепов и входной пилон (рис. 10,1)⁴ [30, №8, 9, 19]. Аналогичный фотоснимок хранится в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (рис. 10,2)⁵.

В фондах ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» сохранились чертежи А. Л. Бертье-Делагарда, в том числе посвященные памятникам Мангупского городища⁶. На листе №38 (КП–23055. Д–8770) представлен план воротного комплекса, состоящий из склепов и крепостной стены. Ниже под ним приведены разрез и реконструкция автора, на которой объединены один из скальных склепов и укрепление А.XVI. А. Л. Бертье-Делагард предполагал одноуровневую входную башню с боевой площадкой, завершавшейся зубцами. Обратим внимание на то, что при реконструкции входного комплекса уровень боевой площадки расположен на одном уровне со склепом. Вероятно, исследователь считал, что функционально внутреннее пространство склепов предназначались для пребывания в них солдат гарнизона. О надвратной церкви автор ничего не сообщает [6, с. 188–191]. Тем не менее, А. Л. Бертье-Делагард впервые среди исследователей Мангупа объединил скальные склепы и Главные ворота крепости в единый оборонительный и культовый комплекс (рис. 11).

При изучении Главных ворот крепости Е. В. Веймарн и А. Л. Якобсон основное внимание уделили укреплению А.XVI, дискутируя между собой в отношении даты его возведения [8, с. 419–420; 43, с. 58–59]. А. Л. Якобсон отмечал, что пилон ворот

¹ НАО ГИАМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1766, 3821. Выражаю признательность заведующей научно-архивного отдела ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Т. А. Прохоровой.

² НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Фото № 8.

³ НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Фото № 9.

⁴ НАО ГИАМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 2275.

⁵ КП 4825-1419.

⁶ Выражаю благодарность главному хранителю фондов ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» Н. Б. Майко за помощь в работе с ними.

выделялся в стене укрепления, за счет более поздней его обкладки из бутового камня, уже частично отвалившегося. По его мнению, пилон существовал на протяжении нескольких строительных периодов в истории памятника [43, с. 59]. В личном фонде Е. В. Веймарна сохранился фотоснимок входного комплекса, сделанный им в 1950-е гг. (рис. 12,1). Его ракурс фактически аналогичен фотографии Д. М. Струкова, обращает внимание лишь худшая сохранность по высоте пилона и появления вокруг него обильных зарослей [7]. В 1973 г. в ходе археологических исследований под руководством Е. В. Веймарна впервые были сделаны архитектурные обмеры склепов-усыпальниц, расположенных вблизи ворот крепости (рис. 12,2) [35, с. 33, рис. 40].

Рис. 6. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере [по: 47]; 2. – То же [по: 42].

Следующий этап археологического изучения Главных ворот Мангупской крепости относится к 1977 – 1979 гг., когда ими занимался А. Г. Герцен. Большая часть результатов этих работ позднее вошла в его монографию [14, с. 87–169, 242–271]. В ходе исследований было установлено конструктивное решение укрепления А. XVI и составлена карта его растворов, которая подтверждает длительное функционирование комплекса. Также выявлены остатки трех амбразур в стене, а на скальном выходе основания мыса Тешкли-бурун – следы каменной кладки высотой в один ряд и общей длиной до 2,10 м. Последнее наблюдение дало основание А. Г. Герцену предположить здесь наличие арочного перекрытия входа ворот (рис. 13). По его мнению, первоначальная длина воротной арки составляла 2,40 м,

она конструктивно опиралась с одной стороны на пилон, с другой – на скальное основание мыса. Пролет арки составлял 3,8 м, полезная ширина проезда 2,60 м. Входная башня имела арочный проем, но, по сути, речь идет о конструкции ворот из двух арок, над одной из которых позднее была создана боевая площадка (рис. 14) [14, с. 121–123].

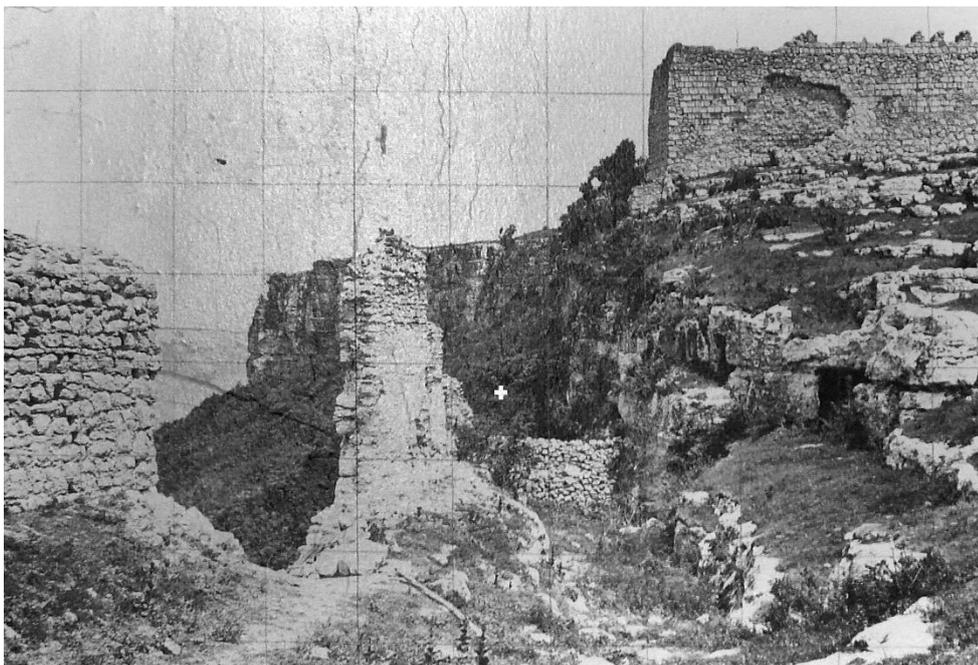
Отметим, что А. Г. Герценым в ходе исследований было выдвинута гипотеза о наличии еще одного фортификационного элемента обороны Главных крепостных ворот Мангупа – барбакана. Первое упоминание о нем присутствует еще в полевом дневнике автора раскопок за 1972 г. В нем говорится, что барбакан, как и должно быть, располагался впереди воротного проема на расстоянии около 60 м. Его внешняя (северная) стена спланирована параллельно подъездной дороге. Однако, пристраивалась ли она к воротной башне, являясь продолжением стены укрепления А.ХVI, или нет, без дополнительных раскопок сказать трудно [16, л. 12; 14, с. 121]. Еще одна важная проблема в этой связи – дата сооружения барбакана, которую также невозможно решить без новых исследований.

Позднее, в совместной с Ю. М. Могаричевым статье, многолетний руководитель археологических исследований Мангупского городища предположил, что открытые вблизи воротного комплекса скальные склепы-усыпальницы появились еще в период раннего средневековья и являлись, таким образом, одним из участков раннего некрополя на территории крепости [18, с. 236–238].

В ряде работ, вышедших в 2000-е гг., А. Г. Герценым была выдвинута еще одна гипотеза в отношении интерпретации комплекса сооружений Главных ворот Мангупа. Реконструируя маршрут иеромонаха Матфея по территории городища, он предположил наличие здесь надвратной церкви, образно описанной путешественником [13, с. 264–265; 15, с. 562–567]. С этой гипотезой полностью согласился А. Ю. Виноградов [9, с. 174–192; 8, с. 249–271]. В 2017 г. в коллективной монографии, посвященной археологическому и антропологическому изучению материалов раскопок храмово-погребальных комплексов городища, объект исследования был впервые назван как надвратная церковь со скальными усыпальницами в верховьях балки Капу-дере [19, с. 47].

Подытоживая наш историографический обзор, посвященный истории изучения Главных крепостных ворот Мангупского городища и имеющейся источниковой базы, необходимо подчеркнуть множество оставшихся не решенными научных проблем. В связи с этим, в 2019 – 2020 гг. была предпринята новая попытка комплексного изучения памятника. Эти исследования, проводившиеся под общим руководством В. Е. Науменко, включали полную расчистку всех сооружений археологического объекта, их графическую и фотофиксацию, подробное архитектурное описание. В настоящей работе представлены их основные результаты¹.

¹ Выражаю признательность В. Е. Науменко и А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации результатов исследований. Также необходимо поблагодарить Ю. П. Зайцева и И. И. Шкрибляк за создание рабочей 3-D модели памятника в 2019 г.

1

2

Рис. 7. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Фото Д. М. Струкова; 2. – акварельный рисунок [по: 21, рис. 1].

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

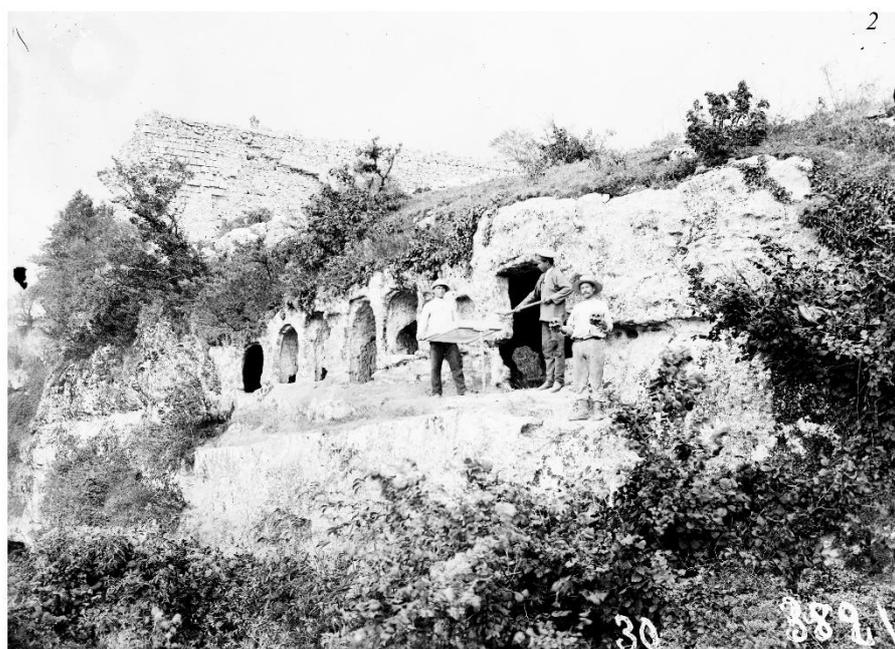

Рис. 8. Группа скальных склепов в Капу-дере. Раскопки Р. Х. Лёпера в 1913–1914 гг. [НАО ГИАМЗ ХТ. 1. – Инв. 1766; 2. – Инв. 3821].

Рис. 9. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с городища [НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. фото №8]; 2. – Вид с мыса Тешли-бурун [НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. фото №9].

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Рис. 10. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с плато [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 2275]; 2. – [Фотофонд БИКАМ КП 4825-1419].

Топография. Главные крепостные ворота Мангупа расположены в верховьях балки Капу-дере. На протяжении всей истории крепости из Адым-Чокраской долины, огибая мыс Тешкли-бурун, здесь проходила основная средневековая дорога на территорию Мангупского плато.

Участок исследования 2019 – 2020 гг. представлял собой вытянутый по оси северо-восток – юго-запад природный кулуар прямоугольной формы, ограниченный с юга естественными скальными обрывами мыса Тешкли-бурун с почти вертикальным профилем, в котором вырублены скальные склепы-усыпальницы, площадка перед ними и ниже так называемое скальное помещение А. С севера его границей являлась трасса оборонительной стены укрепления А.XVI, в которой сейчас слабо фиксируется один из пилонов воротного комплекса. К сожалению, на сегодняшний день, практически нет возможности произвести даже частичную расчистку барбакана. Поэтому за несколько условную восточную границу участка исследований принято местоположение самых удаленных скальных подрубок в скальном выступе мыса Тешкли-бурун. В западном направлении рельеф местности меняется. Здесь, со стороны Мангупского плато, фиксируется хорошо выраженная скальная ступень общими размерами 4,00×20,00 м и высотой от уровня современной дневной поверхности до 2,0 м. В ее пределах выявлены еще два скальных помещения Б и В, в значительной степени, затянутае грунтом. Выше над ними, фактически у края обрыва плато, начинается обширный христианский некрополь городища XIII – XIV вв.

В ходе исследований было установлено, что в состав комплекса сооружений Главных ворот крепости входили следующие объекты: собственно, входные ворота; скальные склепы-усыпальницы (№№ 1–6) с площадкой перед ними; скальные помещения А, Б, В; реконструируемая надвратная церковь комплекса (рис. 18, 25). Перейдем к описанию результатов их исследований.

Входные ворота. По сути, от них сейчас сохранились лишь примыкавший к воротам участок стены укрепления А.XVI и ряд конструктивно важных скальных подрубок на противоположном выступе мыса Тешкли-бурун.

Участок интересующей нас *крепостной стены* имеет протяженность около 8,0 м, ширину до 2,0 м и высоту от 3,30 до 5,20 м. В стене еще просматривается фрагмент выступающего пилон от арочного проема ворот. Традиционно данный участок укрепления А.XVI рассматривается в историографии в качестве классического примера оборонительных стен Мангупа, возведенных в середине VI в. (рис. 15,1). Стена сложена из прямоугольных, хорошо обработанных инструментом типа зубатка, каменных блоков, местами в технике кладки *opus mixtum* («тычком и ложком»). Эта техника хорошо видна на примере трех верхних рядов кладки общей высотой до 1,5 м. Ниже ряды внешнего панциря выступают наружу на 0,20 м и сложены из крупных блоков, местами пристроенных к скальным глыбам. Это указывает на то, что ширина цокольного яруса, вероятно, была больше, чем основной габарит стены. Важно отметить, что между блоками верхнего яруса крепостной стены фиксируется известковый связующий раствор цемяночного типа. Основой для возведения ее цокольного яруса является

срубленная поверхность материковой скалы. Ширина такой площадки в пределах 1,0 – 1,5 м. (рис. 16,1).

Порядовка внутреннего панциря стены укрепления А.XVI нарушена многочисленными перестройками и современными вывалами кладки (рис. 15,2). В северной его части сохранились фрагменты пилона с реконструируемыми размерами в пределах 1,7×1,8 м и максимальной высотой до 5,0 м. Вероятно, он изначально также был облицован крупными блоками с хорошо обработанной поверхностью, однако, в настоящее время *in situ* сохранился лишь небольшой такой участок в нижней части, высотой около 2,0 м. (рис. 16,2)

На противоположном от укрепления А.XVI выступе мыса Тешкли-бурун сохранились скальная постель-основание воротного проема, а также вырубленные склепы-усыпальницы и скальная площадка перед ними (рис 17,1).

Скальная постель имеет трехступенчатый профиль и использовалась, очевидно, в качестве основания для перекрытия воротного проезда. Ширина ее ступенек в пределах 0,30 – 0,35 м, высота 0,15 и 1,40 м. Общая длина постели составляет 15,50 м. С севера она завершается подпрямоугольной в плане подрубкой (размеры 0,93×0,8×0,33 м) предназначавшейся, вероятно, для установки пяты арки входного проема (рис. 17,2). Отметим, что эта подрубка вырублена не в оси с пилоном укрепления А.XVI и является фактически восточной границей реконструируемой башни ворот.

Над скальной постелью фиксируются группа склепов со скальной полкой перед ними. С запада полка завершается лестничным маршем, ведущим на скальную ступень-площадку перед помещениями В и Б.

Скальная полка перед склепами представляет собой искусственно вырубленную ступень, полные размеры которой сохранились лишь у склепа №1. Здесь она имеет ширину до 1,70 м, общую длину около 9,0 м и удобна для перемещения. В восточном направлении полка постепенно сужается, в том числе за счет описанной выше скальной постели от основания воротного комплекса. Если напротив склепов №2 и №3 ширина полки составляет 1,0 м, то напротив склепов №№4 и 5 – уже, соответственно, 0,50 и 0,30 м; напротив, же склепа №6 скальная полка полностью отсутствует. С запада вход на скальную полку-площадку вдоль склепов оформлен в виде лестничного марша шириной около 1,0 м, от которого сохранились лишь две верхних ступени с проступью 0,20 м и высотой 0,30 м. Нижняя часть лестницы сейчас обрушена. Среди других конструктивных скальных подрубок на полке отметим две вырубki прямоугольной формы под деревянные столбы (?) со стороны в пределах 0,10 – 0,20 м и глубиной до 0,20 м.

Группа склепов-усыпальниц состоит из шести скальных помещений. Они объединены плохо сохранившейся скальной полкой, уж описанной. Нумерации склепов идет в направлении запада на восток.

Склеп №1 (рис. 19; 22, 1). Подквадратный в плане с сильно сглаженными углами, общими размерами 2,90×3,00 м. Профиль сооружения бочкообразный с плоским потолком, высотой в пределах 1,82 – 2,5 м. Вблизи южного фаса в полу фиксируется скальная могила-костница. Она имеет подпрямоугольную форму,

общие размеры 2,0×0,9 м, глубину до 0,90 м. По внешнему периметру прослеживаются остатки заплечиков для плит перекрытия. Профиль гробницы близкий к прямоугольнику. Борта ее в целом почти вертикальные, дно хорошо выровнено, на стенах сохранились следы обработки инструментом типа долото. При сооружении гробницы склеп был незначительно расширен в южном направлении, что повлекло к частичному разрушению южного аркосолия, вырубленного в его стене. В полу, у восточного фаса, фиксируются две подквадратные в сечении подрубки, вероятно, более позднего происхождения.

Восточный фас склепа подквадратной формы, его размеры 2,8×1,80 м. На его поверхности сохранились следы обработки инструментом типа долото. Сверху, под потолком, имеется небольшое сквозное овальное отверстие размерами 6,0×18,0 см неясного назначения. *Южный фас* склепа прямоугольной формы со сглаженными углами. Здесь сохранились следы аркосолия на уровне современного пола. Он прямоугольный в плане, общие размеры 2,25×0,80×0,65 м. Профиль южного фаса склепа подпрямоугольный, с выраженным переходом между стенами и потолком. На стене фиксируются следы от инструмента типа кирка. *Западный фас* склепа подквадратной формы, размеры 1,8×2,95 м. Почти по центру, выше уровня современного пола на 0,2 м, вырублен второй аркосолий. Он овальный в плане, имеет размеры 1,80×0,6×0,6 м. Полка, отгораживающая внутреннее пространство аркосолия, вероятно, не сохранилась. Профиль конхиальный, сохранился полностью лишь в северной части. Внизу, под южным краем аркосолия, на месте непосредственного стыка западного фаса с современным полом склепа, фиксируются две квадратные в сечении подрубки, вероятно, более позднего происхождения. Они аналогичны пазам на восточном фаса склепа. Функционально, вероятно, их можно интерпретировать в качестве пазов для более позднего перекрытия пола. Наконец, *северный фас* склепа имеет подквадратную форму, размеры 1,90×2,90 м. В нем хорошо сохранились три проема. Один дверной, прямоугольной формы, размерами 0,90×1,60 м. В нем прослеживаются следы от двух различных дверных конструкций. От первой, по обе стороны внутри откосов, сохранились вертикальные пазы от деревянной рамы, на которую крепилось дверное полотно. От второй конструкции сохранились следы в потолке и полу в виде прямоугольных пазов. Ниже на 0,80 м от верха этого дверного проема с двух сторон имеются скальные вывалы, изображенные еще на одной из гравюр Ф. И. Гросса. Видимо именно это разрушение и стало причиной появления нового конструктивного решения дверного проема. Внутри склепа сохранилась скальная ступень подквадратной формы. Ее общие размеры 0,25×0,35 м, высота 0,20 м.

Оконные проемы в склепе (северный фас) различны. Один из них расположен на 0,35 м ниже уровня потолка, в профиле и плане сложно профилированный. Изнутри окно имеет размеры 0,20×0,25 м, которые резко увеличиваются снаружи до 0,50×0,45 м. Общая глубина вырубки под окно составляет 0,20 м.

Отметим, что наличие напольных пазов у западной и восточной стен склепа, следы срубленности южного аркосолия и лишь местами сохранившийся первоначальный скальный пол, по высоте соответствующий уровню входной

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

скальной ступени, указывает на несколько периодов его функционирования. От раннего периода, вероятно, сохранились два аркосолия, вырубленного в южной и западной стенах, а также отдельные участки пола, главным образом, вдоль северной, южной и восточной стен склепа. Второй строительный период связан с сооружением в южной части гробницы-костницы, в результате чего склеп был незначительно расширен в южном направлении, что повлекло к частичному разрушению южного аркосолия. На наш взгляд, последний не функционировал после этой перестройки. Третий этап использования склепа отмечен появлением здесь более поздних подрубок хозяйственного назначения в полу и на стенах.

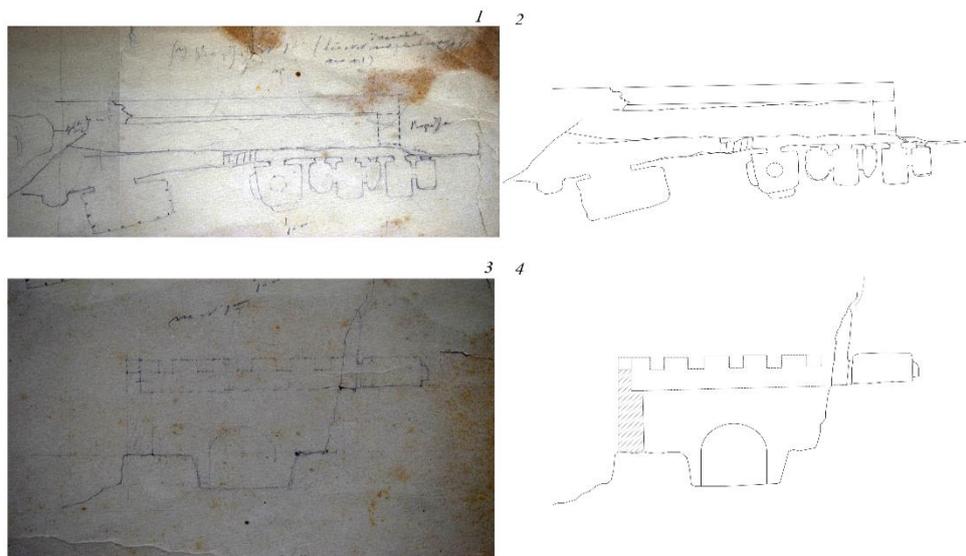

Рис. 11. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1, 3. – Фрагменты чертежей из архива А. Л. Бертъе-Делагарда (Мангут), лист 38. [ЦМТ КП-23055 Д8770], 2,4 – прорисовка Д. В. Иожницы.

Склеп №2 (рис. 20, 1–3; 22). Прямоугольный в плане с сильно сглаженными углами. Общие размеры 2,20×1,30 м, высота до 1,75 м. Потолок и пол хорошо выровнены. Профиль склепа подпрямоугольный, с плавным переходом между потолком и стенами. Стены, потолок и пол в целом сохранили первоначальный облик, следов перестроек нет. Характер обработки стен инструментами типа кирка и долото, местами они тщательно заглажены. В западной стене фиксируется общий вывал в склеп №1. Здесь же, у потолка, находится овальное сквозное отверстие позднего происхождения. В восточной стене в настоящее время также есть значительный пролом общим размерами 1,40×1,40 м с хорошо обработанным краями. Фактически после такой обработки этот пролом соединил между собой склепы №№ 2 и 3. В северном фасе склепа был вырублен дверной проем с арочным

завершением и размерами 0,90×1,0 м. По всему его периметру видны следы от деревянной (?) конструкции в виде пазов шириной 0,06 – 0,10 м. К западу от дверного проема на внешнем фасаде расположена еще одна скальная ниша овальной формы диаметром около 0,50 м и глубиной 0,25 м. Она также изображена на одной из литографий Ф. И. Гросса 1840–х г.

Склеп №3 (рис. 21, 2; 22). Прямоугольный в плане, общими размерами 2,50×1,40 м и высотой 1,50 – 1,70 м. Поперечный профиль помещения усечено–конический, продольный – подпрямоугольный, с явным понижением в южном направлении. Потолок и пол хорошо выравнены с плавным переходом к вертикальным стенам. Стены, потолок и пол сохранили характер первоначальной обработки инструментом типа кирка, без следов заглаживания. Как и склепы №1 и 2, склеп №3 использовался исключительно в качестве погребального сооружения. В южной части фиксируются прямоугольные подрубки, которые, вероятно, использовались в более позднее время под деревянные конструкции. Важно отметить, что, как и в случае со склепом №2, склеп №3 был соединен со склепом №4 обширным проломом с обработанными краями. Размеры пролома овальной формы составляют 1,10×1,10 м. Северный фас склепа имеет следы дверного проема с арочным завершением и размерами около 1,50×1,0 м. По периметру дверного проема сохранились заплечики под деревянную конструкцию. Пол склепа относительно уровня внешней скальной площадки ниже на глубину до 0,30 м.

Склеп №4 (рис. 21, 1–2; 22). В плане подовальной формы, размерами по полу 1,40×0,70 м и высотой 1,70 м. Его особенностью является конхиальный профиль и отсутствие четких границ при переходе между стенами и потолком. Поверхность стен, пола и потолка обработана инструментами типа кирка, ударами слева направо и вертикально сверху вниз. С предыдущим склепом связан проломом размерами 1,10×1,10 м. В восточной стене фиксируется вывал неправильной формы в склеп №5. На северном фасае вырублен дверной проем с арочным завершением и размерами 1,20×0,80 м. Следы от деревянной конструкции не прослеживаются, но предполагаются. На месте примыкания к скальной полке сохранились две подрубки под деревянные столбовые (?) конструкции неясного назначения.

Склеп №5 (рис. 21, 3–4; 22). Подпрямоугольной формы с сильно сглаженными углами с юга. Общие размеры 1,90×1,10 м, высота 1,50 м. Особенность этого склепа является отсутствие четких граней между полом, стенами и потолком. Продольный профиль конхиальный. Стены и пол обработаны инструментами типа кирка и долото. Обращает внимание специфичный характер обработки западной стены склепа. Здесь удары киркой наносились крест на крест, что не характерно для обработки склепов №№ 1–4. Такой же характер обработки (крест на крест) виден и на западной стене склепа. С соседними склепами склеп №5 соединяется небольшими проломами. Основной и единственный вход в склеп находится с севера. Он оформлен в виде проема с арочным завершением, по периметру которого слабо прослеживаются заплечики под деревянную конструкцию шириной до 0,06 м. Пол склепа ниже уровня дверного проема на глубину 0,40 – 0,45 м.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

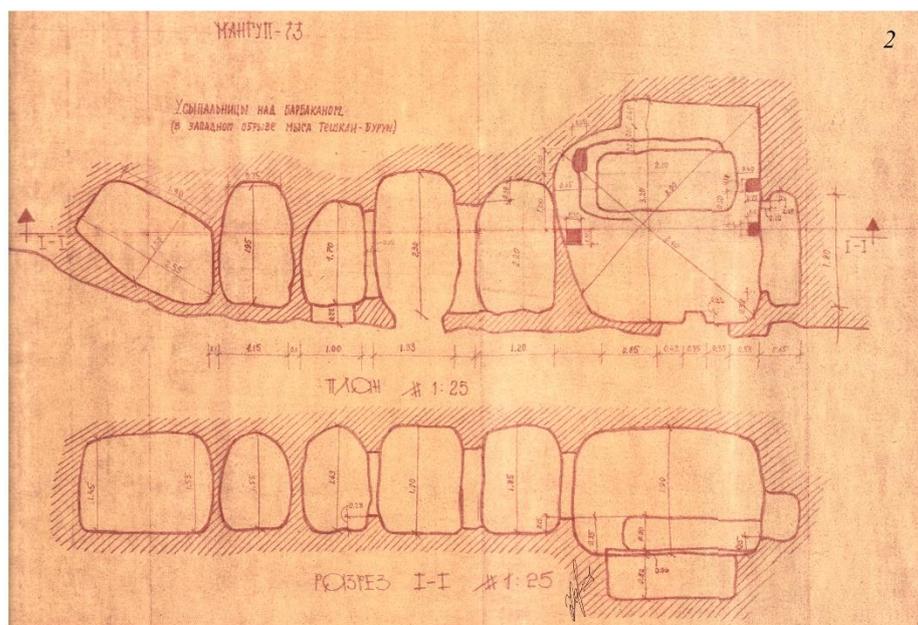

Рис. 12. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с плато [по: 7, лист 21.]; 2. – План скальных склепов-усыпальниц 1973 г. [по: 8].

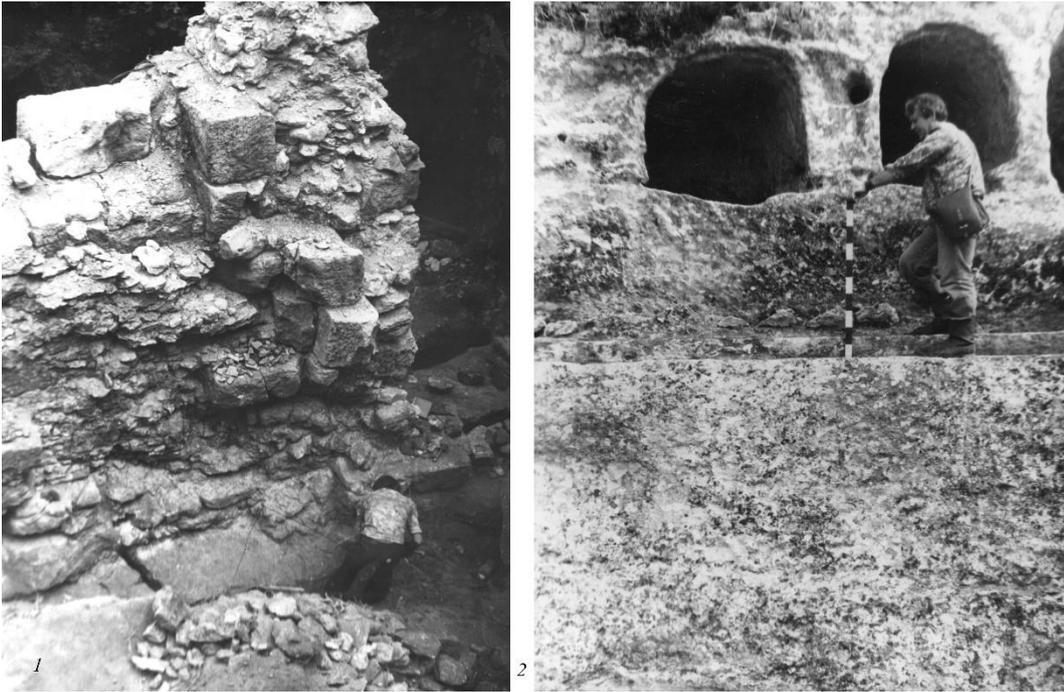

Рис. 13. Главные крепостные ворота Мангунского городища. 1. – Раскопки внутренней стороны пилона ворот, 1977 г., 2. – Фрагмент кладки свода ворот и вырубку под него.

Склеп №6 (рис. 21, 5–6, 22) Ладьевидной формы, общими размерами 2,50×1,40 м и высотой около 1,60 м. Отметим нестандартную ориентацию склепа. Если предыдущие склепы №№ 1–5 были ориентированы по оси север-юг, то склеп №6 – по оси запад-восток. Как нам представляется, это не связано с его хронологией. Пол склепа хорошо выровненный. Стены в целом вертикальные, с хорошо выраженными переходами к полу и потолку. Потолок несколько понижен к востоку. Очевидно, что склеп использовался как погребальное сооружение. Входное отверстие в него имеет выраженный арочный свод. Сохранились следы ступенчатых заплечиков для установки дверной конструкции шириной до 0,10 м.

Обратим внимание еще на одну архитектурную особенность группы скальных склепов. Первоначально общий фасада их включал один дверной проем (склеп №1) и пять арочных окон-проемов (склепы №№ 2–6). Функционально, это объясняется, возможно, тем, что склеп №1 использовался для проведения церковной литургии, а остальные – как обычные гробницы-костницы. На втором этапе происходит, вероятно, разрушение скальных простенок склепов. Причем вывал стены между склепами №№ 2 и 3 был настолько велик, что они были объединены, и тогда же появился дверной проем в склепе №3. На этом же этапе, предположительно,

происходят перепланировка склепа № 1, в результате чего вырубается гробница–костница в его полу и разрушается южный аркосолий.

Помещение А (рис. 18; 24). Расположено в нижнем ярусе северного обрыва мыса Тешкли-бурун, непосредственно под склепом №1 и почти в уровень поверхности современной грунтовой дороги. Помещение сейчас сильно обрушено, в частности, обвален его входной карниз. От первоначального помещения сохранилась лишь внутренняя часть, контуры которой прослеживаются благодаря характеру обработки поверхности. Можно предположить, что изначально оно имело общие размеры 3,0×1,0 м и конхиальный профиль с небольшим плоским потолком, без четких граней у стен. Пол сохранился частично. Возможно, он изначально был на 0,50–0,80 м выше современной поверхности. Обработки стен помещения производилась инструментом типа кирка. Линии от ударов с шагом не менее 0,10 м, которые наносились сверху вниз в разных направлениях, местами пересекают друг друга. В западной части помещения видны остатки от нескольких скальных подрубок, есть также изображение равноконечного креста. Однако, все они не связаны с первоначальным назначением памятника. Отметим, что помещение А присутствует на одной из литографий Ф. И. Гросса.

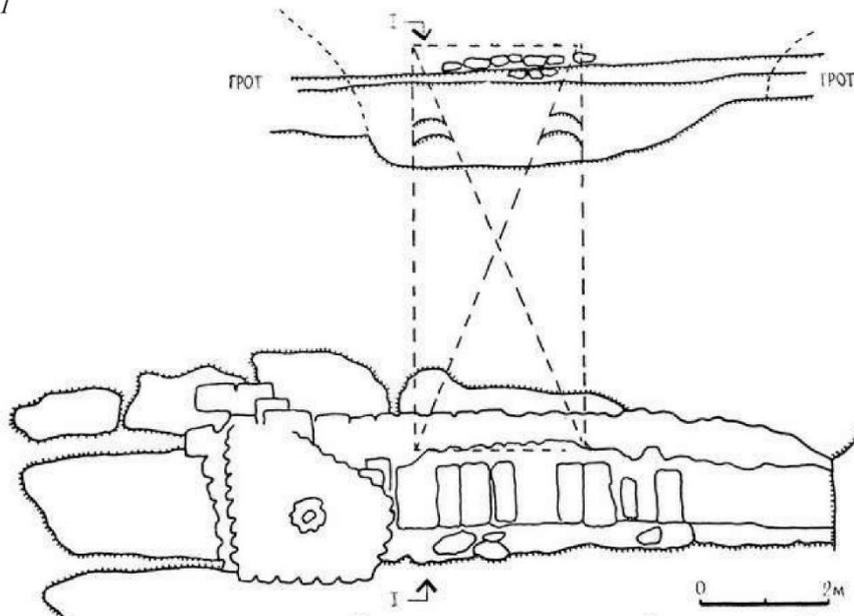
Как уже говорилось, помещения Б и В расположены к западу от группы слепов–усыпальниц. К ним примыкает широкая скальная полка–площадка шириной не менее 4,00 м. Здесь же находится скальная лестница, возможно, более позднего происхождения. Рельеф площадки, на сегодняшний день, до конца не ясен, так как она затянута грунтом. Отметим, что над помещениями начинается участок христианского некрополя XIII – XIV вв., погребения на территории которого совершались в скальных гробницах прямоугольной формы. Связаны ли помещения Б и В с этим некрополем, а также с сооружениями воротного комплекса, остается пока не определенным.

Помещение Б (рис. 18; 23, 1). Представляет собой в плане прямоугольное помещение с плоскими потолком и полом, и вертикальными стенами. Общие размеры 5,50×3,0 м, высота 2,00 – 2,20 м. Южная стена расширяется в восточном направлении. Общая ориентация помещения по оси север-юг. Характер обработки поверхности до конца не ясен из-за многочисленных разновременных перестроек. Внутри помещения имеются многочисленные подрубки, не образующие никакой системы. Выделим лишь пять подрубок в виде колец со сквозными отверстиями, что свидетельствует об использовании помещения для скота. Можно также отметить скальную полку в восточной стене общими размерами 1,40×0,50 м и высотой 0,15 м.

Помещение В (рис. 18; 23, 2). Расположено к западу от помещения Б, на расстоянии 2,5 м. В настоящее время затянута грунтом, видна только верхняя его часть. Вероятно, поперечный профиль помещения был конхиальным. Характер обработки поверхности аналогичен помещению А и склепу №5: инструмент типа кирка, удары сверху вниз в разных направлениях, местами линии пересекают друг друга. Судя по видимой части помещения, оно было подквадратной формы в плане

с внутренними размерами 1,5×2,0 м. Его высота до уровня заполнения достигает 1,0 м. Каких-то следов подрубков на поверхности не прослеживается.

1

2

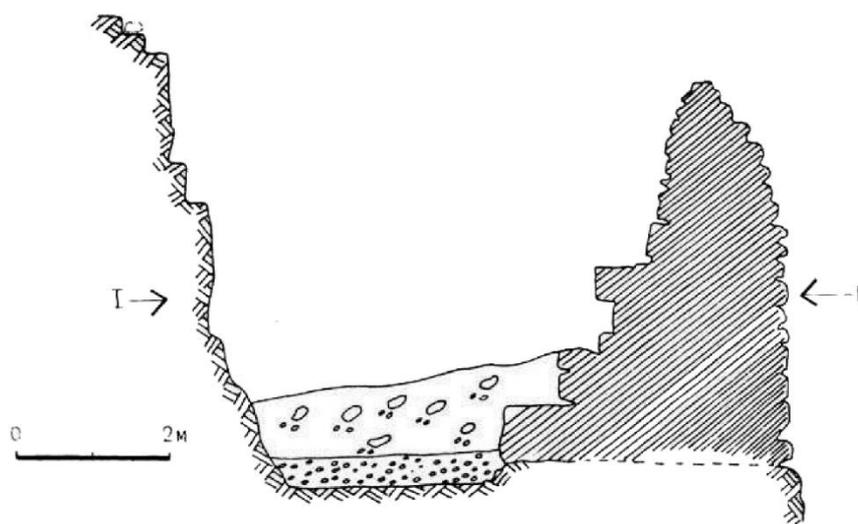

Рис. 14. Укрепление А.XVI. Главные крепостные ворота. 1. – План; 2. – Разрез [по: 14, рис. 22, 23].

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

1

2

*Рис. 15. Укрепление А.XVI. 1. – Внешний фас стены; 2. – Внутренний фас стены.
Фото Д. В. Иожицы, 2020 г.*

Рис. 16. Укрепление А.XVI. 1. – Внешний профиль стены; 2. – Остатки пилона. Фото Д. В. Иोजицы, 2020 г.

Надвратная церковь. Расположена над входными воротами в крепость. Как показали исследования, ворота имели прямоугольную в плане форму и общие размеры 7,6×5,8 м. Перекрытие было сводчатым и состояло из четырех арок. Две из них опирались на выступающие пилоны укрепления А.XVI и скальный выступ мыса Тешкли-рун. Две другие располагались перпендикулярно первым и, таким образом, в стене укрепления и скальном выступе мыса образовались глухие арочные проемы. Одну из таких перпендикулярных арок можно увидеть на литографии Ф. И. Гросса [32, с. 220–221]. Перекрытие крестовым сводом объясняет наличие выступающих пилонов в стене, один из которых сохранился *in situ*. Дело в том, что нагрузка крестового свода распределяется по направлению от центра к краям и, опираясь на угловые колонны, отрицает возможность существования стен [26, с.], что можно наблюдать на рисунке М. Б. Вебеля (рис. 5). Таким образом, при полном или частичном разрушении стены укрепления А.XVI входная башня могла продолжать функционировать.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

1

2

Рис. 17. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Скальные склепы в Капу-дере. 2. – Скальная подрубка в скальном выступе мыса Тешкли-бурун. Фото Д. В. Иожницы, 2020 г.

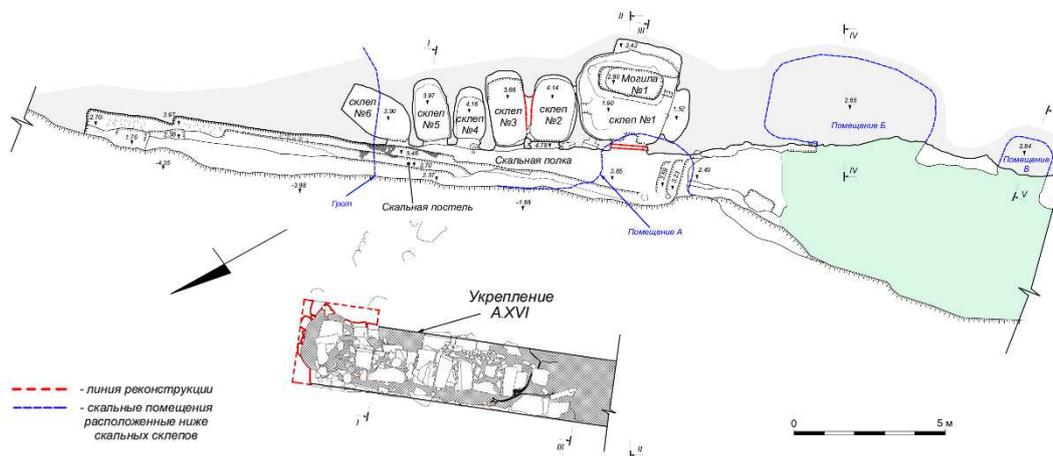

Рис. 18. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. Общий план по результатам полевых работ 2019–2020 гг.

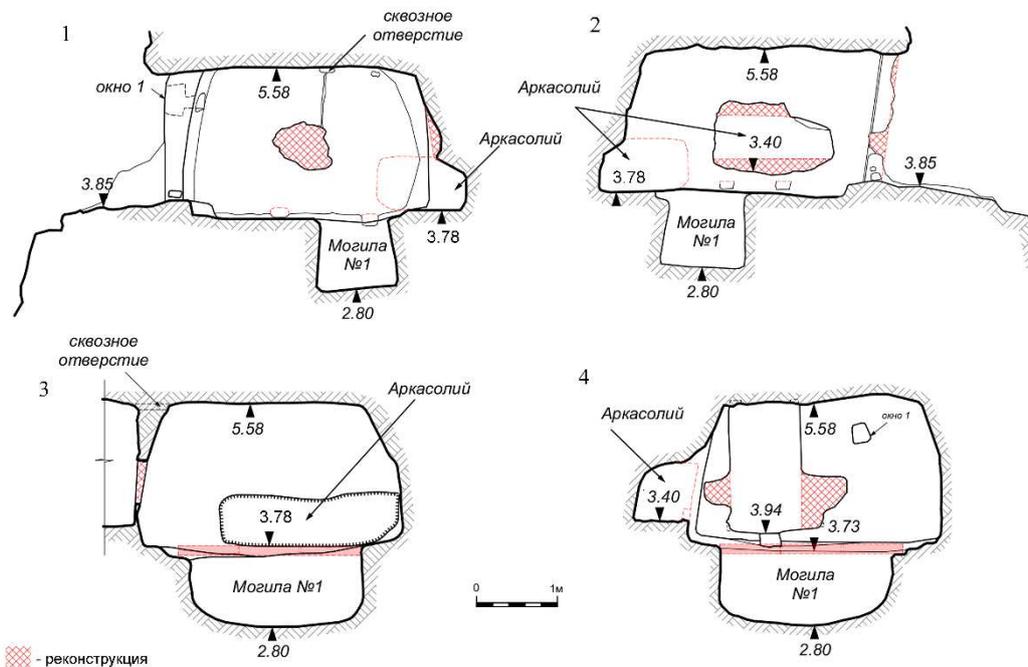

Рис. 19. Группа скальных склепов. Склеп № 1. Внутренние фасировки. 1. – Северный фас, 2. – Южный фас, 3. – Восточный фас, 4. – Западный фас.

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

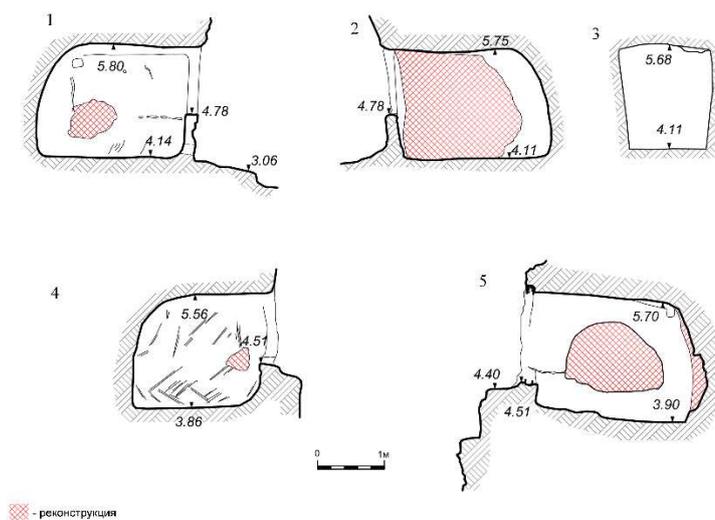

Рис. 20. Группа скальных склепов. Склеп № 2 и № 3. Внутренние фасировки. 1. – Южный фас склепа № 2, 2. – Южный фас склепа №2, 3. – Восточный фас склепа №2, 4. – Южный фас склепа № 3, 5. – Северный фас склепа № 3.

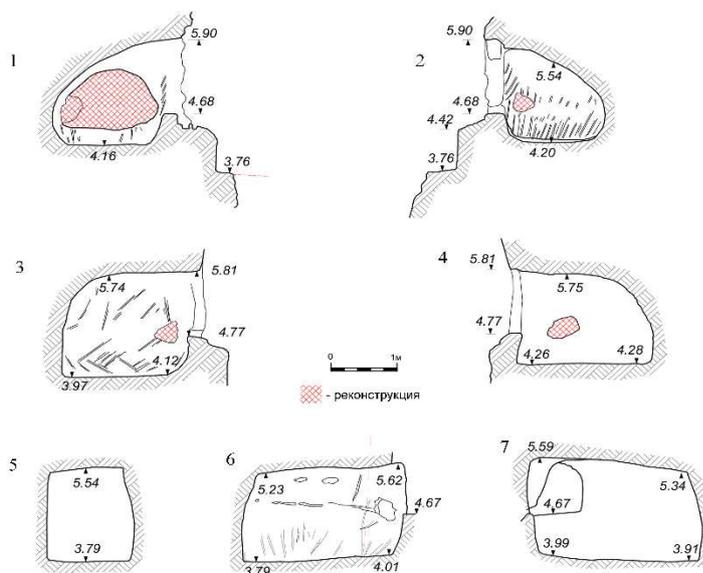

Рис. 21. Группа скальных склепов. Склеп № 4, № 5, № 6. Внутренние фасировки. 1. – Южный фас склепа № 4, 2. – Северный фас склепа №4, 3.- Южный фас склеп № 5, 4. – Северный фас, 5. – Восточный фас склепа № 6, 6. – Южный фас склепа № 6, 7 – Северный фас склепа №6.

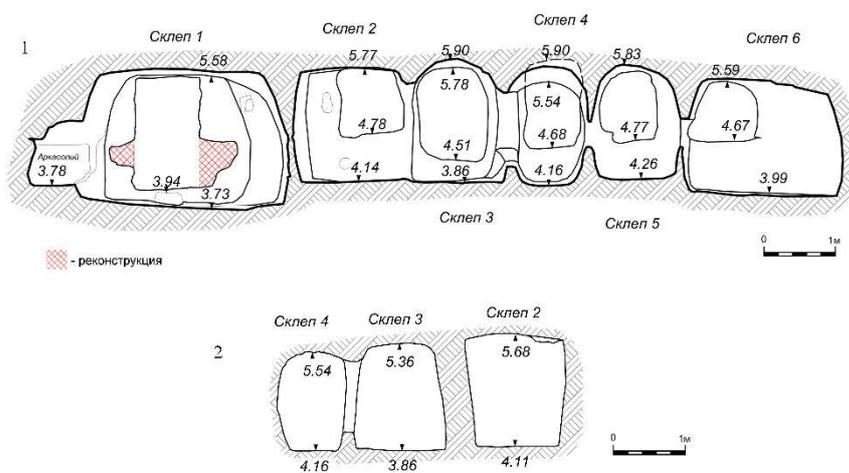

Рис. 22. Группа скальных склепов. Внутренние фасировки. Склеп №№1-6. 1. – Западные фасы склепов №1-6. 2. – Восточные фасы склепов №№2-4.

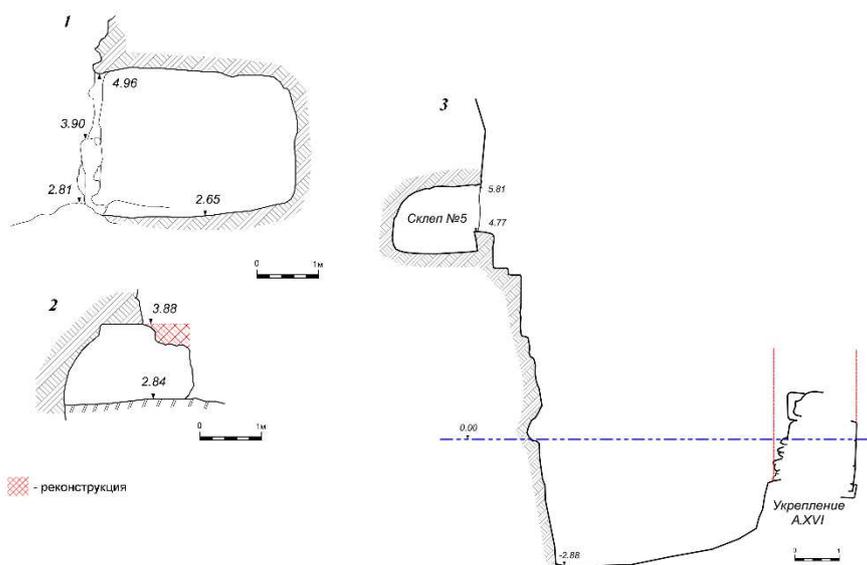

Рис. 23. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. 1. – Скальное помещение Б, южный фас, 2 – Скальное помещение В, северный фас. 3. – Разрез I-I.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

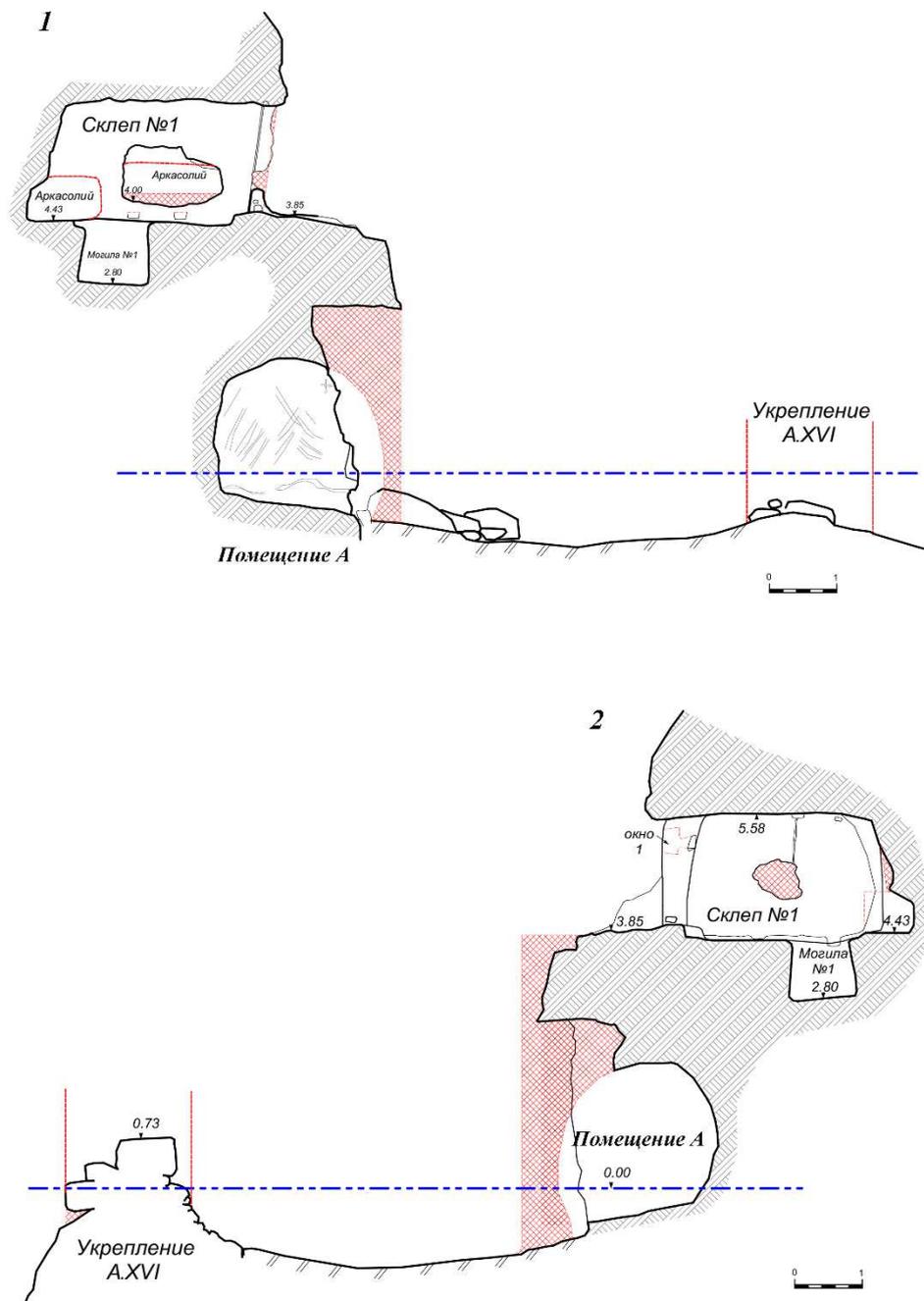

Рис. 24. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища.
1. – Разрез 2-2; 2. – Разрез 3-3.

Среди исследователей нет единого мнения о генезисе надвратного храма, как нового типа культового здания. В. П. Выголов, например, считает, что эти церкви являются одним из видов храмового зодчества Древней Руси, который представляет собой уникальное явление, свойственное только древнерусской архитектуре [11]. Это мнение поддерживают и ряд других исследователей [11; 12; 24; 1, с. 31–32]. В. П. Выголов выделяет три основных периода появления и распространения надвратных церквей: активное строительство и становление этого вида культовых сооружений приходится на XI – начало XIII вв., период упадка – вторую половину XIII – XV вв., а после начала XVI в. такие храмы украшают главные входы монастырей, придавая им большую «внушительность и «святость», выразительность и нарядность». Эта тенденция сохраняется до XVII вв. Исследователь разделяет надвратные церкви по особенности их расположения: над воротами городских стен, кремлей, крепостей, монастырей, архиерейских дворов и церквей [11].

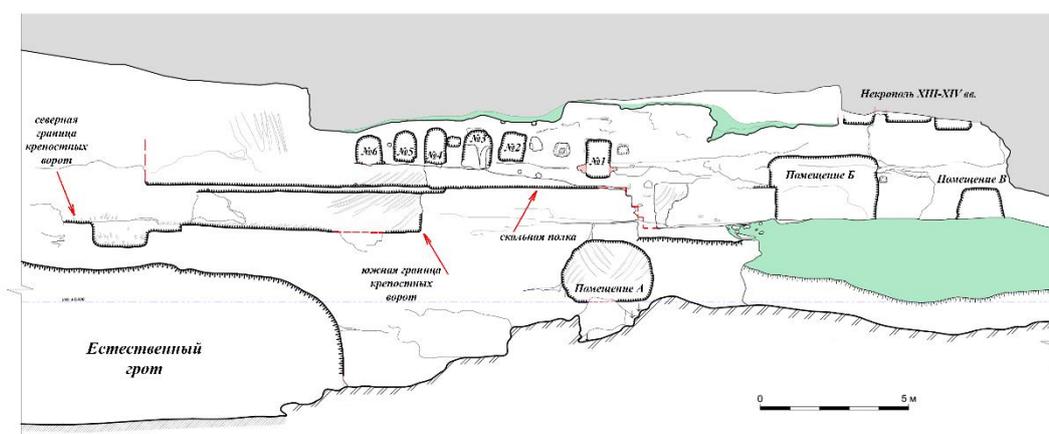

Рис. 25. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. Главный фасад.

Вл. В. Седов считает, что надвратные церкви имели широкое распространение в византийском мире и видит символический «иерусалимский» характер таких храмов [38, с. 544–584]. Он утверждает, что надвратные храмы и часовни над воротами появились в IX в. и продолжали использоваться вплоть до XVII в. Классификация таких церковных комплексов, по Вл. В. Седову, основывается на трех критериях: их местоположение, планировочное решение и освященность [38, с. 563–570].

А. Ю. Виноградов полагает, что надвратные храмы изредка встречаются на территории Византии, хотя и не образуют здесь устойчивой архитектурной традиции [9, с. 249]. Он выстраивает генезис известных памятников, исходя из их планировки: купольная церковь и компактно вписанный крест (XI в.), вписанный

крест на четырех столпах (XII в.), купольные, но бесстолпные и квадратные в плане (конец XII в.) и зальные церкви (конец IX–XIV вв.) [9, с. 266–267].

С. С. Аванесов, дополняя Вл. В. Седова, сугубо гипотетически подразделяет надвратные церкви «с учётом всей композиции» на: храмы на городских или крепостных воротах, ворота в нижнем ярусе храма или храм–ворота с прямым и ломаным проездом, крепостные ворота с примыкающим к ним изнутри храмом, отдельно стоящие крепостные ворота и храм–ворота в единой системе, храм–колокольня с воротами.

Отметим, среди исследователей остается дискуссионным и перечень известных византийских надвратных храмов [1; 9; 36]. Совпадают мнения лишь об одном надвратном храме – балканский храм №5 в Пернике (XI – начала XII вв.). В действительности, эта церковь представляет собой двухъярусный храм–усыпальницу, на нижнем уровне которой была расположена гробница и проездная арка. Не ясно, почему рассматривается только церковь и ее планировка без гробницы под ней. На наш взгляд, это типологически не верно. Развитие двухэтажных гробниц (или двухъярусных церквей–усыпальниц, церквей–костниц, церквей–кенотафов, погребальных церквей) занимает особое место в армянской и болгарской средневековой архитектуре [20; 32;]. Примерами этому являются, армянский погребальный мемориал в Агиту (VII в.); храм Мцире Чиквани в Грузии (X в.), церковь–усыпальница Сурб Аствацацин в Егварде (не ранее 1301 г.) и Нораванке (1339 г.) и др. [33, с. 222–223]. Среди крымских памятников к этой типологической группе можно отнести «церковь 1459 г.» в крепости Фуна [23, с. 151–183].

Несмотря на дискуссию, можно выделить два варианта архитектурного решения внешнего облика надвратного храма. Принято считать, что, если церковь визуально усилена архитектурно выраженными храмовыми элементами, то такие памятники являются акцентом пространственного ансамбля «собор–ворота», что характерно для традиции древнерусских надвратных храмов. Такие храмы выполняют семиотическую функцию и литургические программы, аналогичные программам в наземных церквях [1, с. 57–61; 38, с. 547–548].

Другим вариантом архитектурного решения церкви является ее невыделенность из общего объема воротной башни. Наиболее широкое распространение такие храмы получают в монастырях на Афоне, наиболее ранние из которых относятся к XII – XIV вв. [25, с. 29–30]. Также в башнях над входными воротами существовали маленькие церкви–капеллы или часовни, по-гречески именуемые «параклисами». Стоит обратить внимание, что «параклиса» (греч. Παράκλησις) первоначально относилась только к молебальному канону [36]. В балканских славянских языках параклисом часто именуют малый храм, придел или часовню по схожести греческих слов «парекклисио» и «параклисис». Более того, достаточно часто на территориях монастырей сооружалось большое количество таких «параклис», которые имели совершенно разную архитектуру, но сохраняли за собой свою первоначальную функцию – место для усердной молитвы. Например, на территории афонских монастырей параклисы располагались в глухих и воротных

башнях, поздних пристройках к главному монастырскому храму, в виде отдельно стоящих часовен, в кельях, трапезных, лечебницах и помещениях иного назначения монастыря [25, с. 29–30].

Возвращаясь к надвратной церкви входного комплекса Мангупского городища, обратим внимание на наличие склепов-усыпальниц, в которых, судя по раскопкам Р. Х. Лёпера, производились захоронения. С учетом небольших размеров входной башни можно предположить, что Мангупская надвратная церковь могла играть роль такой «параклисы». Обратим внимание, что храм-параклиса не имеет четкой архитектурной формы и планировки, поэтому возникает вопрос о внешнем облике надвратного храма Мангуца.

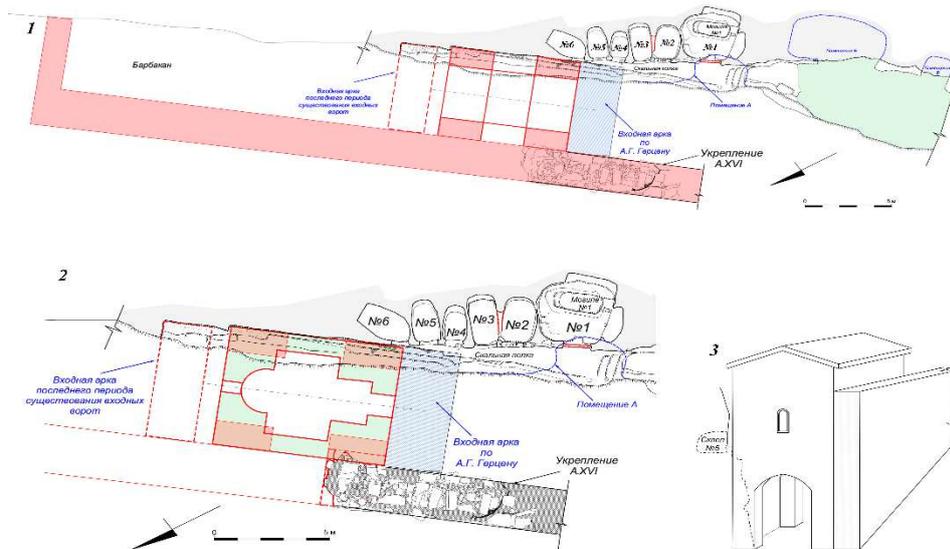

Рис. 26. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. 1. – План-реконструкция пилонов и арок ворот 2. – План-реконструкция надвратной церкви. 3. – Реконструкция общего вида надвратного комплекса главных крепостных ворот XIII–XIV вв.

Наиболее территориально близкой аналогией Мангупскому надвратному храму, на наш взгляд, является один из малоазийских храмов, расположенной на Южном Понте. В небольшой крепости Бузлуджа Кале (с. Джанаер), в 30 км к востоку от Трапезунта, сохранились следы от двух надвратных храмов. Весь комплекс Бузлуджа Кале представляет собой Халдский монастырь Спасителя в Сирменах, основанный отцом Иоанна Халда, дуки Халдии, в X – XII вв., по мнению Вл. В. Седова, или в конце IX в., по А. Ю. Виноградову [9, с. 254; 38, с. 551]. Сохранность надвратных храмов плохая, однако, судя по остаткам в северной башне, церковь была возведена в виде одноапсидного зального храма. Из общего

объема башни храм не был выражен. Лишь плоский выступающий карниз на внешнем фасаде башни обозначал начало ее верхнего этажа [44, р. 328–329, Fig. 115]. Одним из датирующих признаков надвратного храма южной башни являются фрагменты полов в технике *opus sectile*¹. По мнению некоторых исследователей, наиболее ранняя аналогия таких полов обнаружена в храме Панагии монастыря Осиос Лукас в Фокиде, построенном в 960–е гг. [9, с. 253–255]. Как видно из чертежей, малоазийский северный храм был внутрибашенный.

По аналогии, надвратный храм Мангупского городища представлял собой единый конструктивный объем с двускатной кровлей, его апсида не выделялась из общего объема надвратной башни (рис. 26). Отметим, что наличие такого надвратного комплекса, по всей вероятности, делала слабее оборонительную функцию надвратной башни, что предположительно послужило причиной появления нового фортификационного элемента Главных ворот крепости – барбакана.

Самым сложным и дискуссионным остается вопрос даты возведения и конца функционирования надвратной церкви. По одной из существующих версий, связанные с нею склепы–усыпальницы появились еще в период раннего средневековья. Она основана, главным образом, на анализе техники обработки стен склепов [18, с. 238, рис. 5].

В архиве ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» сохранились полевые дневники Р. Х. Лёпера, проводившего археологические исследования склепов в 1913 г. Из них видно, что работы осуществлялись только в склепах №№ 1, 5 и 6 [29, с. 297–300]². Всего было обнаружено 51 находка: в склепе №1 найдено 9, в склепе №5 – 35, в склепе №6 – 7 предметов.

В фондах ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»³ удалось найти и идентифицировать только 9 находок из этих раскопок:

Два литых бронзовых бубенчика со сплюснутым корпусом, украшенным рифлеными поперечными полосами, с прорезями и небольшим шариком–битой внутри (М 536/13). Их высота 3,2 см, сохранность различная (рис. 27,5). Такие бубенчики имеют широкие хронологические рамки бытования, в пределах X–XV вв. [2, с. 47, рис. 7,5]. Аналогичные бубенчики найдены в склепе №6 в Лучистом (XI–XII вв.), Саркеле–Белой Веже (последняя треть X в.; вторая половина XI – начало

¹ *Opus sectile* – разновидность пластиночной или штучной мозаики, получившая развитие в Древнем Риме, где материалы вырезались и инкрустировались в стены и полы для создания рисунка или узора. Обычными материалами были мрамор, перламутр и стекло. Они разрезались на тонкие кусочки, отполировывались, а затем дополнительно обрезались в соответствии с выбранным рисунком. Эта техника была забыта с упадком Римской империи, но по-прежнему использовалась в византийских церквях, прежде всего, при настиле полов.

² Отметим, что среди полевых дневников, к большому сожалению, нет ни единой схемы нумерации склепов, ввиду этого сложно говорить об конкретном месте находки.

³ Выражаю благодарность за помощь в работе главному хранителю научно-фондового отдела ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» – Н. Л. Демиденко, и сотруднику фондов музея – Е. В. Колесник.

ХІІ вв.), Керчи (конец Х – начало ХІІ в.) и на Эски-Кермене (Х – ХІІІ вв.) [3, с. 426, рис. 20, 9].

Рис. 27. Материалы из раскопок Р. Х. Лёпера в 1913 г. 1,3 – склеп №1 (кн-525; 526); 2,4,5,6,7,8 – склеп №5 (кн-532;534;536;538;539;540); 9 – склеп №6 (кн-568)

Рис. 28. Материалы из раскопок Р. Х. Лёпера в 1913 г. 1,2 – склеп № 5 (№1808/133; 1808/134), 3. – только две бусины из склепа №5 (1808/173).

Медная (?) сферическая пуговица с петелькой для пришивания (форма петельки не сохранилась), диаметром до 0,7 см и высотой до 1,0 см (М 539/13) (рис. 27, 7).

Бронзовая полая сферическая пуговица, состоящая из двух половинок, с основанием от петельки для пришивания; степень сохранность плохая, диаметр до 1,5 см (М 538/13) (рис. 27, 6). Такие пуговицы носили в Крыму, начиная с VIII в. На могильнике на склоне Эски–Кермена они обнаружены вместе с браслетами из синего пастового стекла [3, с. 426].

Бронзовые кольца с незамкнутыми краями диаметром до 3,0 см (М 525/13; 534/13) (рис. 27, 1–2);

Медный перстень (рис. 27, 4).

Медная муфта (?) от рукояти инструмента (рис. 27, 9)

Два каменного предмета неясного назначения (М 526/13; 540/13) (рис. 27, 3,8).

Также удалось установить, что бусы и глиняный кувшинчик из раскопок Р. Х Лёпера из склепа №5 были переданы в 1914 г. на хранение в Санкт-Петербург [30, л. 4, 8; 29, л. 22]. Сейчас этот материал находится в фондах Государственного Эрмитажа (коллекция №1808 «Мангуп») (рис. 28). В коллекционной описи имеется описание двух глиняных кувшинчиков, которые ошибочно записаны как лепные.

Один из кувшинов с серо–розовым в изломе черепком имеет яйцевидное тулово, плоское дно, высокое узкое горло с ойнохоевидным венчиком. Ручка плоская с неглубоким желобком. По плечикам орнамент в виде зигзагообразных врезных линий. Размеры кувшина: диаметр 10,2 см, высота 16,1 см. (рис. 28, 1). Второй кувшин желто–розового цвета грушевидной формы с плоским широким дном и узким высоким горлом, также с ойнохоевидным венчиком. Ручка широкая плоская. Размеры: диаметр 7,5 см, высота 12,11 см (рис. 28, 2). Такие кувшины известны на памятниках Юго-Западного Крыма XIII в. [39, с. 503], хотя, скорее всего, имеют широкие хронологические рамки бытования.

Заключение. Входной комплекс Главных ворот Мангупского городища является важнейшим градостроительным узлом крепости, просуществовавшим, вероятно, вплоть до конца ее истории. Не возникает сомнений, что крепостные ворота при столь долгом функционировании нуждались в частых ремонтах и даже перестройках. Следы некоторых из них можно увидеть при осмотре сохранившегося участка стены укрепления А.XVI. Сложно сказать, какой был первоначальный облик крепостных ворот, как он менялся со временем и с чем были связаны эти перемены. Однако, как показывают их новые исследования 2019 – 2020 гг., на одном из этапов воротных комплекс включал также надвратную церковь и связанные с ней склепы-усыпальницы. С учетом сведений иеромонаха Матфея, видевшего этот храм уже разрушенным, их существование следует сейчас ограничить золотоордынским периодом истории Мангупа, то есть концом XIII – XIV вв. [34, с. 265-267].

Список использованных источников и литературы

1. Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (7). К типологии надвратных храмов. // Визуальная теология. – 2020. – № 1. – С. 29–66.

- Avanesov S. S. Sakral'naya topika russkogo goroda (7). K tipologii nadvratnykh khramov. Vizual'naya teologiya. 2020. № 1. – P. 29–66.
2. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски–Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 43–51, 236–242.
- Aibabin A. I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski–Kermen. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 1991. – Вып. II. – P. 43–51, 236–242.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски–Кермен // МАИЭТ. – 2011. – Вып. – XVII. – С. 422–457.
- Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Pozdnesrednekovaya chasovnya na plato Eski–Kermen. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2011. – Вып. – XVII. – P. 422–457.
4. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. – Одесса. – 1839. – С. 535–564.
- Andrievskii I. S. Razvaliny Mangupa. Odesskii al'manakh na 1840 g. – Odessa. – 1839. – S. 535–564.
5. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – 2001. – 500 с.
- Baier Kh.-F. Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. – 2001. – 500 s.
6. Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. – Симферополь. – 2012. – 322 с., ил.
- Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednekovogo Kryma. III. – Simferopol'. – 2012. – 322 s., il.
7. Веймарн Е. В. Иллюстрации к материалам археологической экспедиции в Инкермане в 1950 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ Ф.3, Оп.7, Д.20, л. 21 Мангуп-Кале. Главный въезд в Крепость (вид из крепости)
- Veimarn E. V. Ilyustratsii k materialam arkheologicheskoi ekspeditsii v Inkermane v 1950 g. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Bakhchisaraiskii istoriko-kul'turnyi i arkheologicheskii muzei-zapovednik». F.3, Op.7, D.20, L. 21 Mangup-Kale. Glavnyi v'ezd v Krepost' (vid iz kreposti).
8. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – С. 419–429.
- Veimarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropolya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1953. № 34. Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – S. 419–429.
9. Виноградов А. Ю. Зарождение и развитие феномена надвратных храмов в византийском мире // ВВ. – Т. 102. – 2018. – С. 249–271
- Vinogradov A. Yu. Zarozhdenie i razvitie fenomena nadvratnykh khramov v vizantiiskom mire. Vizantiiskii vremennik. – T. 102. – 2018. – S. 249–271.
10. Виноградов А. Ю. Храмик над главными воротами Эски–Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // МАИЭТ. – 2016. – Вып. XXI. – С. 174–192.
- Vinogradov A. Yu. Khramik nad glavnyimi vorotami Eski–Kermena i srednekovaya traditsiya nadvratnykh tserkvei. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2016. – Вып. XXI. – S. 174–192.
11. Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения). // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. М. – 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/vygovlov4.htm>.
- Vygovlov V. P. Nadvratnye khramy drevnei Rusi (problemy evolyutsii i proiskhozhdeniya). Pamyatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: stolitsa i provintsiya. M. – 1994. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rusarch.ru/vygovlov4.htm>.
12. Высоцкий С. А. Золотые ворота в Киеве. Киев. – 1982. – 128 с.: ил. 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusarch.ru/vysotsky_s1.htm.
- Vysotskii S. A. Zolotyie vorota v Kieve. Kiev. – 1982. – 128 s.: il. 20 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.rusarch.ru/vysotsky_s1.htm.

13. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феолоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 258–282, рис. 1, 2.
 Gertsen A. G. Rasskaz o gorode Feoloro. Topograficheskie i arkheologicheskie realii v poeme ieromonakha Matfeya. Antichnaya drevnost' i srednie veka. – 2001. – Вып. 32. – С. 258–282, ris. 1, 2.
14. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I. – С. 87–166, 242–271.
 Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 1990. – Вып. I. – С. 87–166, 242–271.
15. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея. // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.
 Gertsen A. G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieromonakha Matfeya. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.
16. Герцен А. Г. Полевой дневник 1972 г. // Отчет о работах мангупского отряда в 1972 г. Научный архив ИАК РАН, Ф.1, оп. 6, Д.5.
 Gertsen A. G. Polevoi dnevnik 1972 g. Otchet o rabotakh mangupskogo otryada v 1972 g. Nauchnyi arkhiv IAK RAN, F.1, op. 6, D.5.
17. Герцен А.Г., Могаричев Ю. М. К истории изучения пещерных церквей Мангупа: об идентификации «церкви Струкова» // ИАКр. – Вып. IV. – Симферополь. – 2016. – С. 158–175.
 Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. K istorii izucheniya peshchernykh tserkvei Mangupa: ob identifikatsii «tserkvi Strukova». Istoriya i arkheologiya Kryma. – Вып. IV. – Simferopol'. – 2016. – С. 158–175.
18. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения ранневредневековых пещерных сооружений Горного Крыма // СА. – 1991. – № 2. – С. 232–239.
 Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. Metodika vydeleniya rannevrednevekovykh peshchernykh sooruzhenii Gornogo Kryma. Sovetskaya arkheologiya. – 1991. – № 2. – с. 232–239.
19. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.): коллективная монография. М.; СПб., 2017. 272 с., ил
 Gertsen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. Yu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV – XVII vv.): kolektivnaya monografiya. – М.; SPb. – 2017. – 272 s., il
20. Грабарь А. Болгарския церкви-гробницы // Известия на Българския археологически институт. – София. – 1922. – Св. I. – Т. I. – с. 103–135.
 Grabar' A. Bolgarskiya tserkvi – grobnitsy. Izvestiya na B'lgarskiya arkheologicheski institut. – Sofiya. – 1922. – Sv. I. – Т. I. – с. 103–135.
21. Днепровский Н. В. Неизвестная пещерная церковь Мангупа (по материалам художника Д. М. Струкова) // Спелеология и спелестология: матер. IV Междунар. науч. заочной конф. – Набережные Челны: НИСПТР. – 2013. – С. 215–220.
 Dneprovskii N. V. Neizvestnaya peshchernaya tserkov' Mangupa (po materialam khudozhnika D.M. Strukova). Speleologiya i spelestologiya. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi zaochnoi konferentsii. Naberezhnye chelny. НИСПТР – 2013. – С. 215–220.
22. Днепровский Н. В. Новые сведения о пещерном храме в северном обрыве мыса Тешкли-Бурун на Мангупе по материалам Д.М. Струкова // Спелеология и спелестология: матер. VII Международной научной конференции. – Наб. Челны: НГПУ. – 2016. С. 148–154.
 Dneprovskii N.V. Novye svedeniya o peshchernom khrame v severnom obryve mysa Teshkli-Burun na Mangupe po materialam D.M. Strukova. Speleologiya i spelestologiya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Naberezhnye Chelny: NGPU. – 2016. – С. 148–154.
23. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг.– Киев, 2005. – 269 с.
 Kirilko V. P. Krepostnoi ansambl' Funy 1423 – 1475 gg.– Kiev, 2005. – 269 s.
24. Комеч А. И. Архитектура конца – середины XI века. История русского искусства: В 22 т. – Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. – М., 2007. – С. 111–177.
 Komech A. I. Arkhitektura kontsa Kh – serediny KhI veka. Istoriya russkogo iskusstva: V 22 t. – Т. 1: Iskusstvo Kievskoi Rusi. IX – pervaya chetvert' XII veka. М., 2007. – С. 111–177.

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

25. Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. – СПб., 1902.
Kondakov N. P. Pamyatniki khristianskogo iskusstva na Afone. – SPb., 1902.
26. Кузнецов А. В. Своды, их конструкция и декор. // Проблемы архитектуры. – М., 1936.– Т. 1., кн. 2.
Kuznetsov A. V. Svody, ikh konstruksiya i dekor. Problemy arkhitektury. – М., 1936.– Т.1., кн. 2.
27. Лёпер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лёпера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 297–300.
Lepet R. Kh. Protokoly zasedanii Tavricheskoï Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 30 yanvarya 1914 g. (soobshchenie R.Kh. Lepeta o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.). Izvestiya Tavricheskoï uchenoi arkhivnoi komissii. – 1914. – № 51. – S. 297–300.
28. Лёпер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913–1915 гг.– Пг., 1918. – С. 72–84.
Lepet R.Kh., Moiseev L.A. Raskopki na Mangupe. Otchet imperatorskoï Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gg.– Pг., 1918. – S. 72–84.
29. Лёпер Р. Х. Дело Херсонесского музея за 1914 г. (разная переписка).– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 143. Л. 20–24, 31–32.
Lepet R. Kh. Delo Khersonesskogo muzeya za 1914 g. (raznaya perepiska).– Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 143. L. 20–24, 31–32.
30. Лёпер Р. Х. Список предметов из Мангуп-Кале, отправленных в Петроград. 1912–1913 гг.– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 123. Л. 1–8.
Lepet R.Kh. Spisok predmetov iz Mangup–Kale, otpravlennykh v Petrograd. 1912–1913 gg. Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii» F. 1. D. 123. L. 1–8.
31. Лёпер Р. Х. Раскопки Р. Х. Лёпера на Мангупе в 1912 г.– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Л. 1–18, 13 фото.
Lepet R. Kh. Raskopki R. Kh. Lepeta na Mangupe v 1912 g. Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 2267. L. 1–18, 13 foto.
32. Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литография из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2006. – 260 с.
Mal'gina M. R. Vidy Kryma pervoi poloviny XIX veka: Katalog litografiya iz sobraniya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. Simferopol', 2006. – 260 s.
33. Мнацаканян С. С. Композиция двухъярусных мавзолеев в армянском раннесредневековом зодчестве // Историко-филологический журнал. – 1976. – № 4. – С. 213–230.
Mnatsakanyan S. S. Kompozitsiya dvukh'yarusnykh martiriumov v armyanskom rannesrednevekovom zodchestve. Istoriko–filologicheskii zhurnal. – 1976. – № 4. – S. 213–230.
34. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. – 2021. – Вып. XXVI. – С. 255–281.
Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Khristianskii Mangup. sovremennaya istochnikovaya baza i osnovnye etapy istorii. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2021. – Vyp. XXVI. – S. 255–281.
35. Отчет о работах мангупского отряда в 1973 г.– НА ИАК РАН, Ф.1, оп. 6, Д.6.
Otchet o rabotakh mangupskogo otryada v 1973 g.– Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossiiskoi akademii nauk. F.1, op. 6, D.6.
36. Покровский Д. Словарь церковных терминов. – М., 2002.
Pokrovskii D. Slovar' tserkovnykh terminov. – М., 2002.
37. Савельева А. Н. Крым в акварелях московского художника Д.М. Струкова // Библиотекведение. – 2014. – Вып. 3. – С. 77–82.
Savel'eva A. N. Krym v akvarelyakh moskovskogo khudozhnika D.M. Strukova. Bibliotekovedenie. – 2014. – Vyp. 3. – S. 77–82.
38. Седов Вл. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. – М., 2009. – С. 544–584.

Sedov V. V. Novyi Ierusalim v nadvratnykh khramakh Vizantii i Drevnei Rusi. Novye Ierusalimy. Ierotoriya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv. – М., 2009. – С. 544–584.

39. Тесленко И. В. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // ИАКр. – Симферополь, 2014. – Вып. I. – С. 495–512, 547–560.

Teslenko I. V. Odnа iz goncharnykh traditsii Tavriki XIV–XV vv. (keramika grupy Yugo-Zapadnogo Kryma). Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol', 2014. – Vyp. I. – S. 495–512, 547–560.

40. Гункина И. В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г. // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 438–441.

Tunkina I. V. Maloizvestnye stranitsy istorii izucheniya Mangupa: akademicheskaya ekspeditsiya E. E. Kelera 1821 g. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2017. – Vyp. XXII. – S. 438–441.

41. Гункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.) // Сб. науч. статей IV Рос. научно-исторической конф. (14–16 марта 1995 г.). СПб., 1996. – С. 213. – С. 163–181.

Tunkina I. V. A. S. Uvarov i drevnosti Yuzhnoi Rossii (konets 1840-kh – nachalo 1850-kh gg.). Sbornik nauchnykh statei IV Rossiiskoi nauchno-istoricheskoi konferentsii (14–16 marta 1995 g.). Sankt-Peterburg, 1996. – S. 163–181.

42. Шарлемань А. Виды и типы Крыма. II пол. XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/199/lot/37910/foo?lang=en>.

Sharleman' A. Vidy i tipy Kryma. II pol. XIX v. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/199/lot/37910/foo?lang=en>.

43. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. – 1949. – Вып. 29. – С. 55–63.

44. Yakobson A. L. O rannesrednevekovykh krepostnykh stenakh Mangupa. Kratkіe soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury. – 1949. – Vyp. 29. – S. 55–63.

45. Bryer, A., and Winfield, D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1.– Washington, 1985.

46. Loosley E. The Early Christian Bema Churches of Syria Revisited // Antiquity.– L., 2001.– Vol. 75.– № 4.– P. 502–503.

47. Sears R. An illustrated description of the Russian Empire.– 2-е изд.– Нью-Йорк: Hurst & Co., 1881.– 712 с.

48. Taft R. F. Some Notes on the Bema in the East and West Syrian Traditions // OCP.– 1968.– Vol. 34.– P. 326–359.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

ИАКр – История и археология Крыма

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ГБУ РК БИКАМЗ – Научный архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»

НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук

НАО ГИАМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

НГПУ – Набережночелнинский государственный педагогический институт

НИСПТР – Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов

ОАК – Отчет императорской Археологической комиссии

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СА – Советская археология
ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» – Федеральный государственный бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»»
ОСР – *Orientalia Chistiana Periodica*

Jozhitsa D.V. Entrance complex of the main fortress gate of Mangup. New data.

The Mangup settlement is the largest medieval fortress from the group of «cave cities» of the South-Western Crimea. The main gate of the fortress is located in the upper reaches of the Kapu-dere beam, where the medieval road from the Almalyk-dere beam led, bypassing cape Teshkli-buron. The work comprehensively considers written, cartographic and artistic sources, which depict the fortress entrance tower. New results of field works in 2019–2020 were presented. With the use of modern methods, it was possible to fix rock grooves that allow you to reconstruct not only the overall dimensions of the gate tower, but also the structure of its ceiling. Generalizing conclusions were made about the gate church of Mangup. The archaeological collection of R. H. Leper from excavations of rock crypts associated with the temple is first published.

Keywords: South-Western Crimea, Taurica, Mangup, main fortress gate, gate church, rock crypts, vima, F. I. Gross, M. B. Webel, R. H. Leper.

УДК 94(495).02, 94(495).03

**ИНСТИТУТЫ ВОЕННОГО НАЕМНИЧЕСТВА И ВОЕННОГО
СОЮЗНИЧЕСТВА В АРМИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ
IX – НАЧАЛА XII ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА**

Карашайски К. М.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kemkarr@mail.ru*

Предпринята попытка проследить эволюцию взглядов на византийскую военно-административную систему середины IX – начала XII века и место в ней иностранного наемного и союзного элементов, а также выделить ряд основных историографических проблем, связанных с затрагиваемой темой. В их числе указываются проблемы терминологического характера (соотношение понятий «федераты», «наемники», «союзники»); этнической и религиозной принадлежности; правового статуса и дипломатических отношений; привлечения, организации и обеспечения иноэтничных воинских формирований; условий, приведших к их активному использованию в имперской политике и военных кампаниях; отражения представлений об иностранцах-наемниках и отношения к ним в византийской литературе. Рассматриваются вопросы о разделении и содержании институтов военного наемничества и военного союзничества как двух форм привлечения иноземных военных контингентов на службу в византийской армии, а также их роли во внутренних и внешних делах империи.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, военное наемничество, военное союзничество, этерия, варяги, росы.

Война, армия и ее организация являлись одним из главных предметов заботы Византийского государства на протяжении всей ее истории. Не случайно, византийский полководец XI в. Кекавмен отмечал: «Войско – слава василевса и сила дворца. Без войска не удержится государство, но всякий желающий воспротивится тебе» [64, с. 293]. Поэтому изучение военной системы и военной истории Византии, равно как и ее отдельных аспектов, всегда занимало особое место в византиноведении.

Одним из таких аспектов, чрезвычайно важных в рамках рассматриваемой темы исследования, является та особая роль, которые играли иноэтничные вооруженные формирования в византийской армии периода Македонской династии и первых Комнинов. Несмотря на большое количество работ, как общих, так и специальных, посвященных истории византийских войн и военного дела, лишь немногие исследователи пытались рассматривать феномен службы наемных отрядов иноземцев в качестве системы, отдельного института, складывающегося и развивающегося на особом этапе существования Византийского государства и соседних регионов. Еще сложнее обстоит дело с разделением и содержанием двух институтов – военного наемничества и военного союзничества. Последний лишь иногда рассматривается в специальных исследованиях, авторы которых часто

ограничиваются постулированием того, что контингенты наемников (μισθοφόροι) следует, вероятно, отделять от войск союзников (σύμμαχοι). Между тем, именно понимание характера этого разделения, как нам кажется, может открыть новые перспективы для анализа тех или иных событий византийской истории, поступков действующих лиц и отношений внутри и за пределами империи.

Уже в 1688 г. один из первых европейских византинистов Ш. Дюканж поместил в своем «Греческом глоссарии» важные для темы нашего исследования термины – «варанги», «руга», вместе со списком их упоминаний в источниках. Варангов французский историк охарактеризовал в качестве англо-датских наемников – телохранителей императора [13, p. 175].

Следует отметить классическую работу Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», в которой британский историк XVIII в., несмотря на широту своего фундаментального исследования и стремление к объективности, на долгие годы утвердил в литературе идею о «тысячелетнем вырождении и упадке» Византийской цивилизации [56]. В таком же ключе историк рассуждает о положении империи в VIII – XII вв., говоря об «упадке национального мужества», когда «главную силу византийских армий» составляли иноземные наемники, «франки, варвары и варанги или англичане» [56, с. 214]. Повествуя об отряде варангов, отправленных древнерусским князем Владимиром в качестве военной поддержки византийскому императору Василию II Болгаробойце (976–1025), Э. Гиббон называет их «буйными детьми севера», которых следует (по совету древнерусского князя) «распределять ... по различным местам, употреблять их на службу, награждать их и сдерживать». Исследователь отмечает, во-первых, этническую принадлежность воинов и пути пополнения подразделений («вновь прибывшие варанги были английские и датские переселенцы»; «их ряды пополнились благодаря прибытию с острова Фулы многочисленного отряда их соотечественников»), а, во-вторых, обретенный ими высокий статус («доверие и уважение к ним увеличивались с каждым днем, все они были собраны в Константинополе, чтобы нести службу телохранителей»; «были приняты византийским двором и сохраняли до последних времен империи наследственную безупречную честность... сопровождали греческого императора и в церковь, и в сенат, и в ипподром, он и спал, и пировал под их надежной охраной, и в руках этих мужественных и преданных варангов находились ключи от дворца, от казначейства и от столицы») [2, с. 294]. На становление корпуса варангов, как основы императорской гвардии в XI в., указывал затем и Д. Финлей [18, p. 14, 50–51].

Те не менее, в последующих главах Э. Гиббон констатирует, что в правление Романа IV Диогена (1068–1071) константинопольские наемные войска включали «ненадежных иноземцев» [56, с. 396], а основную силу армии составляли «европейские подданные и союзники – македонские легионы и болгарские эскадроны, молдавская орда узов... а главным образом наемные отряды отважных франков и норманнов» [56, с. 398–399].

Важно отметить, что Э. Гиббон пытается выявить и причину, которая привела к возрастанию числа и роли иноземных наемников, усматривая ее в метафизическом «упадке национального мужества» византийцев. Этот его тезис затем подхватили многие авторы работ по общей истории военного дела и военной теории XIX – начала XX вв.

Первая группа военных историков, говоря о «приходящем в упадок востоке», обозначала в качестве лучшей и наиболее боеспособной группе византийской армии «банды федератов» (Ф. В. Рюстов, А. К. Пузыревский, Н. П. Михневич).

Немецко-швейцарский исследователь Ф. В. Рюстов, основываясь на сочинениях Прокопия Кесарийского (VI в.), рассматривал такое военное положение империи вплоть до второй половины X в., хотя и упоминал мельком о «регламентах» Льва VI (886–912), Константина VII Багрянородного (945–959) и Никифора II Фоки (963–969). Он акцентировал внимание на трудностях набора войска, производившегося беспорядочно, противодействии рекрутированию варваров, селившихся на территории империи, коррумпированности чиновничества и фаворитизме, что, в совокупности, приводило к нехватке солдат и деградации армии. Вместе с тем уже тот же Ф. В. Рюстов проводил черту между «федератами» и «войсками, завербованными иным способом», «в качестве контингента федератов, а не как солдат императора». Не желая смешиваться с имперскими отрядами, «толпы варварского племени» употреблялись в качестве отдельных формирований. В них исследователь видел более разорителей империи, нежели ее защитников («они служили за дорогое жалованье и в надежде на богатую добычу, которая только в редких случаях приобреталась в неприятельской стране»), хотя и признавал, что «в этих толпах были хорошие воины» [90, с. 53–54, 67].

Об упадке нравственного состояния армии, ее качественном и количественном ослаблении, злоупотреблениях и трудностях набора к X в., а также «бандах федератов» в качестве лучших войск писали А. К. Пузыревский [87, с. 21–23], Н. П. Михневич [75, с. 110–115], авторы Военной энциклопедии Сытина [62, с. 85].

Британский военный историк Ч. Оман видел начало процесса масштабного «онаемничивания» византийской армии в последствиях военной катастрофы при крепости Манцикерт в 1071 г., в которой погибли азиатские войска империи – основа ее вооруженных сил [33, р. 47]. На смену же им при Алексее I Комнине (1081–1118) пришли «немногочисленные национальные отряды» наемного войска, «ядром которого была имперская гвардия варягов – русских, датчан и англичан... с тюркскими, франкскими, сербскими и южнославянскими вспомогательными силами» [34, р. 260].

Г. Дельбрюк в своей «Истории военного искусства», рассматривая византийскую армию для конца VI–XII вв., выделяет в качестве одной из причин привлечения иностранных наемных контингентов нехватку людских ресурсов, которую не могли восполнить даже «переселения и поселения варваров» [58]. Он отмечает особое значение в византийском войске наемников-варангов, возводя само их имя к слову «союзники» («foederati»). Однако, взгляды автора во многом отличаются от воззрений его предшественников. Так, он говорит о большом

расцвете империи в X – XI вв., особенно при Василии II Болгаробойце, связывает увеличение в источниках сообщений об изменениях в налоговой сфере с возможностями централизованного распределения солдатских выплат и найма иностранных воинов. Главное отличие византийской армии от войск западноевропейских стран немецкий исследователь видел именно в той огромной роли, которую в ней играли иноземные наемные отряды. Как и Ч. Оман, переломным моментом военной истории Византийской империи он считает битву при Манцикерте, когда Византия «поручает охрану страны почти исключительно наемникам» [58, с. 123–125].

Вторую группу военных историков XIX в. следует обозначить как, во-первых, склонных симпатизировать Византии и ее военной системе, а, во-вторых, предпринявших попытку систематизировать и охарактеризовать такие явления в ее внутренней организации, как наемничество и союзничество.

Н. С. Голицын, подробно разбирая византийское военно-административное устройство и состав армии, выделяет следующие особенности вспомогательных войск («foederati, вроде древних римских союзников»): 1) состоят из пограничных, иноземных, неоседлых народов; 2) несут пограничную службу; 3) получают жалованье, продовольствие и земли на границах империи; 4) сохраняют свои нравы и обычаи, отличаясь «своеволием, буйством и грабежом» [57, с. 30–32].

П. А. Гейсман, пожалуй, единственный, подчеркивает высокое влияние и величие греческой (византийской) цивилизации, культуры, религии, государства. Традиционно отмечая «понижение духовных сил и боевой годности византийских войск» во второй половине IX – середине X вв., исследователь все же указывает, во-первых, на преувеличенность этого тезиса, а, во-вторых, на факт восстановления эффективности армии при Никифоре II Фоке (963–969) и Иоанне I Цимисхии (969–976). Особое внимание он уделяет наемным войскам, отмечая, в частности, что «походы руссов против Византии имели следствием, между прочим, поступление русских дружин на службу империи». Исследователь разделяет эти силы на «вольные дружины» (фактически независимые отряды, поступающие на имперскую службу) и отряды, посланные князем Владимиром в результате дипломатических договоренностей. Создание этой системы историк относит ко времени правления Льва VI Мудрого (886–912), видя в ней одну из причин «возрождения» византийской армии [54, с. 113–114].

Военные историки советского периода (А. А. Строков и Е. А. Разин) интересовались рассматриваемыми нами вопросами лишь в контексте столкновений Византии со славянами. Для А. А. Строкова «дряхлающая» империя с «восточно-римской наемной» военной системой неизбежно проигрывала славянским племенам, обретая силы, лишь приглашая военных вождей славян вместе с их отрядами к себе на службу [92, с. 146–150]. Е. А. Разин признает положительную роль введения «фемного строя» в деле укрепления византийской армии. Более того, Византия X в. у него является «еще сильным государством, имевшим боеспособную армию, хороший флот и мощные оборонительные сооружения». Дополнительным

фактором, способствующим этому, он также определяет наем славянских отрядов и отдельных представителей славянской знати на службу [88, с. 64–68].

Несостоятельность описанных представлений об истории византийского государства и армии была уже доказана во второй половине XIX в. С этого времени начинают публиковаться работы выдающихся российских и зарубежных византистов, посвященные военной истории империи. Для начала обратим внимание на общие исследования, после чего подробно разберем работы, касающиеся конкретных наемных подразделений византийской армии.

Институты военного наемничества и военного союзничества в общих работах по истории Византии. В 1883 г. немецкий историк Г. Ф. Герцберг в своей «Истории Византии» определил формирующийся при Македонской династии гвардейский корпус варангов как продолжение римской «лейб-гвардии» из союзных германских воинов-федератов. Он видел в наемниках, вербовавшихся, по его замечанию, на один или несколько походов, большую пользу для Византийского государства, рассматривая их в качестве благонадежной и стойкой военной силы. Г. Ф. Герцберг считал, что приток скандинавов в империю приходится на период княжения Владимира, который желал избавиться от «гнета скандинавской воинской касты и поощрял ее выселение» [55, с. 209–214]. Говоря о наемниках в армии Алексея I Комнина (1081–1118), историк выделяет следующие формы их привлечения: найм, вербовка пленных и поселение побежденных на имперских землях [55, с. 266].

Отдельные части своей монографии «Византийское государство и церковь в XI веке» посвятил изучению системы наемных сил в Византии и Н. А. Скабаланович. Все иноземные отряды (а под ними он понимал в основном варангов) исследователь разделил на две категории: простые наемники и императорские гвардейцы. Н. А. Скабаланович считал, что деление этерий было обусловлено их функциями и этнической принадлежностью составлявших их солдат: ромеев, в которых он видит исключительно «греков» тагмы экскувитов, и иностранцев (варангов). Великую Этерию ученый делил на варангов дворцовых (οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάρανγοι) и внешних (οἱ ἐκτός Βάρανγοι), расквартированных в фемах. Другие иноземные силы, «войска народов», по его мнению, нанимались по необходимости на определенный период, для чего специально проводилась вербовка в других странах. Причина активного привлечения на службу иностранцев усматривается в сокращении людских ресурсов империи вследствие территориальных потерь; только лишь «ромейские» отряды уже не могли удовлетворить военных потребностей Византии. Кроме того, Н. А. Скабаланович попытался реконструировать систему высшего командования в корпусах иноземцев: дворцовые варанги подчинялись аколугу, караулы дворца (и варварские, и ромейские) находились в ведении друнгария виглы, великий этериарх управлял всеми варангскими отрядами (Великой Этерии) на территории империи; возглавляющий союзные силы полководец именовался этнархом [91, с. 31–58].

В масштабной «Истории Византийской империи» академик Ф. И. Успенский обратил внимание на случаи участия наемных и союзных сил в боевых действиях на

стороне ромеев. К примеру, на основании патриарших писем, делается вывод об активной вербовке союзников на севере Крымского полуострова в первой четверти X в. (миссия херсонского стратига Иоанна Воги к печенегам) [96, с. 225]. Разбирая привлечение наемников (росов и печенегов) к военным походам империи в X в., Ф. И. Успенский отметил фактор религиозного влияния на иностранных солдат: корпус «русских наемников» в Византии находился под «культурными воздействиями на них со стороны Церкви» [96, с. 317–318]. Признается особое значение варангов, франков и англосаксов, отряды которых исследователь определил в качестве «вольнораемной военной дружины». Процесс увеличения числа англосаксонских воинов при Алексее I Комнине Ф. И. Успенский объясняет сквозь призму политики противостояния с норманнами и «поворота к Западу» [95, с. 176]. Однако, в специальном исследовании «Военное устройство Византийской империи» внимания институтам наемничества и союзничества уже особо не уделяется [94].

Рассматривая военную историю Византии, французский византист Ш. Диль отмечал, что империя с большой охотой вербовала целые дружины варваров во главе с их собственными предводителями. Такое положение дел он объяснял большим доверием, которое питали императоры к иноземным воинам, которых не волновали внутренние дела в государстве, но чрезвычайно интересовало солдатское жалование. Исследователь писал: «Императоры охотно предоставляли крупные командные посты, высокие военные звания иноземцам, предпочитая их в интересах личной безопасности». Наемные силы, по мнению Ш. Дилья, составляли значительную часть армии на протяжении всей византийской истории [60, с. 81–82].

Интересным представляется наблюдение еще одного выдающегося отечественного византиста А. А. Васильева: «Вспомогательные отряды» скандинавов, славян, тюрок и франков используются в военных кампаниях Македонского времени, но характерная для византийской внешней политики попытка получить наемные отряды из Западной Европы в Комниновский период оборачивается началом масштабного крестоносного движения» [52, с. 21, 34–35]. Он же в отдельной работе «Начальные этапы англосаксонской иммиграции в Византию в XI веке» исследует вопросы службы англо-датских отрядов в империи [44].

Обозначая Македонскую эпоху в качестве периода подъема византийского могущества, В. Н. Бенешевич указывал, что основой «превосходной» армии императора Никифора II Фоки являлись «армяне и иверы, славяне и руссы и на вербованные иностранные наемники» [48, с. 92].

В своем очерке по византийской истории М. В. Левченко определял иноземцев-наемников (хазар, печенегов, иверов, амальфитанцев, «варягов-русов», англосаксов) в качестве «значительной части» дворцовых отрядов, начиная с IX в. Опираясь на данные трактата «De Ceremoniis», он пришел к выводу, что союзные контингенты поставлялись в византийскую армию зависимыми (вассальными) правителями. Традиционно отмечена им заинтересованность императоров в привлечении военных сил с территории Древней Руси [69, с. 140–146]. В качестве

основания для увеличения числа наемных сил в армии, по мнению М. В. Левченко после 1025 г., называется стремление византийского правительства к сокращению военных расходов и ослаблению местной аристократии [69, с. 168]. При описании «разноплеменной» армии Алексея I Комнина исследователь разделяет ее на гвардейские части «из англо-саксов и других наемников» и «вспомогательные отряды турок, франков, сербов» [69, с. 199–200].

Процесс роста числа и значения контингентов иностранных наемников в IX–середине XI вв. М. Я. Сюзюмов объяснял страхом правительства перед выступлениями «народных масс» и недоверием к собственным войскам. В этом он видит и причину военной катастрофы 1071 г. под Манцикертом [93, с. 318].

Близкую оценку состоянию византийской военной системы дал Г. Л. Курбатов. Он считает, что военные поражения и обеднение стратиотов в середине IX – X вв. привели к потере боеспособности армии, что вынудило правительство перейти к политике онаемничивания вооруженных сил, привлечению иностранцев в гвардейские корпуса. Эти шаги, по его мнению, усиливали именно те воинские подразделения, которые находились под личным контролем императора [65, с. 120].

Югославский византист Г. А. Острогорский видел в возрастающей к середине XI в. роли наемников признак деградации «национальных» вооруженных сил. Упадок феодальной системы, сокращение армии и замена стратиотской службы налоговыми выплатами связывается им с правлением императоров, опиравшихся на столичную чиновничью аристократию в противовес провинциальной военной знати. По его мнению, «варяго-русские», а затем «варяго-английские» отряды сменили собственно византийскую гвардию, которая, в конечном итоге, полностью прекратила свое существование [46, с. 412–413]. Г. А. Острогорский полагал, что Византия вынужденно перешла к массовой вербовке иностранных наемников, делая из армии «пеструю смесь народов» («варяги-русь, печенеги, куманы, турки, франки, немцы, англичане, болгары, абазги и аланы») в связи с осложнением положения империи в конце XI – начале XII вв. [85, с. 455].

Несколько чрезвычайно интересных замечаний об отношениях Византии с находящимися у нее на службе иностранными наемниками принадлежит Д. Д. Оболенскому. Британский византист указывал, что варанги, не образуя устойчивой этнической общности на территории империи в рамках общей концепции «Византийского Содружества», оказывали влияние не только на военно-политическую сферу, но и вступали в процесс межкультурного взаимодействия. Д. Д. Оболенский рассматривал эту проблему с позиций различных этносоциальных факторов – различий в темпераменте и моделях социального поведения, взаимовлияния и взаимной оценки и пр. [84, с. 248–252].

С наемниками-иноземцами, «людьми, чужими по своим обычаям, привязанностям и языку» А. П. Каждан связывал одну из причин, повлиявших на общую нестабильность византийской элиты [63, с. 51]. Он видел в них не только отдельное в этносоциальном плане сообщество, но и источник внутреннего противостояния в самой империи. Будучи наиболее боеспособной частью армии, иноземцы-наемники в то же время «были окружены враждебностью местного

населения... в войнах видели, прежде всего, чужаков, враждебных эллинской цивилизации», в то время как «сами византийцы (за исключением довольно узкой группы знати) все больше и больше отстранялись от военного дела» [63, с. 97–98].

Основополагающие в рамках темы нашего исследования понятия, такие как «наемники», «федераты» и др., содержатся в «Оксфордском словаре Византии», изданном в 1991 г. По мнению А. П. Каждана, главного редактора словаря, Византийская империя, постоянно нуждаясь в военной силе и профессиональных солдат, использовала наемников (*μισθοφόροι*) на протяжении всей своей истории. В период с конца VII по IX вв. роль наемников в армии снизилась в связи с развитием фемной системы. Однако, уже в X – XI вв. наблюдается трансформация военной организации в сторону активного привлечения наемных сил. Такие изменения объясняются, во-первых, кризисом стратиотской модели набора, в ходе которого личная служба заменялась налоговыми сборами, которые шли на оплату иноземных солдат, во-вторых, в связи с потерей в последней трети XI в. значительных территорий Малой Азии, являвшихся основным источником людских ресурсов. В качестве дополнительного фактора указывается недоверие императоров к собственным солдатам, что склоняло их к формированию личной стражи из иностранцев. Наемные отряды составляли внутри византийской армии отдельные корпуса, используя собственное вооружение и методы ведения боевых действий, хотя и находились в подчинении у командиров-ромеев. Их обеспечение осуществлялось посредством митатона (*μιτάτον/μητάτον*), особой повинности для населения империи, заключающейся во взятии войск на постой и предоставлении им провианта [39, р. 1343, 1385].

По мнению Г. Г. Литаврина, ополчение фем, составлявшее в IX – XI вв. основу византийской армии, выродилось к середине XI в. из-за обнищания рядовых стратиотов. Поэтому императоры в своей военной политике были вынуждены делать ставку на наемников – ромеев и иноземцев. Исследователь отмечал, что иностранные отряды на византийской службе появляются уже в конце X в., а в следующем столетии наблюдается быстрый рост численности этих подразделений [72, с. 70–73]. Выделяются отдельные случаи найма армий других государств. Г. Г. Литаврин обращал внимание на привилегированное положение иноземцев, служивших непосредственно в столице, особенно, в гвардейских частях, их влияние на внутривластные процессы (участие в государственных переворотах, арестах влиятельных особ, мятежах) [72, с. 210] и особый правовой статус [71, с. 99–104].

Переломный момент начала использования «наемников, тагмного войска» Г. Г. Литаврин видит в реформе Никифора II Фоки (963–969), в результате которой средства, полученные благодаря фискализации стратий, направлялись на оплату услуг наемных солдат [70, с. 241–242]. Таким образом, упадок фемного строя обеспечил возрастание роли наемных тагм. Исследователь признавал, что значение этих контингентов было велико уже в правление Василия II. Подобное положение, по его мнению, порождало три проблемы: оплата наемников; их недисциплинированность из-за стремления к добыче; возможность использования этих сил для внутривластного противостояния, включая узурпацию власти.

Отмечалась особая ситуация в пограничных регионах империи, где привлеченные для несения военной службы представители разных народов (болгары, влады, печенеги, кыпчаки, армяне, грузины, сирийцы, арабы и турки) становились основой и движущей силой сепаратизма, вплоть до создания независимых государственных образований [70, с. 253–255].

Процесс роста в армии числа наемников В. В. Кучма также был склонен объяснять кризисом фемной системы к концу IX в. В них он видит в дальнейшем политико-экономические последствия, связанные как с внешнеполитическим положением империи, так и с внутренним кругом проблем, главной из которых стала со временем общая нехватка средств на военные нужды при незначительном их восполнении военной добычей [67, с. 105]. Вопросы структуры и численности подразделений византийской армии IX – X вв. В. В. Кучма подробно рассматривает в специальной статье [68].

К VI – VII вв. в Византии, по мнению В. В. Кучмы, на официальном уровне формируется новый подход к отношениям с отдельными этническими группами, как внутри страны, так и за ее пределами. Эти группы делились на народы, выступавшие в качестве противников империи, военных союзников и этнические анклав, проживавшие на подконтрольных империи территориях, составляя здесь часть ее вооруженных сил [66, с. 92].

В свое время Д. А. Миллером было сделано важное предположение о том, что наемников-иностранцев на византийской службе следует отделять от союзных войск, посылаемых соседними правителями в империю в связи с заключенными с византийским правительством договорами. Союзники либо действовали самостоятельно в районах боевых действий, либо вливались в византийскую армию в качестве отдельных подразделений. Так, к разряду союзников империи Д. А. Миллер относил «русь» после 940-х гг., особенно после заключения договора между князем Владимиром и императором Василием II, военные отряды закавказского происхождения в X в. и печенегов в середине XI в. [29, р. 62–65].

Значительное внимание наемным формированиям в Византии уделила в своей монографии М. Григориу-Иоанниду. По ее мнению, в каждой феме существовали регулярные отряды, служба которых оплачивалась средствами из казны. Подчиняясь стратигу фемы, они составляли ядро фемных сил. М. Григориу-Иоанниду предполагает, что в VIII – IX вв. такие отряды носили имя таксеотов («*ταξέωται*»), а в X в. они трансформировались в тагмы [45, с. 113–118]. Причиной возрастания роли профессионалов-наемников и автономии наемных тагм в XI в. являлся фактор постоянной угрозы на византийских границах, нуждавшихся в длительном присутствии здесь военных сил. М. Григориу-Иоанниду специально рассматривает вопрос иноэтничных воинских формирований, проживавших на территории империи (милингов, владов), а также, что важно, выделяет основные способы комплектования византийских вооруженных сил: налоговый, наследственный, добровольный и наемный (варварский) [45, с. 121–147].

Исследование изменений в военно-политической системе византийского государства в XI – XII вв., закономерно включающее рассмотрение места в ней

иностранных наемников, принадлежит Н. Икономидису [32]. Им был проведен детальный анализ титулов и должностей, связанных со служивыми иноземцами (аколуф, манглавит, этериарх пехоты, этнарх и пр.) [31]. Здесь же следует отметить ряд специальных работ Р. Гийана относительно должности аколуфа и структуры наемных сил [20, р. 79–83]. Две работы Э. Гликатци-Арвейлер посвящены военно-административным структурам империи в IX – XI вв. [19] и византийским военно-морским силам в VII – XV вв. [1].

Французский византист Ж.-Кл. Шене отмечал существенные различия между вспомогательными войсками (фемными и союзными контингентами) и иноземными наемными отрядами, акцентируя внимание на эффективности последних, а также возможности найма профессиональных воинов, специализирующихся в конкретной области военного дела [99, с. 88–89]. Исследователь считал, что вызревший ко второй половине X в. переход к наемному войску, состоявшему как из «национальных» элементов, так и иноземцев, являлся признаком скорее развития, нежели упадка [8, р. 61–74]. Кроме того, он рассматривал проблемы инкорпорации иноземцев, в первую очередь, лидеров наемных отрядов, в византийское общество и государство [6], их организацию и участие в военных кампаниях второй половины XI в. [7].

Подобной точки зрения придерживается в своих работах и Дж. Хэлдон. По его мнению, в конце X – XI вв. Византия, переживая экономический подъем, получает возможность активно привлекать в армию наемников, как местных, так и иностранных. Эти контингенты не только не оказывали на армию деструктивного воздействия, но, наоборот, являлись одной из самых надежных ее частей. Вернувшись к агрессивной внешней политике, империя уделяла все большее внимание регулярным войскам (наемным тагмам), способным проводить наступательные операции. Корпус наемников оказался, таким образом, намного более эффективным, нежели иррегулярные ополчения фем [22, р. 92; 67, р. 582, 587–590]. В то же время Дж. Хэлдон отмечал, что наемники уже с первой половины XI в. начинают, исходя из собственных интересов, играть все большую роль в политических противоречиях внутри империи [98, с. 125–126].

В целом, обозначенный круг проблем неизбежно затрагивался в работах многих исследователей военной истории Византии, среди которых необходимо также отметить работы У. Кэги [25], У. Тредголда [41–43], Э. МакГира [28], И. Хита [23], Т. Доусона [11–12], Д. Николая [30], Дж. Биркенмайера [3], Х.-И. Кюна [26]. Некоторые из этих авторов не придавали большого значения факту существования и усиления иноэтнических воинских контингентов и их влияния на фемную систему и тагмное войско. Например, Х.-И. Кюн считал пополнение сухопутных военных сил за счет переселений этников распространенной практикой, не видя, за отдельными исключениями (архонтии, Этерия), значительных отличий в организации подобных отрядов от собственно византийских [26, с. 31].

Особо необходимо выделить работы по истории армии и военной организации средневизантийского периода, принадлежащие А. С. Мохову, в которых он, рассматривая состояние и развитие военно-административных структур Византии,

ее армии и командного состава вооруженных сил, закономерно затрагивает как участие в них соединений иностранных воинов (наемников и союзников), так и этапы службы отдельных лидеров иноземцев. Ему же принадлежит исследование по специальной терминологии, необходимой для изучения военной истории Византии [81].

Период правления императоров Македонской династии, таких как Василий I (867–886) и Лев VI (886–912), А. С. Мохов определяет «временем стабилизации военно-административной системы Византии и начала длительного периода ее инерционного развития», указывая, что «более ста лет (с 20-х гг. IX в. и до 30-х гг. X в.) организационная структура византийских вооруженных сил увеличивалась количественно (создание новых фем), но качественных изменений не происходило». Постепенный упадок иррегулярных войск старых фем, по его мнению, нельзя объяснить исключительно «кризисом стратиотского землевладения», в то время как сущность происходящих в этот период процессов состояла в осознанной политике помещения регулярных тагм, а не фемных ополчений, в основу византийской военной организации [77, с. 149], «которая оказалась значительно более эффективной и жизнеспособной, чем аналогичные структуры соседних стран и народов» [79, с. 32].

Вооруженные силы империи в первой половине X в., по А. С. Мохову, можно структурировать следующим образом: фемные контингенты, столичные тагмы, элитные и этнические подразделения и «столичное войско» (личная императорская гвардия, Этерия). К 1025 г., когда «по своему экономическому и военному потенциалу Византия являлась самым могущественным государством Средиземноморья и Ближнего Востока», эта система изменилась. Интерес вызывают контингенты, состоявшие из иноземцев и подчинявшиеся лично императору: Этерия, «варяго-русский» корпус, элитные и этнические подразделения. Корпус иностранных наемников, императорская Этерия, по мнению А. С. Мохова, был отделен от тагмного войска и состоял из трех больших отрядов, укомплектованных по этническому принципу: Великой Этерии из македонцев, Средней Этерии (солдаты этого подразделения обозначаются термином «иностранные наемники», вероятно, имеются в виду воины из отдаленных не византийских территорий) и Малой Этерии из арабов-христиан и тюрок [79, с. 19–27].

Изучению структуры Этерии исследователь уделяет особое внимание. В специальной статье он разбирает эволюцию этого подразделения, приходя к выводу, что, будучи в первой половине IX в. незначительным отрядом, во время правления Македонской династии (867–1057) она выросла до «наиболее боеспособного и многочисленного подразделения дворцовой стражи» [80].

В отдельных своих работах А. С. Мохов последовательно характеризует организацию и командный состав византийской армии в правление императоров Константина VIII (1025–1028) [76], Романа III Аргира (1028–1034) [83], Михаила IV Пафлагона (1034–1041), Михаила V Калафата (1041–1042) [78], Константина IX Мономаха (1042–1055) [82].

Наконец, широкий обзор истории византийских вооруженных сил предпринят в монографиях А. В. Банникова и М. А. Морозова, посвященных армии [46] и флоту [47] империи.

Специальные исследования институтов военного наемничества и военного союзничества. В 1874–1875 гг. был издан фундаментальный труд В. Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков» [53]. Опираясь на широкий круг письменных источников византийского, ближневосточного, древнерусского и западноевропейского происхождения, он реконструирует историю корпуса варангов с X по XII вв. Большое внимание В. Г. Васильевский уделяет этническому составу подразделения и определяет его в качестве славянского, «русского», объясняя это синонимичностью понятий «русь» и «варяги» (исходя из ошибочной трактовки источников). Скандинавскому же элементу отводится незначительная роль. Достаточно спорным является и объяснение автором изменений этнического состава контингента со второй половины XI в. По его мнению, англосаксы начинают доминировать в правление императоров династии Комнинов, с их политическим разворотом к «Западу», который «выразился в замене русских православных людей людьми Запада» [53, с. 373–376]. В. Г. Васильевский также обратил внимание на разделение союзных и наемных отрядов, основываясь на замечании Михаила Пселла о наемных (иностранных) войсках («ξενικόν», «ἑθνικὸς») и союзных силах («συμμαχικόν»). Относительно этой проблемы исследователем выдвигаются следующие версии: 1) оба термина абсолютно синонимичны; 2) под наемниками подразумеваются лишь императорские отряды («лейб-гвардия», «царские телохранители») в Константинополе в противовес остальным воинам-иноземцам (союзникам) по всей империи [53, с. 310–311], а весь корпус варангов, таким образом, делился на варангов «дворцовых» (наемных) и «внешних» (союзных) [53, с. 217].

Еще одна классическая работа по истории варангских контингентов, «The Varangians of Byzantium», принадлежит исландскому лингвисту С. Блендалю [4]. Она была написана приблизительно в 1940-х гг., но переведена на английский язык и опубликована только в 1978 г. Б. Бенедиксом. С. Блендалю удалось обработать подавляющее большинство письменных источников, а также проанализировать и систематизировать огромное количество эпиграфических памятников (главным образом, рунических камней), касающихся пребывания скандинавов на византийской службе. Историю этих наемников С. Блендаль разделяет на четыре периода в рамках военно-политической истории Византии: 1) русско-скандинавские контингенты от 860-х гг. до смерти императора Романа III Аргири (1028–1034); 2) пребывание на службе дружины Харальда Сигурдссона (1034–1043 гг.); 3) от Харальда до воцарения Алексея I Комнина (1042–1081); 4) от Алексея I Комнина до взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г., включая свидетельства о существовании отдельных подразделений вплоть до 1453 г. Он отмечает, что в отдельных случаях отряды наемников имели гораздо большее значение, чем собственно византийские силы.

С. Блендаль рассматривает институт наемничества/союзничества в развитии. Например, императорскую Этерию считает прямым продолжением подразделений готов-федератов, составлявших гвардию римских императоров с III – IV вв. Но, в отличие от В. Г. Васильевского, он настаивает на доминировании именно скандинавского элемента. Более того, С. Блендаль ставит под сомнение распространенный тезис о службе в Великой Этерии солдат-македонцев, заменяя их большим количеством иностранных наемников [4, р. 20–22].

Вопросам эволюции корпуса, изменений в его этническом составе и положения при императорском дворе и в армии посвящены также статьи Б. Бенедикса [2] и Р. М. Докинза [10]. Особый интерес, как нам кажется, представляет неопубликованное исследование Р. М. Докинза «The Varangian Guard at Constantinople», написанное в период 1929–1944 гг. [27]. Также следует отметить монографии Х. Р. Эллис-Дэвидсон «The Viking Road to Byzantium» (1976) [17] и С. Якобссона «The Varangians: In God's Holy Fire» (2020) [24].

Отдельные исследования по военно-политической истории русско-византийских отношений [35], связям Византии со скандинавами, норманнами [37] и англосаксами [36] принадлежат британскому византинисту Дж. Шепарду. В разделах «Кембриджской истории Византийской империи», посвященных Македонскому времени [38], исследователь убедительно продемонстрировал, что наемники вовсе не являлись, как принято считать, теми ненадежными и неверными «псами войны», но составляли эффективную и, при прочих равных условиях, лояльную боевую силу.

Кроме того, Дж. Шепард делает несколько чрезвычайно важных в рамках темы нашего исследования замечаний и предположений относительно разделения терминов «наемники» и «союзники», а также их содержания. Во-первых, термин «наемник», в качестве обозначения иностранного солдата, служащего за плату, появляется в собственно византийских источниках достаточно поздно. Отряды иноземных воинов упоминаются либо как «союзные» и «вспомогательные» (σὺμμαχοί) силы, либо как просто «инородцы» (εθνικοί). Дж. Шепард предполагает, что термин «союзник» использовался не просто в качестве замены неудобного для имперского престижа слова «наемник», но, исходя из реальной ситуации, в том случае, когда отряды варваров действительно поступали на службу от лица своих правителей, а не в качестве независимой «вольной компании». Во-вторых, появление специального термина, обозначающего в источниках солдата по найму (μισθοφόροι), исследователь датирует не ранее конца X в., а в качестве периода его распространения, как общепринятого и обыденного, указывает XI в., например, в хронике Иоанна Скилицы. На этом основании он делает вывод о том, что «большинство воинов иностранного происхождения в Византии до этого времени служили по сути по приказу своих правителей», но, разумеется, за удовлетворительную плату, то есть были именно союзниками, а не наемниками.

Чрезвычайно интересен еще один тезис британского исследователя о том, что наемниками в империи становились, в первую очередь, выходцы из Скандинавского региона и Руси, которые имели: 1) высокую мобильность и технологии,

позволявшие быстро и дешево добираться до Византии; 2) хорошо подготовленную и вооруженную военную элиту, чье мастерство, навыки и боевой опыт были закономерно необходимы византийской армии и ее гвардейским частям [37, р. 280–281].

О гвардейских корпусах, в частности, императорской Этерии, подробно пишет Р. Д'Амато [14], определяя время создания этого подразделения – середина XI в. По его мнению, Этерия формировалась из иностранных наемников, входивших в Виглу. Р. Д'Амато придерживается гипотезы о разделении императорской Этерии по этнорелигиозному принципу на Великую (христианские подданные империи, главным образом, македонцы), Среднюю (фарганы, то есть тюрки Центральной Азии, происходившие из Ферганской долины, и хазары) и Малую или Третью (иноземцы-нехристиане, тюрки, хазары, венгры, арабы, франки и мавры). Подобный подход к формированию подразделения императорских телохранителей из разноплеменных воинских частей объясняется «космополитичным характером» Византийского государства. Македонский же элемент, как считает Р. Д'Амато, был закономерно связан с особой лояльностью этих этериотов по отношению к правящей династии, происходившей из того же региона. Помимо этого, исследователь выстраивает систему высшего командного состава Этерии [14, р. 30–32]. Отдельные работы Р. Д'Амато посвящены истории корпуса варангов [15] и армии Георгия Маниака [16], имевшей в своем составе значительный элемент иностранных наемников, таких как варанги, лангобарды и норманны.

Вопросы, связанные с численностью, организацией и тактикой наемных отрядов руси, варангов и франков в составе византийской армии IX – XI вв., исследуются в специальной работе Г. Феотокиса [40]. В ней делается важное замечание о том, что в период так называемой «Византийской Реконкисты» (956–1025 гг.) крупные негреческие силы, поступающие на византийскую службу, воспринимались еще не как «μισθοφόροι» (наемники), но в качестве «σύνμαχοι» (союзников) и «ἑθνικοί» (чужестранцев). Изменение лексики, как отмечает исследователь, происходит в последующий период (1025–1056 гг.), когда в источниках начинает встречаться первый из терминов, обозначающий именно солдата-наемника (здесь Г. Феотокис солидарен с Дж. Шепардом). Главное же отличие войск союзных от наемных представляется в том, что последние поступали на службу в качестве частных лиц, материально заинтересованных добровольцев («materialistic volunteers»). Первые же находились на службе в рамках договоренностей с дружественными («cordial relations») или зависимыми от империи государствами в период проведения определенной военной кампании [40, р. 125–126]. Большинство работ Г. Феотокиса посвящена норманно-византийскому взаимодействию в Италии и на Балканах: сравнению двух военных систем (столкновению «военных культур», по выражению автора) и, конечно, феномену наемничества.

В целом же истории франко-норманнских наемных отрядов и их предводителей в составе византийских вооруженных сил посвящено большое количество

специальной литературы. Подробный историографический анализ ее выполнен В. В. Прудниковым в работе «Норманны в Малой Азии в XI – XII веках» [86].

В 2009 и 2010 гг. вышло два обширных исследования по нашей теме: «Росы и варанги в Византии X – XII веков: формирование и структурная роль наемного военного контингента» О. М. Лугового [73] и «Русы среди «войск народов» в Византии IX – XI веков: наемники и союзники» А. М. Филипчука [97].

О. М. Луговой определяет задачу формирования варангских отрядов в качестве одной из главных во внешней политике империи X – начала XIII вв. Пребывание иноземных наемников в это время стало мерилom отношений Византии с европейскими странами. Он выделяет четыре формы создания подобных подразделений: 1) союзный договор; 2) формирование отряда византийским представителем на чужих территориях с разрешения местных властей; 3) вступление в подразделение частным порядком; 4) приход на службу паломников и крестоносцев. В исследовании рассмотрены причины, побуждавшие население Руси и Скандинавии («стран-доноров») отправляться в империю в качестве наемников. В их числе: централизация и феодализация, разрушавшие привычный общинный уклад на этих территориях; внешние и внутренние войны и конфликты; престиж и выгоды от пребывания в империи.

Помимо рассмотрения дипломатических, административно-правовых, культурно-религиозных и военно-политических аспектов наемной/союзной службы, О. М. Луговой закономерно уделяет большое внимание вопросам терминологии. Традиция обозначения иноземных контингентов византийским государством и обществом, по его мнению, проходит несколько этапов: 1) «росы» и «тавроскифы» для русско-скандинавских отрядов в X в.; 2) «варанги» для выделившихся из состава исключительно скандинавских отрядов воинов в конце X – начале XI вв. В конце XI в. к первым двум группам добавляются солдаты финского происхождения – кулпинги (κουλίγγων); 3) наконец, в XII в., когда наемные подразделения пополняются все большим числом представителей других этнических групп, византийские историки и чиновничество переходят к нейтральному термину «секироносцы» («пелекофоры»; πελεκυφόρος).

А. М. Филипчук исследует группы выходцев из Скандинавии и Руси, русов-наемников и союзников, середины IX – конца XI вв. с точки зрения социальной истории, определяя их положение как на родине, так и в империи в качестве особой части общества, обладавшей собственной социальной идентичностью. Ее основу он видит в феномене «дружины» как объединения вождя, приближенных к нему воинов и их слуг, чье количество, в зависимости от примеров, разнилось от 500 до 800 человек. Именно такие группы являются одной из сторон русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., а сами эти договоры представляют соглашения между византийским императором и наемниками-русами. Большое внимание уделяется проблемам международно-правового регулирования наемничества, борьбе императоров за контроль над формированием подобных контингентов и эволюции этих процессов (от союзных договоров и службы княжеских «родичей» до практики найма независимых вооруженных отрядов во главе с собственными лидерами).

А. М. Филипчук делает важное указание на статус элитарных иноземных частей. К 1050–1080-м гг. они становятся одной из составляющих легитимизации власти византийских императоров, что побуждает как василевсов, так и претендентов на престол активно привлекать такие отряды на свою сторону. В этой связи раскрываются и проблемы взаимоотношения власти с наемными/союзными подразделениями: назначения их командного состава, функционирования специальных служб, организации быта, привилегии и оплаты. Автором приведены расчеты доходов и стоимости наемных русов на византийской службе, выделены существовавшие виды оплаты и обеспечения.

В монографии А. М. Филипчука предпринята попытка реконструкции вооружения и снаряжения наемного воина на основе изобразительных и археологических источников. Привлекая широкий круг сфрагистических материалов, ученый выстраивает систему командных должностей и титулов, связанных с наемными корпусами. Вопреки предшествующей историографической традиции, им делается важнейшее, на наш взгляд, предположение относительно группы моливдовулов «ἐπί τῶν βαρβάρων» (глав ведомства варваров/начальников варваров/«из варваров»): по крайней мере часть этих людей являлись предводителями наемных русских дружин.

А. М. Филипчук доказывает, что византийский термин «варанги» (βαράγγοι) впервые появляется в хронике Иоанна Скилицы при описании событий 1034 г. и в данном случае используется не в качестве этногеографической характеристики, а для обозначения наемных воинов, служивших за пределами императорского дворца. Исследователь полагает, что этот термин употреблялся в 1050–1080-е гг. для всех категорий наемных/союзных сил. Для отрядов русов, по его мнению, существовало и конкретное название – «наемный корпус» (ξενολογικόν), а сам процесс привлечения на службу именовался «вербовкой наемников» (ξενολογέω). Он также разделяет статус «наемников» (μισθοφόροι; ἐθνικοί) и «союзников» (συνμάχοι).

Наконец, отдельным сюжетам изучения проблематики истории военного союзничества и наемничества в Византии, на примере выходцев с территорий Северо-Западной Европы и Руси, посвящены исследования Е. А. Мельниковой [74], Т. Н. Джаксон [59], М. В. Бибикина [49–51], К. Н. Сиггаар [9], А. А. Роменского [89], Ф. А. Андрощука [5] и А. С. Щавелева [61].

Завершая наш историографический обзор, перечислим основные нерешенные проблемы и направления по интересующей теме исследования. К ним следует отнести такие вопросы:

1) Соотношение и содержание институтов наемничества и союзничества в военном, социальном, политическом, юридическом, религиозном, экономическом и дипломатическом аспектах;

2) Содержание используемого понятийного аппарата. Например, характеристика и применение таких терминов как «федераты»/«союзники»/«наемники», «росы»/«варанги»/«варанго-росы»;

3) Этнический состав подразделений иностранных наемников и изменения в этом смысле, фиксируемые со временем в источниках;

4) Роль религии во взаимоотношениях с союзниками и наемниками: пути и методы их христианизации, использование религиозного фактора в качестве инструмента распространения имперского влияния и пропаганды;

5) Пути и модели привлечения иностранцев на военную службу, организация и особый правовой статус наемных/союзных контингентов, система выплат и поощрений, титулы и командные должности;

6) Восприятие иноземцев византийским обществом, формирование образа воина-наемника в сочинениях представителей византийской аристократии и чиновников-интеллектуалов;

7) Причины и предпосылки роста количества и значения иностранных военных контингентов в византийской армии и государстве, оценка их эффективности. Здесь следует сказать о факте существования двух противоречащих друг другу подходов. Одна часть исследователей, в основном западноевропейская историографическая традиция, видела в привлечении наемников свидетельство экономического роста и восстановления военно-политического потенциала империи, перехода к активной экспансии, в то время, как другая, в основном советская историографическая традиция, наоборот, усматривала в опоре на наемные силы признаки упадка и разложения Византийского государства, деградации экономики и военных сил империи.

Подводя итоги, можно констатировать, что в своем развитии представления в историографии о византийской военной системе середины IX – начала XII вв. и месте в ней отрядов солдат-иноземцев прошли путь от восприятия продолжения римской имперской традиции, когда «угасающая» Восточно-Римская империя опиралась на множество варваров-федератов, до формирования обоснованных заключений о сугубо византийских институтах военного найма и союзничества, основанных на особых формах военно-административного устройства и дипломатических практиках.

Список использованных источников и литературы

1. Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles / Paris: P.U.F., 1966. – 502 p.
2. Benedikt B.S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1969. – Bd. 62(1). – S. 20–24.
3. Birkenmeier J.W. The Development of the Komnenian Army, 1081–1180 / Leiden; Boston; Cologne: Brill, 2002. – 263 p.
4. Blöndal S. The Varangians of Byzantium / Translated, revised, and rewritten by Benedikt S. Benediktz. – Cambridge University Press, 2007. – 242 p.
5. Byzantium and the Viking World / Ed. by Fedir Androshchuk, Jonathan Shepard, Monica White. – Uppsala University, 2016. – 463 p.
6. Cheynet J.-C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe – XIIe siècle // *Guerre et société au Moyen âge: Byzance – Occident (VIIIe – XIIIe siècle)* / Peeters Publishers, 2010. – P. 43–62.
7. Cheynet J.-C. Mantzikert: un desastre militaire? // *Byzantion*. – Bruxelles, 1980. – T. L. – P. 411–438.
8. Cheynet J.-C. The Byzantine Aristocracy and its Military Function / Aldershot, 2006. – 380 p.
9. Ciggaar K. N. Western travelers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204: Cultural and Political Relations / New York: E.J. Brill, 1996. – 396 p.

10. Dawkins R. M. The Later History of the Varangian Guard: Some Notes // *The Journal of Roman Studies*. – 1947. – Vol. 37, Parts 1 and 2. – P. 39–46.
11. Dawson T. Byzantine Cavalryman c. 900–1204 / *Illustrator Giuseppe Rava*. – Osprey Publishing, 2009. – 66 p.
12. Dawson T. Byzantine infantryman: Eastern Roman empire c. 900–1204 / *Illustrator Angus McBride*. – Osprey Publishing, 2007. – 68 p.
13. Du Cange C. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis: I–II* / Graz, Austria: Akademische Druck, 1958. – 2110 p.
14. D’Amato R. Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025: The *Tághmata* and Imperial Guard / Osprey Publishing, 2012. – 66 p.
15. D’Amato R. The Varangian Guard 988–1453 / *Illustrator Giuseppe Rava*. – Osprey Publishing, 2010. – 48 p.
16. D’Amato R. The equipment of Georgios Maniakes and his army according to the Skylitzes *Matritensis* miniatures and other artistic sources of the middle Byzantine period / *ИОРФУРА*, 2005. – 75 p.
17. Ellis-Davidson H. R. *The Viking road to Byzantium* / London: Allen & Unwin, 1976. – 341 p.
18. Finlay G. *A History of Greece: The Byzantine and Greek empires* / Ed. H.F. Tozer. – Oxford, 1877. – Vol. III, Part II. – 526 p.
19. Glykatzi-Ahrweiler H. *Recherches sur l’administration de l’empire byzantin aux IX – XI-e siècles* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. – Paris, 1960. – Vol. 84(1). – P. 1–111.
20. Guillard R. *Études sur l’histoire administrative de l’empire byzantin: les commandants de la garde impériale, l’ἐπι τοῦ στρατοῦ et le juge de l’armée* // *Revue des études byzantines*. – 1960. – T. 18. – P. 79–96.
21. Haldon J. F. *L’armée au XIe siècle, quelques questions* // *Travaux et Mémoires*. – 2017. – Vol. 21/2. – P. 581–592.
22. Haldon J. F. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* / Taylor & Francis e-Library, 2003. – 389 p.
23. Heath I. *Byzantine Armies 886–1118* / *Illustrator Angus McBride*. – Osprey Publishing, 1979. – 38 p.
24. Jakobsson S. *The Varangians: In God’s Holy Fire* / Palgrave Macmillan, 2020. – 230 p.
25. Kaegi W. E. *Army, Society and Religion in Byzantium* / London, 1982. – 320 p.
26. Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata* / Wien: Verlag Fassbaender, 1991. – 327 s.
27. Mackridge P. R. M. *Dawkins and Byzantium* // *Through the Looking Glass: Byzantium through British Eyes* / Ed. by R. Cormack, E. Jeffreys. – Aldershot: Variorum Collected Studies, 2000. – P. 185–95.
28. McGeer E. *Sowing the Dragon’s Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* / Washington, D. C., 1995. – *Dumbarton Oaks Studies*, 33. – 405 p.
29. Miller D. A. *Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD* / *Byzantinoslavica*. – 1971. – Vol. 32(1). – P. 56–76.
30. Nicolle D. *Romano-Byzantine armies 4th – 9th centuries* / *Illustrator Angus McBride*. – Osprey Publishing, 1992. – 48 p.
31. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* / Paris, 1972. – 403 p.
32. Oikonomidès N. *L’évolution de l’organisation administrative de l’Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118)* // *Travaux et mémoires*. – 1976. – Vol. 6. – P. 125–152.
33. Oman C. W. C. *The Art of War: The Middle Ages: A.D. 378–1515* / Oxford–London, 1885. – 140 p.
34. Oman C. W. C. *The Byzantine Empire* / London–New York, 1892. – 367 p.
35. Shepard J. *Some problems of Russo-Byzantine relations c. 860-c. 1050* // *The Slavonic and East European Review*. – Cambridge University Press, 1974. – Vol. 52. №126. – P. 10–33.
36. Shepard J. *The English and Byzantium: A Study of their role in the byzantine army in the later eleventh century* // *Traditio*. – 1973. – Vol. 29. – P. 53–92.
37. Shepard J. *The uses of Franks in eleventh century Byzantium* // *Anglo-Norman Studies*. – Boydell Press, 1993. – Vol. 15. – P. 275–307.
38. *The Cambridge history of the Byzantine Empire: c. 500–1492* / Ed. by J. Shepard. – Cambridge University Press, 2008. – P. 493–559.

39. The Oxford Dictionary of Byzantium: 3 vols. / Ed. by Alexander P. Kazhdan. – New York: Oxford University Press, 1991. – 2232 pp.
40. Theotokis G. Rus, Varangian and Frankish mercenaries in the service of the Byzantine Emperors (9th – 11th c.) – Numbers, Organisation and Battle Tactics in the operational theatres of Asia Minor and the Balkans // Byzantina Symmeikta. – 2012. – Vol. 22. – P. 125–156.
41. Treadgold W. Byzantium and Its Army, 284–1081 / Stanford: Stanford University Press, 1995. – 250 p.
42. Treadgold W. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth–Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1980. – Vol. 21. №3. – P. 269–288.
43. Treadgold W. The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. – 1992. – Vol. 29. – P. 77–162.
44. Vasiliev A. A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum). – Praha, 1937. – Vol. 9. – P. 39–70.
45. Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού δεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από το 10 αι. κ. ε. / Θεσσαλονίκη, 1985. – 165 σ.
46. Банников А. В. Византийская армия (IV – XII вв.) / А. В. Банников, М. А. Морозов. – СПб.: Евразия, 2013. – 688 с.
- Bannikov A. V. Vizantiiskaya armiya (IV – XII vv.) / A. V. Bannikov, M. A. Morozov. – SPb.: EVRAZIYa, 2013. – 688 s.
47. Банников А. В. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя) / А. В. Банников, М. А. Морозов. – СПб.: Евразия, 2014. – 592 с.
- Bannikov A. V. Istoriya voennogo flota Rima i Vizantii (ot Yuliy Tsezarya do zavoevaniya krestonostsami Konstantinopolya) / A. V. Bannikov, M. A. Morozov. – SPb.: EVRAZIYa, 2014. – 592 s.
48. Бенешевич В. Н. Очерки по истории Византии / СПб.: Изд. Студ. изд-ва ком. при Ист.-филол. фак. СПб. ун-та, 1912. – Вып. 1. – 195 с.
- Beneshevich V. N. Ocherki po istorii Vizantii / SPb.: Izd. Stud. izd-va kom. pri Ist.-filol. fak. SPb. un-ta, 1912. – Vyp. 1. – 195 s.
49. Бибигов М. В. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. – Копенгаген, 1990. – Т. 36. – С. 161–171.
- Bibikov M. V. K varyazhskoi prosopografii Vizantii // Scando-Slavica. – Kopengagen, 1990. – T. 36. – S. 161–171.
50. Бибигов М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – М., 2005. – №1(19). – С. 5–15.
- Bibikov M. V. Rus' v vizantiiskoi diplomatii: dogovory Rusi s grekami X v. // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. – M., 2005. – №1(19). – S. 5–15.
51. Бибигов М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. – Таллин: Ээсти Раамат, 1986. – Вып. 30. – С. 97–105.
- Bibikov M. V. Skandinavskii mir v vizantiiskoi literature i aktakh // Skandinavskii sbornik. – Tallin: Eesti Raamat, 1986. – Vyp. 30. – S. 97–105.
52. Васильев А. А. История Византийской империи: от начала Крестовых походов до падения Константинополя / СПб.: Алетейя, 1998. – 583 с.
- Vasil'ev A. A. Istoriya Vizantiiskoi imperii: ot nachala Krestovykh pokhodov do padeniya Konstantinopolya / SPb.: Aleteiya, 1998. – 583 s.
53. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В. Г. Васильевского. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. – Т. 1. – С. 176–377.
- Vasil'evskii V. G. Varyago-russkaya i varyago-angliiskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekov // Trudy V. G. Vasil'evskogo. – SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1908. – T. 1. – S. 176–377.
54. Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века / сост. П. А. Гейсман. – СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893. – Ч. 1. – 170 с.
- Geisman P. A. Kratkii kurs istorii voennogo iskusstva v srednie i novye veka / sost. P. A. Geisman. – SPb.: Tip. S. N. Khudekova, 1893. – Ch. I. – 170 s.

55. Герцберг Г. Ф. История Византии / Пер., прим. и прил. П. В. Безобразова. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1897. – 674 с.
Gertsberg G. F. Istoriya Vizantii / Per., prim. i pril. P. V. Bezobrazova. – M.: Izd. K. T. Soldatenkova, 1897. – 674 s.
56. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: издание Джоржа Белля 1877 года / с прим. Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др.; пер. с англ. В. Н. Неведомский. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова: Тип. В. Ф. Рихтер, 1885. – Ч. 6. – 613 с.
Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii: izdanie Dzhorzh Bellya 1877 goda / s prim. Gizo, Venka, Shreitera, Gugo i dr.; per. s angl. V. N. Nevedomskii. – M.: Izd. K. T. Soldatenkova: Tip. V. F. Rikhter, 1885. – Ch. 6. – 613 s.
57. Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен: Части первая и вторая / сост. кн. Н. С. Голицын. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1876. – 328 с.
Golitsyn N. S. Vseobshchaya voennaya istoriya srednikh vremen: Chasti pervaya i vtoraya / sost. kn. N. S. Golitsyn. – SPb.: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1876. – 328 s.
58. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / СПб.: Наука; Ювента, 1996. – Т. 3: Средневековье. – 448 с.
Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istoriei / SPb.: Nauka; Yuventa, 1996. – T. 3: Srednevekov'e. – 448 s.
59. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / М.: Языки русской культуры, 2000. – 192 с.
Dzhakson T. N. Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii rusko-norvezhskikh politicheskikh otnoshenii poslednei treti X – pervoi poloviny XI v. / M.: Yazyki russkoi kultury, 2000. – 192 s.
60. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. и предисл. Б. Т. Горянова; под ред. С. Д. Сказкина. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. – 185 с.
Dil' Sh. Osnovnye problemy vizantiiskoi istorii / per. s fr. i predisl. B. T. Goryanova; pod red. S. D. Skazkina. – M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1947. – 185 s.
61. Цавелев А. С. Известие о «северных скифах» («россах») в разделе «Ναυμαχικά» трактата «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2016. – Т. 3. – С. 236–250.
Shchavel'ev A. S. Izvestie o «severnykh skifakh» («rosakh») v razdele «Ναυμαχικά» traktata «Taktiká» vizantiiskogo imperatora L'va VI Mudrogo // Istoricheskaya geografiya / Otv. red. I. G. Konovalova. – M.: Akvilon, 2016. – T. 3. – S. 236–250.
62. История военного искусства // Военная энциклопедия. – СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. – Т. 11: Инкерман – Кальмар-зунд. – С. 80–109.
Istoriya voennogo iskusstva // Voennaya entsiklopediya. – SPb.: T-vo I. D. Sytina, 1913. – T. 11: Inkerman – Kal'mar-zund. – S. 80–109.
63. Каждан А. П. Византийская культура (X – XII вв.) / М.: Наука, 1968. – 233 с.
Kazhdan A. P. Vizantiiskaya kul'tura (X – XII vv.) / M.: Nauka, 1968. – 233 s.
64. Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1972. – 746 с.
Kekavmen. Sovety i rasskazy Kekavmena: Sochinenie vizantiiskogo polkovodtsa XI v. / Podgot. teksta, vved., per. i komment. G. G. Litavrina. – M.: Nauka, 1972. – 746 s.
65. Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму): учеб. пособие для студ. ист. фак. вузов / М.: Высш. шк., 1984. – 207 с.
Kurbatov G. L. Istoriya Vizantii (Ot antichnosti k feodalizmu): ucheb. posobie dlya stud. ist. fak. vuzov / M.: Vyssh. shk., 1984. – 207 s.
66. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи / СПб.: Алетея, 2001. – 425 с.
Kuchma, V. V. Voennaya organizatsiya Vizantiiskoi imperii / SPb.: Aleteiya, 2001. – 425 s.
67. Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX – X вв. по «Тактике Льва» // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 102–113.

Kuchma V. V. Voenno-ekonomicheskie problemy vizantiiskoi istorii na rubezhe IX – X vv. po «Taktike L'va» // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Sverdlovsk, 1973. – Вып. 9. – С. 102–113.

68. Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX – X вв. (Структура и численность армейских подразделений) // Античная древность и средние века. – Сverdlovsk, 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.

Kuchma V. V. Iz istorii vizantiiskogo voennogo iskusstva na rubezhe IX – X vv. (Struktura i chislennost' armeiskikh podrazdelenii) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Sverdlovsk, 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.

69. Левченко М. В. История Византии: краткий очерк / М.; Л.: ОГИЗ, 1940. – 264 с.

Levchenko M. V. Istoriya Vizantii: kratkii ocherk / М.; Л.: OGIZ, 1940. – 264 s.

70. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X – XI вв.: проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. / М.: Наука, 1977. – 311 с.

Litavrin G. G. Vizantiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v X – XI vv.: problemy istorii odnogo stoletiya, 976–1081 gg. / М.: Nauka, 1977. – 311 s.

71. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / СПб.: Алетейя, 2000. – 398 с.

Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) / SPb.: Aleteiya, 2000. – 398 s.

72. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / М.: Наука, 1974. – 192 с.

Litavrin G. G. Kak zhili vizantiitsy / М.: Nauka, 1974. – 192 s.

73. Луговий О. М. Роси та варанги у Візантії X – XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07.00.02 – Всесвітня історія; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2008. – 19 с.

Lugovii O. M. Rosi ta varangi u Vizantii X – XII st.: formuvannya ta strukturna rol' naimanogo viiskovogo kontingentu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.02 – Vsesvitnya istoriya; Odes'kii nats. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa, 2008. – 19 s.

74. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник. – М.: Наука, 1998. – Т. 55(80). – Ч. 2. – С. 159–164.

Meľnikova E. A. Varyagi, varangi, veringi: skandinavny na Rusi i v Vizantii // Vizantiiskii vremennik. – М.: Nauka, 1998. – Т. 55(80). – Ч. 2. – С. 159–164.

75. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия / СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. – 537 с.

Mikhnevich N. P. Istoriya voennogo iskusstva s drevneishikh vremen do nachala devyatnadsatogo stoletiya / SPb.: Parovaya Skoropchatnya P. O. Yablonskogo, 1896. – 537 s.

76. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в правление Константина VIII // Античная древность и средние века. – Sverdlovsk: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – Вып. 28. – С. 19–33.

Mokhov A. S. Komandnyi sostav vizantiiskoi armii v pravlenie Konstantina VIII // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1997. – Вып. 28. – С. 19–33.

77. Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 278 с.

Mokhov A. S. Vizantiiskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnykh struktur / Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. – 278 s.

78. Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 36: материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). – С. 145–170.

Mokhov A. S. Voennaya politika imperatorov-Paflagontsev (1034–1042) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Ekaterinburg, 2005. – Вып. 36: materialy XII Mezhdunarodnykh nauchnykh Syuzuymovskikh chtenii (Sevastopol', 6–10 sentyabrya 2004 g.). – С. 145–170.

79. Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – №31. – С. 14–34.

Mokhov A. S. Voennye preobrazovaniya v Vizantiiskoi imperii vo vtoroi polovine X – nachale XI v. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – №31. – С. 14–34.

80. Мохов А. С. Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглавиты и императорская этерия // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Вып. 44. – С. 124–136.

Mokhov A. S. Dvortsovaya strazha v Vizantii pervoi poloviny IX veka: manglavity i imperatorskaya eteriya // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. – Вып. 44. – С. 124–136.

81. Мохов А. С. Исследования по истории византийской армии: теория и терминология // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 45–58.

Mokhov A. S. Issledovaniya po istorii vizantiiskoi armii: teoriya i terminologiya // *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii*. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 45–58.

82. Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // *Известия Уральского государственного университета*. – 2005. – №39. – С. 15–26.

Mokhov A. S. K voprosu o vizantiiskoi voennoi organizatsii v period voyny s pechenegami 1046–1053 gg. // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2005. – № 39. – С. 15–26.

83. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргири (1028–1034) // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. – Вып. 31. – С. 173–197.

Mokhov A. S. Komandnyi sostav vizantiiskoi armii v XI v.: pravlenie Romana III Argira (1028–1034) // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. – Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 2000. – Вып. 31. – С. 173–197.

84. Оболенский Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / М.: Янус-К, 1998. – 655 с.

Obolenskii D. D. Vizantiiskoe Sodruzhestvo Natsii. Shest' vizantiiskikh portretov / М.: Yanus-K, 1998. – 655 s.

85. Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианский; ред. П. В. Кузенков. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.

Ostrogorskii G. A. Istoriya Vizantiiskogo gosudarstva / Per. s nem. M.V. Gratsianskii; red. P. V. Kuzenkov. – М.: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2011. – 895 s.

86. Прудников В. В. Норманны в Малой Азии в XI – XII вв.: дис. ... канд. ист. наук / 07.00.03 – Всеобщая история; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2016. – 292 л.

Prudnikov V. V. Normanny v Maloi Azii v XI – XII vv.: dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.03 – Vseobshchaya istoriya; In-t vostokovedeniya RAN. – М., 2016. – 292 l.

87. Пузыревский А. К. История военного искусства в средние века (V – XVI стол.) / СПб.: Тип. штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1884. – Ч. I. – 239 с.

Puzyrevskii A. K. Istoriya voennogo iskusstva v srednie veka (V–XVI stol.) / SPb.: Tip. shtaba voisk Gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1884. – Ch. I. – 239 s.

88. Разин Е. А. История военного искусства VI – XVI вв. / СПб.: Полигон, 1999. – 656 с.

Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva VI – XVI vv. / SPb.: Poligon, 1999. – 656 s.

89. Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы»: очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. / Харьков: Майдан, 2017. – 340 с.

Romenskii A. A. Imperiya romeev i «tavroskify»: ocherki russko-vizantiiskikh otnoshenii poslednei chetverti X v. / Khar'kov: Maidan, 2017. – 340 s.

90. Рюстов Ф. В. История пехоты / Пер. с нем. А. К. Пузыревского; под ред. А. Е. Станкевича. – СПб.: Типография В.П. Воленса, 1876. – Т. 1. – 343 с.

Ryustov F. V. Istoriya pekhoty / Per. s nem. A. K. Puzyrevskogo; pod red. A. E. Stankevicha. – SPb.: Tipografiya V.P. Volensa, 1876. – T. 1. – 343 s.

91. Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2-х кн. / СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – Кн. 2. – 416 с.

Skabalanovich N. A. Vizantiiskoe gosudarstvo i Tserkov' v XI veke: Ot smerti Vasiliya II Bolgaroboitsy do votsareniya Alekseya I Komnina: v 2-kh kn. / SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2004. – Kn. 2. – 416 s.

92. Строков А. А. История военного искусства / М.: Воениздат, 1955. – Т. 1. – 663 с.

Strokov A. A. Istoriya voennogo iskusstva / М.: Voenizdat, 1955. – T. 1. – 663 s.

93. Сюзюмов М. Я. Византийские этюды / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 396 с.
Syuzumov M. Ya. Vizantiiskie etyudy / Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. – 396 s.
94. Успенский Ф. И. Военное устройство византийской империи // Известия Русского археологического института в Константинополе. – София: Държавна печатница, 1900. – Т. 6, вып. 1. – С. 154–207.
Uspenskii F. I. Voennoe ustroistvo vizantiiskoi imperii // Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole. – Sofiya: D"rzhavna pechatnitsa, 1900. – T. 6, vyp. 1. – S. 154–207.
95. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Комнины / М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3. – 860 с.
Uspenskii F. I. Istoriya Vizantiiskoi imperii: Komniny / M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – T. 3. – 860 s.
96. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057) / Сост. Л. В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – Т. 3. – 527 с.
Uspenskii F. I. Istoriya Vizantiiskoi imperii: Period Makedonskoi dinastii (867–1057) / Sost. L. V. Litvinova. – M.: Mysl', 1997. – T. 3. – 527 s.
97. Филипчук О. М. Русі серед «військ народів» у Візантії IX – XI ст.: найманці та союзники: дис. ... канд. іст. наук / 07.00.01 – історія України; Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича / Чернівці, 2010. – 502 с.
Filipchuk O. M. Rusi sered «viis'k narodiv» u Vizantii IX – XI st.: naimantsi ta soyuzniki: dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.01 – istoriya Ukraïni; Chernivets'kii nats. un-t im. Yu. Fed'kovicha / Chernivtsi, 2010. – 502 s.
98. Хэлдон Дж. История византийских войн / Пер. с англ. М. А. Карапушина, С. С. Луговского. – М.: Вече, 2007. – 482 с.
Kheldon Dzh. Istoriya vizantiiskikh voin / Per. s angl. M. A. Karapupina, S. S. Lugovskogo. – M.: Veche, 2007. – 482 s.
99. Шене Ж.-Кл. История Византии / Москва, 2006. – 160 с.
Shene Zh.-Kl. Istoriya Vizantii / Moskva, 2006. – 160 с.

Karashayski K. M. Institutions of Military Mercenarism and Military Alliance in the Army of the Byzantine Empire in the Middle of the 9th – Early of the 12th Centuries: To the Historiography of the Question

The article makes an attempt to trace the evolution of views on the Byzantine military-administrative system of the middle 9th – early 12th centuries and the place of foreign mercenary and allied elements in it, and also to distinguish some basic historiographical problems connected with the raised theme. These include problems of terminology (the correlation between the concepts of «foederati», «mercenaries» and «allies»); ethnicity and religious affiliation; legal status and diplomatic relations; recruitment, organization and provision of foreign military formations; conditions leading to their active use in imperial politics and military campaigns; reflection of perceptions of foreign mercenaries and attitudes towards them in Byzantine literature. It examines the separation and content of the institutions of military mercenarism and military alliance as two forms of employing foreign military contingents in the Byzantine army and their role in the internal and external affairs of the empire.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, military mercenarism, military alliance, etheria, varangians, Rus' people.

УДК 94(4)"375/1492"

ПАНДЕМИЯ ЧУМЫ СЕРЕДИНЫ XIV В. В ЕВРОПЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Колганова В. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vika.kolganova.98@mail.ru*

«Черная смерть» – пандемия чумы, охватившая Европу в период с 1346–1352 гг. Главной задачей исследования стал историографический анализ научной литературы, посвященной этому историческому феномену, а также выявление актуальных проблем его изучения. Анализируемые работы классифицированы на две группы. Первую категорию составляют естественно-научные исследования, в первую очередь медицинские. Вторая группа включает монографии и научные статьи исторической направленности. Последние, в свою очередь, разделены на обобщающие исследования и работы регионального характера. Историографический анализ позволил выделить ряд нерешенных вопросов изучения пандемии середины XIV вв. Во-первых, в специальной литературе до сих пор не сформировалось общепринятое значение термина «Черная смерть». Следующей проблемой является неравномерная степень изученности в разных регионах Европы, Азии и Северной Африки, связанная с дефицитом письменных источников. Прямым следствием этой проблемы является низкая степень достоверности подсчетов количества жертв «Черной смерти» в отдельных регионах. Потенциальным источником объективных данных об уровне смертности могли бы стать археологические исследования средневековых кладбищ, однако, эта группа материалов на текущем этапе исследований пандемии находится на стадии накопления.

Ключевые слова: Европа, XIV в., «Черная смерть», пандемия, историография.

Эпидемия чумы середины XIV в. в Европе, получившая в историографии образное наименование «Черная смерть», признается исследователями событием большой исторической важности. В течение 1346–1352 гг. эпидемия охватила значительную часть средневековой ойкумены. По разным оценкам, население Европы сократилось на 30–50%, спровоцировав значительные социально-экономические и культурные перемены на континенте. Только к началу XVI в. последствия пандемии чумы были окончательно ликвидированы, и численность населения Европы приблизилась к количественным показателям XIV в.

Данная работа представляет собой попытку анализа степени изученности пандемии «Черной смерти» в разных регионах ее распространения и выявление актуальных проблем исследования этого исторического феномена. Научные исследования, специально посвященные чуме середины XIV в., можно разделить на две группы. В работах первой группы «Черная смерть» анализируется с точки зрения, естественных наук, в первую очередь, медицины. Сочинения второй группы рассматривают ее в качестве исторического явления.

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

Медицинские исследования. Впервые проблематика «Черной смерти» была затронута российским медиком А. Ф. Шафонским в работе «Описание моровой язвы», написанной в 1774 г., вскоре после московской чумы 1770–1772 гг. Анализируя симптомы и масштабы смертности, вызванной современной ему вспышки чумы, автор отмечает их сходство с эпидемией середины XIV в. на Руси, известной ему по летописным данным. Источником появления чумы А. Ф. Шафонский считал регионы с жарким и влажным климатом, в частности, Турцию. К основным симптомам заболевания исследователь отнес головную боль, ломоту, помутнение, покраснение глазных яблок, озноб, жар, тошноту, слабость, припадки, появление пятен на коже и опухолей-бубонов. Наиболее действенными методами лечения чумы, по его мнению, были укусы компрессов и окуривание ягодами можжевельника. Главной мерой борьбы с распространением заболевания А. Ф. Шафонский считал помещение больных в карантин на срок от 6 до 40 дней [24, с. 5–22].

Автор многотомной «Истории медицины в России», профессиональный врач В. М. Рихтер считал чуму середины XIV в. самой масштабной эпидемией в истории человечества. По его мнению, «Черная смерть» началась в Астрахани и оттуда распространилась по всей Европе. Затем, обогнув континент, в 1352 г. болезнь вернулась на Восток и охватила территорию Руси. По оценке В. М. Рихтера, основанной на сведениях Никоновской летописи, смертность в русских княжествах составляла 70–100 человек в день [10, с. 176–191].

По мнению автора монографии «История поварных болезней», немецкого исследователя Г. Гезера, возможным районом зарождения чумы являлись Индийские Гималаи, где им были зафиксированы вспышки заболеваний со схожей симптоматикой. Следует отметить, что он одним из первых акцентировал внимание на сведениях хроники Габриэля де Мюсси «Incipit Ystoria de Morbo sive Mortalitate que fuit anno Domini MCCCXLVIII» о роли крупных торговых портов Северного Причерноморья, Кафы и Таны, в распространении «Черной смерти» [2, с. 121–154].

Значительный вклад в изучение чумы внесли исследования немецкого эпидемиолога, профессора Берлинского университета, А. Хирша, посетившего Астраханскую губернию Российской империи во время вспышки легочной чумы 1878–1879 гг. В опубликованной в 1880 г. монографии исследователь отметил сходство эпидемии, очевидцем которой он стал, с «Черной смертью» середины XIV в. Основными причинами распространения болезни он считал климатические факторы и миграции грызунов-переносчиков заболевания. По мнению А. Хирша, впервые чума проникла в Европу в XII в., вместе с крысами на кораблях крестоносцев [43, с. 118].

Своеобразным подведением итогов изучения чумы до начала XX в. стала монография российского врача Я. Б. Эйгера «История и современное состояние вопроса о бубонной чуме». Работа, по сути, представляющая собой медицинское исследование, снабжена пространной исторической справкой, в которой автор перечисляет все известные ему вспышки чумы. Исследователь отнес «Черную смерть» к крупнейшим эпидемиям в истории человечества. Главными ее причинами

стали климатические изменения, стихийные бедствия и последовавший за ними голод [25, с. 1–7]. Впервые в историографии Я. Б. Эйгер привел данные об общем количестве жертв чумы середины XIV в., основанные на сведениях из буллы папы Климента VI. По его мнению, в Европе за время эпидемии умерло около 24 миллионов человек, составлявших почти треть населения региона [25, с. 9].

В 1894 г. в изучении чумы как клинического заболевания произошел прорыв. Во время эпидемии в Гонконге бактериологами А. Йерсином (Франция) и С. Китасато (Япония) была выявлена бактерия *Yersenia Pestis*. Это открытие стало отправной точкой для зарождения contagiозной теории происхождения чумы, заключавшейся в том, что ключевую роль в возникновении очагов ее заболевания играл природный возбудитель [20, с. 107].

Открытие *Yersenia Pestis* стало своеобразным рубежом не только в борьбе с чумой, но и в истории изучения эпидемии середины XIV в. В исследованиях медицинской направленности, появившихся до этого события, исторические данные о «Черной смерти» обычно привлекались для решения вопросов возникновения, распространения и предотвращения вспышек чумы. Выявление возбудителя заболевания снизило необходимость во внимательном изучении «опыта прошлого». В дальнейшем, исторические разделы в посвященных чуме научных работах медицинской направленности имели скорее справочный характер и основывались на данных специальных исторических исследований.

Исторические исследования. Вплоть до середины XX в. «Черная смерть» 1346–1352 гг. не становилась предметом специальных исторических исследований. События эпидемии рассматривались в общем контексте истории отдельных регионов. К реконструкции событий эпидемии середины XIV в. на Руси одним из первых обратился выдающийся российский историк Н. М. Карамзин. По его мнению, очагом возникновения болезни был Китай, откуда в 1346 г. чума проникла на территорию Улуса Джучи. Н. М. Карамзин первым отметил ключевую роль Крымского полуострова в распространении «Черной смерти» на запад, в Европу, откуда она к 1352 г. вернулась на территорию Руси [7, с. 270–271]. На основании летописных данных, автор дает характеристику развития заболевания: кровохаркание, появление бубонов, смерть в течение 2–3 дней [7, с. 271].

Использованные Н. М. Карамзиным сведения русских летописей о симптомах и распространении мора середины XIV в. в краткой форме повторил С. М. Соловьев. Следует отметить, что он первым акцентировал внимание на тяжелом психологическом состоянии современников «Черной смерти», искавших спасение в религии. Во время эпидемии участились случаи жертвований имущества в пользу церкви и ухода в монастыри [12, с. 1221–1222].

В 1842 г. профессор университета Бреслау А. Хеншел опубликовал найденный им документ, оказавшийся ключевым источником для изучения путей распространения чумы с востока на запад [42, с. 45–57]. Этот документ представлял собой хронику, написанную итальянским юристом Габриэле де Мюсси, находившимся в Кафе во время ее осады войсками золотоордынского хана Джанибека в 1346 г. В армии осаждающих произошла вспышка чумы. По сведениям

де Мюсси, войска Джанибека с помощью катапульта бомбардировали Кафу телами умерших от чумы, в результате чего болезнь охватила и осажденный город. Из Кафы «Черная смерть» морским путем распространилась далее на запад, в торговые порты Средиземноморья [42, с. 45–57].

В 1884 г. текст сочинения де Мюсси был заново опубликован итальянским историком Г. Тонони вместе с некоторыми фактами биографии автора. Ученый поставил под сомнение вывод А. Хеншеля о том, что де Мюсси был непосредственным очевидцем этих событий. Г. Тонони были найдены документы, составленные и подписанные итальянским юристом в период с 1344 по 1346 гг. в Пьяченце. По его мнению, сведения о чуме в Крыму де Мюсси мог получить только от своих соотечественников – итальянских купцов, торговавших в Северном Причерноморье [55, р. 142].

Начиная со второй половины XX в., исследовательский интерес к эпидемии чумы 1346–1352 гг. резко возрастает. Появляется целая серия работ, специально посвященных этому событию и носящих как обобщающий, так и региональный характер. Одной из первых попыток реконструкции событий эпидемии в Европе стала монография британского историка Ф. Циглера «The Black Death», впервые опубликованная в 1969 г. [60]. Автор прослеживает распространение «Черной смерти» по всей территории Европы и Азии, восстанавливая хронологию событий [60, р. 36–109]. Особо отметим подробное описание пандемии на территории Англии [60, р. 110–217]. Завершающие разделы монографии посвящены последствиям эпидемии в различных сферах жизни населения средневековой Европы. В течение первых трех лет эпидемия унесла жизни почти трети населения Европы [60, с. 218–225]. По мнению Ф. Циглера, чума стала не только причиной, но и катализатором многих социальных и экономических изменений на континенте [60, р. 227–244]. Исследователь одним из первых отметил значительное снижение влияния церкви, оказавшейся неспособной защитить свою паству от пандемии, которая воспринималась современниками как наказание за человеческие грехи [60, р. 154–259].

Особое значение в историографии «Черной смерти» имеет монография британской исследовательницы Р. Хоррокс, вышедшая в 1995 г [44]. Работа представляет собой сборник средневековых европейских текстов, содержащих сведения об эпидемии и переведенных на современный английский язык. Источники сгруппированы в три раздела. Первый из них содержит тексты, связанные с проникновением и распространением чумы в Западной и Центральной Европе [44, р. 3–92]. Второй раздел включает источники, отражающие восприятие эпидемии современниками [44, р. 95–226]. В заключительной главе приведены тексты, отражающие последствия «Черной смерти» для Европы [44, р. 229–351]. Каждый раздел сопровождается комментариями автора.

Нужно отметить, что структура монографии Р. Хоррокс в целом отражает текущую ситуацию с нарративными данными о «Черной смерти». История эпидемии в разных регионах Европы в источниках отражена неравномерно. Например, работа Р. Хоррокс содержит 19 средневековых текстов, отражающих

распространение чумы на Британских островах [44, р. 62–92], при полном отсутствии источников о чуме на территории современной Германии и скандинавских стран. В работе также не отражены события эпидемии в Восточной Европе и в Византии, известные по хроникам Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры, письмам Димитрия Кидониса. Тем не менее, монография Р. Хоррокс остается одним из наиболее полных собраний средневековых письменных источников об эпидемии чумы середины XIV в. в Европе.

Данные о «Черной смерти», накопленные историками к концу XX в., были обобщены немецким исследователем К. Бергдольтом, опубликовавшим в 2000 г. монографию «Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters» [30]. В работе реконструированы события эпидемии в Европе, включая менее изученные восточную и северную части континента. Особый интерес представляют главы, посвященные влиянию «Черной смерти» на эволюцию института христианской церкви [30, s. 162–171], средневековой медицины [30, s. 172–178], живописи и литературы [30, с. 207–222]. Вслед за Ф. Циглером, К. Бергдольт подчеркнул резкое снижение авторитета христианских священников и, в первую очередь, высшего католического духовенства, избегавшего контактов с зараженными больными или требовавшего высокую плату за свои услуги [30, s. 166]. Отметим, что немецкий исследователь одним из первых выделил рост антисемитских настроений в обществе в качестве одного из последствий эпидемии [30, s. 119–145]. На росте количества еврейских погромов в разгар эпидемии в Западной Европе также акцентировал внимание шведский историк Д. Харрисон [41].

Наиболее подробной реконструкцией событий «Черной смерти», на сегодняшний день, можно с полным основанием считать фундаментальную монографию норвежского исследователя У. Бенедиктова «The Black Death 1346–1352: The Complete History» [29]. Один из разделов его исследования, посвященный непосредственно развитию эпидемии середины XIV в., структурирован в хронологическом порядке, в соответствии с основными этапами распространения заболевания. Кроме традиционных для предшествующих обобщающих исследований «Черной смерти» регионов (Англия, Франция, Испания, Италия), в работе У. Бенедиктова предпринята попытка реконструкции развития эпидемии в Германии, странах Восточной и Северной Европы, в Северной Африке, Малой Азии и на Ближнем Востоке [29, р. 57–67, 146–178, 185–202, 211–215].

Анализируя данные о жертвах эпидемии чумы середины XIV в., У. Бенедиктов акцентировал внимание на ряде важных методологических аспектов. Во-первых, сведения исторических хроник о количестве умерших от чумы, чаще всего, завышены для достижения драматического эффекта и поэтому требуют критического отношения [29, р. 257]. Во-вторых, налоговые ведомости, чаще всего, используемые при подсчете уровня смертности, как правило, учитывают только взрослых мужчин, имеющих уровень доходов, достаточный для уплаты налогов. Подобные источники не учитывают неимущие слои населения [29, р. 258–262]. В-третьих, степень смертности у разных возрастных и гендерных групп не была одинаковой. Согласно современным медицинским исследованиям, во время

вспышек чумы наивысший уровень смертности наблюдается среди детей и подростков [29, р. 266–267]. По собственным расчетам У. Бенедиктова, эпидемия «Черной смерти» и ее вторичные последствия (неурожаи, голод) стали причиной смерти около 60% населения Европы [29, р. 382–383].

Говоря о значении «Черной смерти» в истории средневековой Европы, У. Бенедиктов акцентирует внимание на социально-экономических последствиях эпидемии. Высокий уровень смертности стал причиной возникновения дефицита рабочих рук, что, в свою очередь, привело к улучшениям условий труда и снижению социального неравенства. Рост доходов населения спровоцировал спрос на дешевые потребительские товары, стимулировав их массовое производство. Потребность в квалифицированных кадрах стала причиной секуляризации высшего образования [29, р. 388–390].

В 2005 г. американский исследователь Д. Аберт опубликовал сборник средневековых источников об эпидемии чумы середины XIV в., переведенных автором на английский язык [27]. Документы сгруппированы по категориям, отражающим отдельные аспекты истории «Черной смерти»: происхождение чумы, симптомы болезни и ее распространение, реакция средневековых медиков, социально-экономические, культурные и психологические последствия эпидемии. Каждый раздел снабжен краткими комментариями автора. Необходимо отметить, что в сравнении с монографией Р. Хоррокс, Д. Абертом охвачен более широкий круг источников, в том числе, византийских и арабских. Особый интерес вызывают документы, отражающие восприятие эпидемии населением Европы: активизацию движения флагеллантов [27, р. 118–139] и рост антисемитизма [27, р. 139–159]. В 2020 г. Д. Аберт опубликовал обобщающее исследование, посвященное «Черной смерти» [28].

В современной российской историографии попытку оценить влияние «Черной смерти» на историю средневековой Европы предпринял А. Г. Еманов. В своей статье исследователь проанализировал данные одного из ключевых письменных источников о распространении чумы в середине XIV в. – хроники Габриэле де Мюсси [5, с. 50–52]. Оценивая историческое значение эпидемии, А. Г. Еманов акцентирует внимание на ее иррациональном восприятии современниками [5, с. 53–54].

Демографические последствия эпидемии середины XIV в. проанализированы американскими экономистами Р. Джедвабом, Н. Джонсоном и М. Коямой. Ими были собраны данные о смертности в это время в 274 регионах Европы [45, р. 7–9]. По сделанным расчетам, в период 1347–1352 гг. жертвами «Черной смерти» стали 40% населения континента [45, р. 33]. Количественные показатели восстановились лишь к началу XVII в. [45, р. 12].

Кроме рассмотренных исследований обобщающего характера, историография «Черной смерти» включает целый ряд работ, анализирующих ход и последствия эпидемии в отдельных регионах Европы. Среди государственных образований восточной части континента наиболее подробно изученной в этом смысле является Золотая Орда. Проблематику «Черной смерти» на территории Улуса Джучи одним

из первых затронул Н. Д. Руссев в монографии, посвященной городам междуречья Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв [11]. По его мнению, на территорию современной Молдавии чума проникла посредством торговых контактов из восточных регионов Золотой Орды. К ключевым факторам стремительного распространения заболевания Н. Д. Руссев отнес климатические особенности региона, низкий уровень санитарной культуры и скученную планировку расположенных здесь поселений. Менее пострадавшими оказались области с низкой плотностью населения, удаленные от торговых путей, такие как, например, горный массив Кодру [11, с. 54–55].

Важная роль золотоордынских территорий в распространении чумы отмечена в статье американского исследователя М. Вилиса, посвященной сообщению Габриэле де Мюсси об осаде Кафы ханом Джанибеком. Анализируя источник, исследователь отмечает два возможных пути проникновения чумы в осажденный город: вместе с зараженными трупами, брошенными в Кафу с помощью осадных орудий, или с грызунами, перемещающимися между Кафой и лагерем золотоордынской армии [58, р. 973]. По мнению М. Вилиса, Кафа была не единственным источником распространения «Черной смерти» на запад. Аналогичную роль сыграли другие генуэзские торговые фактории Северного Причерноморья [58, р. 974]. Описанную де Мюсси бомбардировку города чумными трупами М. Вилис охарактеризовал как один из первых в истории случаев применения «биологического» оружия [58, р. 974].

Событиям «Черной смерти» в Золотой Орде посвящен раздел коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», подготовленный американским тюркологом Ю. Шамильоглу [22, с. 670–694]. К ключевым последствиям эпидемии исследователь отнес кризис института престолонаследования и, как следствие, политической системы, экономический спад, культурный и технологический упадок Улуса Джучи [22, с. 681–690].

Событиям эпидемии в Улусе Джучи и, в частности, в Крыму посвящен ряд работ Т. Ф. Хайдарова [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21]. Основные результаты его исследований обобщены в изданной в 2018 г. монографии [20]. Следует отметить, что в отличие от западных историков, Т. Ф. Хайдаров под термином «Черная смерть» понимает не столько эпидемию чумы середины XIV в., а все пять волн этого заболевания, охвативших Золотую Орду в период с 30-х гг. XIV в. по 80-е гг. XV вв. [20, с. 295–300]. По его мнению, первыми проявлениями «Черной смерти» стали локальные вспышки чумы конца XIII – начала XIV вв [20, с. 183]. Сама же эпидемия на территории Улуса Джучи разразилась лишь около 1346 г., в результате проникновения носителей чумы посредством торговых путей из Хорезма и Тебриза [20, с. 191]. В дальнейшем, через генуэзские торговые фактории, болезнь начала свое продвижение на запад. Кроме генуэзского фактора исследователь предполагает наличие и иных путей распространения чумы. К ним Т. Ф. Хайдаров относит локальные вспышки заболевания [20, с. 194]. По его расчетам, жертвами эпидемии 1340–1350-х гг. в Улусе Джучи стали около 1 млн. человек [20, с. 195].

Нужно отметить, что Т. Ф. Хайдаров ошибочно связал с эпидемией чумы данные некоторых письменных источников. В частности, исследователь относит к византийской традиции описания «Черной смерти» поэму «Рассказ о городе Феодоро» иеромонаха Матфея. По его мнению, следуя тексту этого сочинения, весной-летом 1396 г. в столице княжества Феодоро, т.е. Мангупе, произошла эпидемия чумы. Поэтому описание многочисленных погибших в источнике необходимо связывать с ней [20, с. 34]. Этот вывод представляется не совсем логичным. В тексте поэмы имеются ясные указания на события, повлекшие за собой гибель жителей города. В строках №118–129 дано описание многолетней осады крепости Феодоро войсками «агарян», сопровождающиеся такими подробностями как голод и употребление в пищу домашних животных [20, с. 583]. Очевидно, многочисленные останки феодоритов, описанные Матфеем, связаны с боевыми действиями. Рассматривать их как жертвы эпидемии нет никаких оснований.

Важным событием в историографии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи стала публикация материалов круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», проводившегося в рамках V Международного Золотоордынского Форума [26]. Сборник содержит ряд важных с точки зрения изучения эпидемии середины XIV в. работ. В статье С. А. Прокопенко проанализирована эволюция медицинских знаний о чуме [9, с. 7–17]. В статьях Ю. Шамильоглу, И. Л. Измайлова и Т. Ф. Хайдарова «Черная смерть» рассматривается в качестве одного из факторов, стимулировавших кризис второй половины XIV в. в Золотой Орде [23, 6, 13].

Среди материалов сборника особый интерес вызывает работа М. Гринберга, посвященная анализу сообщения Габриэле де Мюсси об осаде Кафы [4, с. 75–89]. Исследователь ставит под сомнение сведения источника о бомбардировке города телами умерших от чумы, подкрепляя свои выводы рядом убедительных аргументов. Первым из них является изолированный характер источника, а также отсутствие упоминания об этих событиях в других средневековых текстах. Вторым аргументом является хронологический разрыв между вспышкой чумы в Кафе в 1346 г. и ее появлением в итальянских городах в конце 1347 – начале 1348 гг. Кроме того, описанная де Мюсси бомбардировка Кафы, по мнению исследователя, является нетипичным для кочевых армий способом ведения войны [4, с. 77–79].

Ряд специальных исследований посвящен «Черной смерти» на территории Византии. В работе Ю. Шамильоглу рассмотрены события эпидемии на территории Анатолии, реконструируемые на основании византийских и арабских источников [51, р. 262–266]. По мнению исследователя, чума середины XIV в. стала одним из ключевых факторов, способствовавших росту политического и военного влияния в меньшей степени пострадавших от нее османов на фоне демографического кризиса в Византии и соседних бейликах [51, р. 269–273].

Первой и единственной в отечественной историографии работой, специально посвященной «Черной смерти» на территории Византии, является статья Т. В. Куш [8, с. 38–56]. События эпидемии 1347–1348 гг. и дальнейшие вспышки заболевания во второй половине XIV – первой половине XV вв. реконструированы на основании

данных письменных источников, в первую очередь, сочинений Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина и Димитрия Кидониса. Исследователь рассматривает «Черную смерть» как одну из причин кризиса в империи в середине XIV в., в перспективе ускорившую ее падение [8, с. 46].

Истории «Черной смерти» в Византийской империи посвящена статья коллектива медиков из Афинского университета [56, р. 193–201]. Под этим словосочетанием в работе подразумевается не только эпидемия середины XIV в., но и последовавшие за ней вспышки чумы. Основываясь на данных письменных источников, исследователи выделили девять основных волн заболевания, полностью или частично охватывавших территорию Византии в период с 1347 по 1435 гг. Средняя продолжительность этих волн в XIV в. составляла 2,3 года, в XV в. – 4,2 года [56, р. 197]. Интересующая нас эпидемия 1347–1348 гг. стала наиболее крупной и охватила Константинополь, острова Эгейского моря и Кипр, Северную Грецию и Пелопоннес [56, р. 197]. В работе сформулирована ключевая проблема изучения чумы на территории Византии – отсутствие в письменных источниках сведений о демографических потерях империи [56, р. 199].

Ряд специальных работ посвящен «Черной смерти» на территории Апеннинского полуострова. Одним из важных исследований для этого региона стала статья В. Боуски, концентрирующаяся на эпидемии в Сиене. Его основой являются данные письменных источников различного характера, собранные автором в муниципальных и семейных архивах города. Особую роль играют сведения местного хрониста Аньоло ди Тура [33, р. 2–3]. Чума, проникшая в Сиену весной 1348 г., полностью парализовала экономическую и политическую жизнь города [33, р. 14]. Точная оценка демографических потерь невозможна в связи с отсутствием данных о населении Сиены в предшествовавший эпидемии период. В целом, отмечая значительное количество жертв чумы середины XIV в. в итальянских городах, В. Боуски подчеркивает слабую аргументацию исследователей, оценивающих смертность в диапазоне 40-60% [33, р. 16].

Попытку оценить вызванные «Черной смертью» демографические изменения в Италии на примере Флоренции предпринял А. Фальсини. По его расчетам, основанным на анализе городских хроник и налоговых регистров, за время эпидемии население города уменьшилось с 90 до 50 тысяч человек [37, р. 436]. Важным представляется вывод о последовавших за эпидемией экономических трансформациях в жизни города: разорении богатых семей и росте дохода низших социальных слоев, вызванном дефицитом на рынке труда [37, р. 449].

Оценка людских потерь в городах Апеннинского полуострова во время «Черной смерти» приведена в фундаментальном исследовании Л. Д. Панта, посвященном влиянию эпидемий на демографию Италии [50]. Отдельный раздел монографии концентрируется на последствиях эпидемии середины XIV в. [50, р. 130–163]. Анализ средневековых документов позволил исследователю сделать вывод о том, что уровень смертности в Италии в 1348 г. был в 20 раз выше, чем в предшествовавшие 12 лет [50, р. 115].

Тема «Черной смерти» и ее последствий затронута в монографии британского исследователя У. Кафферо, посвященной конфликту Флоренции с кланом крупных землевладельцев Убальдини [34]. Исследователь отмечает вызванные эпидемией трудности с распределением продовольствия и сбором налогов, падение доходов богатых горожан и рост номинальной заработной платы ремесленников и сельскохозяйственных рабочих [34, р. 22, 161].

Серия исследований посвящена «Черной смерти» на территории современной Испании. Влияние эпидемии на население королевства Наварра проанализировано в монографии Ф. Забало. Важным преимуществом работы являются выдержки из налоговых документов XIV в., наглядно демонстрирующие демографические изменения в регионе в середине этого столетия. Например, округ Адра перед «Черной смертью» насчитывал 160 домохозяйств, но к 1352 г. их осталось всего 13, то есть на 74% меньше. За тот же период в Тараделле данный показатель снизился со 111 до 38, то есть на 66% [59, р. 83].

Хронология событий и география распространения «Черной смерти» на Пиренейском полуострове реконструированы в работе А. Убьето. Начало эпидемии в регионе автор датирует 1348 г. [57, р. 50–51]. Ее распространение началось с крупнейших торговых городов – Перпиньяна, Барселоны, Таррагоны и Валенсии [57, р. 52–60]. В течение года чума охватила около 35% территории полуострова, при этом жители некоторых поселений избежали заражения [57, р. 47–66].

Эпидемия чумы и ее последствия для кастильской провинции Мурсии рассмотрены в монографии Х. Т. Фонтеса [38, р. 123–161]. Автор отмечает ограниченность сведений письменных источников о «Черной смерти» в Кастильском королевстве в сравнение с другими государствами Пиренейского полуострова [38, р. 123]. По данным исследователя, во время чумы Мурсия прекратила торговые и дипломатические контакты с регионами, в которых болезнь распространялась интенсивно. Анализируя хроники и королевские письма, Д. Т. Фонтес отмечает, что пик «Черной смерти» в провинции пришелся на апрель 1349 г. [38, р. 126]. Точная оценка демографических потерь Мурсии, по его мнению, невозможна ввиду отсутствия современных эпидемии переписей населения [38, р. 127].

Последствия эпидемии в Паленсии проанализированы в статье М. Х. Фуэнте [40, р. 415–432]. Исследователь отмечает, что при населении в 7 тысяч человек в день умирало до 100 человек [40, р. 421]. Последующие вспышки, по подсчетам автора, были менее смертоносными [40, р. 422]. Ограниченность источниковой базы не позволяет точно установить продолжительность эпидемии и уровень ее смертности в городе [40, р. 425].

Новую попытку оценки уровня смертности в результате эпидемии в Наварре предпринял П. Х. Монтеано [47, р. 87–120]. Исследователь отметил, что причинами демографической катастрофы были не только заболевание, но и сопутствующие факторы, такие как голод [47, р. 91]. Отмечая невозможность точного подсчета жертв эпидемии, автор указывает, что в течение 1347–1349 гг. в регионе умерло

около половины местного населения. По мнению П. Х. Монтеано, «Черная смерть» стала отправной точкой эпохи великих эпидемий в Наварре [40, р. 117–118].

Важным исследованием «Черной смерти» на территории современной Испании стала монография С. Р. де Лойзаги. По его мнению, эпидемия середины XIV в. сыграла ключевую роль в истории Европы, прервав стремительный рост населения континента, начавшийся на рубеже X – XI вв. [46, р. 11]. На Пиренейском полуострове чума появилась в 1348 г. и полностью исчезла лишь к 1720 г. [46, р. 9]. Жертвами «Черной смерти» стали около 30% населения. Сильнее всего пострадали портовые и торговые города, например, Марсель, где погибло около 60% жителей [46, р. 24]. В исследовании подчеркивается, что чума как заболевание была известна европейцам, но эпидемия середины XIV в. оказала сокрушительное влияние на их психику, по причине масштабов и стремительности распространения [46, р. 25].

Свой вариант оценки последствий «Черной смерти» в истории Испании предложил Г. Н. Франко. По его данным, жертвами эпидемии стали 20% населения Кастилии и Леона, 35% жителей Арагона, 60–65% каталонцев. Наиболее пострадавшим регионом является Наварра. Средний уровень смертности на Пиренейском полуострове, по оценке исследователя, оставил около 30% [39, р. 23]. При этом автор отмечает определенную условность своих подсчетов, основанных на налоговых ведомостях, а не на данных всеобщих переписей населения [39, р. 59]. По мнению Г. Н. Франко, наиболее точную оценку демографических потерь могли бы обеспечить данные археологических исследований, однако их накопленный к настоящему времени объем остается недостаточным для серьезных выводов [39, р. 47].

Влияние «Черной смерти» на экономическое развитие средневековой Испании рассмотрено в статье К. Альварез-Ногалья, Л. П. де ля Эскосура и К. Сантьяго-Кабальеро [48, р. 35–48]. Авторы отмечают, что «Черная смерть» стала причиной крупнейшего демографического кризиса в Европе. Однако, ее последствия в истории отдельных стран оказались различными. При относительно небольших демографических потерях Испании вызванный эпидемией кризис привел к интенсивному снижению доходов населения. В течение первых 100 лет после «Черной смерти» экономика Испании отставала от других европейских стран. Тем не менее, в долгосрочной перспективе вызванный эпидемией приток населения в города привел к развитию внутренней торговли и производства, что способствовало восстановлению экономики страны к 1470 г. [48, р. 45–46].

Ход и последствия «Черной смерти» для Западной Европы наиболее подробно прослежены на примере Англии. Этому способствовало значительное количество сохранившихся современных эпидемии письменных источников. Документы английского происхождения легли в основу отмеченной выше монографии Р. Хоррокс [44]. «Черной смерти» в Англии посвящен объемный раздел монографии Ф. Циглера [61]. Опираясь на данные так называемых «Францисканских хроник», он отмечает, что источниками проникновения чумы на территорию Британских островов стали крупные торговые порты, такие как Лондон и Веймут в графстве Дорсет [61, р. 97–98].

Важным с точки зрения изучения последствий «Черной смерти» в Англии является исследование Р. Палмера [49]. По оценке автора, в период с 1348 по 1351 г. жертвами чумы стали около трети населения государства [49, р. 3]. Анализируя юридические документы второй половины XIV в., он отмечает значительные изменения в английском государственном управлении. Необходимость преодоления вызванного эпидемией кризиса стала одним из факторов, определивших вектор политики Эдуарда III (1327–1377), направленной на усиление центральной власти. Опубликованный в 1351 г. «Статут о трудящихся» урезал права поместного дворянства, фактически снизив их роль до уровня представителей монарха на местах [49, р. 294].

Важное место в английской историографии «Черной смерти» занимает монография С. Борша [32]. Автором проведен сравнительный анализ последствий эпидемии середины XIV в. в Англии и Египте – двух странах, экономика которых базировалась на сельском хозяйстве и чьи уровни общего и аграрного валового внутреннего продукта до чумы были примерно эквивалентны [32, р. 25]. По мнению С. Борша, период после «Черной смерти» для обеих стран стал эпохой экономической депрессии [32, р. 65]. В долгосрочной перспективе Египет и другие страны Ближнего Востока остались в состоянии экономического упадка. В то же время вызванные эпидемией технологические и социальные инновации в Англии и соседних странах подготовили почву для доминирования Европы в последующие столетия [32, р. 113–117].

Особого внимания заслуживает монография С. Барни [53]. Наряду с данными письменных источников, для анализа демографических последствий «Черной смерти» исследователь привлекает материалы раскопок городских кладбищ Лондона. По оценке автора, в период с февраля по апрель 1349 г. на кладбище Святой Троицы хоронили от 20 до 30 человек в день, а на некрополе Западном Смитфилда эта цифра достигала 200. При этом более трети погребений принадлежало детям или подросткам [53, р. 94–95]. Отмечая сложность точных подсчетов уровня смертности, С. Барни предполагает, что жертвами эпидемии стали не менее 20 тысяч жителей Лондона [53, р. 108].

В сравнение с эпидемией в Англии, «Черная смерть» в других странах Западной Европы практически не становилась предметом специального изучения. Нам не известны подобные исследования для истории середины XIV в. в Германии, Нидерландах и Бельгии. Единственной оказавшейся доступной работой, затрагивающей ход эпидемии во Франции, является монография Ж. Н. Бирабена [31]. Исследователь отметил ключевую роль морских и речных торговых путей в проникновении чумы в регион [31, р. 5]. По его мнению, в середине XIV в. во Франции преобладала бубонная форма заболевания, темпы распространения которой снижались в холодное время года [31, р. 86].

Помимо работ, концентрирующихся на событиях «Черной смерти» в отдельных частях Европы, существует ряд исследований, посвященных эпидемии в сопредельных регионах. Вопрос проникновения чумы в Марокко затронут в статье французского исследователя Ш. Э. Дюфорка [36, р. 39–66]. По его мнению, «Черная

смерть» проникла сюда весной 1348 г., через охваченные эпидемией торговые порты Майорки и южной Испании [36, р. 52–54].

Фундаментальный характер имеет монография американского исследователя М. Долса, посвященная «Черной смерти» на Ближнем Востоке [35]. Основу исследования составили арабские письменные источники, главным образом, египетского и сирийского происхождения [35, р. 3]. Автор отмечает более рациональное восприятие эпидемии населением ближневосточных государств, обусловленное известностью этого заболевания в регионе, начиная с эпохи раннего средневековья, и относительно высоким уровнем развития местной медицины [35, р. 13]. По его оценке, жертвами «Черной смерти» стали от четверти до трети населения Египта [35, р. 218]. Одним из ключевых демографических последствий эпидемии М. Долс считал сокращение численности населения крупных городов, вызвавшее негативные последствия для внутренней и международной торговли [35, р. 169–185]. По его мнению, пандемия середины XIV в. положила начало серии эпидемий, существенно сокративших население Египта и Сирии, и стала одной из основных причин экономического упадка региона [35, р. 302].

Ключевые проблемы изучения «Черной смерти» в Северной Африке проанализированы в статье Р. Сингера [52, р. 115–123]. Акцентируя внимание на нехватке письменных источников для оценки демографических последствий эпидемии в странах Магриба, автор отмечает необходимость привлечения для решения этого вопроса данных других дисциплин: археологии, палеогенетики, климатологии и экологии чумы [52, р. 119–123].

Приведенный обзор исследований, специально посвященных эпидемии чумы середины XIV в. в Европе, демонстрирует значительную степень изученности этого исторического явления. В научный оборот введен значительный массив письменных источников, освещающих ход пандемии, ее последствия и восприятие современниками. Особую ценность в этом плане имеют работы Р. Хоррокс и Д. Аберта [27, 44]. Относительно подробно реконструированы география распространения эпидемии и хронология ее продвижения по территории континента, оценены демографические, социально-экономические и культурные последствия «Черной смерти» для большинства европейских государств. Накопленные исследователями данные обобщены в фундаментальном исследовании У. Бенедиктова [29].

Тем не менее, в историографии «Черной смерти» сохраняется ряд пока нерешенных проблем. Во-первых, в специальной литературе не сформировалось общепринятое значение термина «Черная смерть». Большинство исследователей обозначает этим понятием пандемию чумы 1346–1352 гг. [60, р. 6; 35, р. vii; 30, s. 9; 29, р. 3]. Ряд ученых под «Черной смертью» подразумевает не только эпидемию середины XIV в., но и последовавшие за ней локальные вспышки заболевания конца XIV–XV вв [20, 56]. Следуя этой логике, «Черной смертью» можно называть более поздние эпидемии и локальные вспышки чумы, имеющие единого возбудителя – бактерию *Yersenia Pestis*. С нашей точки зрения, для изменения значения устоявшегося термина «Черная смерть» пока нет никаких оснований.

Значительной проблемой историографии эпидемии чумы середины XIV в. является разная степень изученности ее хода и последствий для отдельных стран Европы. Очевидно, этот факт обусловлен разным количеством доступных исследователям письменных источников. Сохранившиеся в отдельных областях Англии, Испании, Италии и Ближнего Востока юридические документы и налоговые реестры позволяют с большей степенью достоверности оценить демографические и социально-экономические последствия эпидемии для этих регионов. В то же время для аналогичной оценки ситуации во Франции, Германии, Византии, странах Северной Африки имеющихся письменных источников недостаточно.

Прямым следствием неравномерного распределения письменных источников является следующая проблема изучения «Черной смерти» – относительно низкая степень достоверности подсчетов уровня смертности населения. Отсутствие практики всеобщих переписей в средние века не позволяет полностью и объективно оценить демографические потери европейских государств. У. Бенедиктов аргументировано показал, что даже в регионах, где сохранились списки налогоплательщиков, эти подсчеты носят достаточно условный характер [29].

Потенциальным источником более объективных данных об уровне смертности в период «Черной смерти» могут стать результаты археологических исследований средневековых кладбищ. Попытки использования материалов раскопок для оценки количества жертв эпидемии достаточно редки. Кроме того, такая методика имеет свои сложности. Чума является быстротекущим заболеванием, не оставляющим следов на костной ткани [1, с. 7]. Поэтому, фиксация факта смерти от чумы конкретного индивида возможна лишь при условии проведения анализа ДНК. Примером подобных исследований являются работы, проводившиеся в Барселоне, Эльвангене и Болгаре под эгидой Института истории человечества Макса Планка (г. Йена, Германия) при участии Лаборатории палеоантропологии и палеогенетики Казанского федерального университета. В рамках проекта были взяты 223 пробы из зубов, принадлежавших 178 индивидам. Присутствие *Yersenia Pestis* зафиксировано только у 32 индивидов. При этом датировки изученных погребений, полученные методом радиоуглеродного анализа, представляются недостаточно точными для установления их связи с «Черной смертью» [54, р. 875–876].

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов А. П. Факторы *Y. pestis*, обеспечивающие циркуляцию и сохранение возбудителя чумы в экосистемах природных очагов. Сообщение 1 // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. – 2002. – № 3. – С. 3–23.
Anisimov A. P. Faktory *Y. pestis*, obespechivayushchie tsirkulyatsiyu i sokhranenie vozбудitelya chumy v ekosistemakh prirodnykh ochagov. Soobshchenie 1 // Molekulyarnaya genetika, mikrobiologiya i virusologiya. – 2002. – № 3. – S. 3–23.
2. Гезер Г. История повальных болезней. – СПб.: Мед. деп. М-ва вн. дел, 1867. – Т. 1–2. – 735 с.
Gezer G. Istoriya poval'nykh boleznei. – SPb.: Med. dep. M-va vn. del, 1867. – Т. 1–2. – 735 s.
3. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иерономах Матфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.

Gertsen A.G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieronomonakh Matfeya // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – 2003. – Выр. X. – S. 562-589.

4. Гринберг М. Последняя осада Кафы (1346–1347) ханом Джанибеком и Черная смерть: к вопросу о достоверности источников и о хронологии // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.). / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 75–89.

Grinberg M. Poslednyaya osada Kafy (1346-1347) khanom Dzhanibekom i Chernaya smert': k voprosu o dostovernosti istochnikov i o khronologii // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.). / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 75-89.

5. Еманов Е. Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Серия История. – 2013. – № 2. — С. 49-55.

Emanov E. G. Velikaya pandemiya serediny XIV v. kak final srednevekovoi istorii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. – 2013. – № 2. — S. 49-55.

6. Измайлов И.Л. «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 23–46.

Izmailov I.L. «Chernaya smert'» i krizis v Uluse Dzhuchi: ideal'nyi shtorm // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 23–46.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – Т. IV. – 555 с.

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. – SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1819. – T. IV. – 555 s.

8. Куш Т. В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. – 2008. – Т. 67(92). – С. 38–56.

Kushch T. V. Chuma v pozdnei Vizantii // Vizantiiskii vremennik. – 2008. – T. 67(92). – S. 38–56.

9. Прокопенко С. А. «Чёрная смерть» в историографии: общая характеристика // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 7–17.

Prokopenko S. A. «Chernaya smert'» v istoriografii: obshchaya kharakteristika // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – S. 7–17.

10. Рихтер В. М. История медицины в России. – М.: В Унив. тип., 1814. – Ч. 1. – 440 с.

Rikhter V. M. Istoriya meditsiny v Rossii. – M.: V Univ. tip., 1814. – Ch. 1. – 440 s.

11. Руссев Н. Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. – Кишинев: ВАШ, 1999. – 237 с.

Russev N. D. Na grani mirov i epokh. Goroda nizovii Dunaya i Dnestra v kontse XIII – XIV vv. – Kishinev: VASh, 1999. – 237 s.

12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – СПб.: Изд. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1851–1879. – Кн. 1. – Т.1–5. – 1726 с.

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. – SPb.: Izdanie Vysochaishe utverzhdennogo Tovarithchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1851-1879. – Kn. 1. – T.1-5. – 1726 s.

13. Хайдаров Т. Ф. Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 47–62.

Khaidarov T. F. Epidemiya chумы v XIII–XIV vekakh i ee posledstviya // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautala. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – S. 47–62.

14. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 3. – С. 96–112.

- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoi Orde i ee posledstviya // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2014. – № 3. – С. 96–112.
15. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Западные исследователи о средневековой чуме в России // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – № 10. – С. 409–414.
- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Zapadnye issledovateli o srednevekovoi chume v Rossii // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. – 2017. – № 10. – С. 409–414.
16. Хайдаров Т. Ф. Историография эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи (1814–2016) // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 164–192.
- Khaidarov T. F. Istoriografiya epidemii «Chernoj smerti» na territorii Ulusa Dzhuchi (1814–2016) // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 164–192.
17. Хайдаров Т. Ф. Латинские и арабские источники об эпидемии чумы в Крыму в 1346–1347 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2016. – Т. 2(68). – № 4. – С. 128–132.
- Hajdarov T. F. Latinskie i arabskie istochniki ob jepidemii chumy v Krymu v 1346-1347 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2016. – Т. 2(68). – № 4. – С. 128–132.
18. Хайдаров Т. Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 96–101.
- Khaidarov T.F. Russkie letopisi kak istochnik po epidemii chumy v Zolotoi Orde // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. – 2016. – № 9. – С. 96–101.
19. Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А. Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Черной смерти») на территориях Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. – № 2. С. 264–282.
- Khaidarov T. F., Dolbin D. A. Teoreticheskie aspekty osmysleniya vtoroi pandemii chumy («Chernoj smerti») na territoriyakh Ulusa Dzhuchi // Zolotoordynskoe obozrenie. – 2018. – Т. 6. – № 2. С. 264–282.
20. Хайдаров Т. Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.
- Khaidarov T. F. Epokha «Chernoj smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.). – Kazan': Izdatel'stvo Instituta istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – 304 s.
21. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Крыму (вторая половина XIV – первая половина XV вв.) // Крымское историческое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
- Khaidarov T.F. Epokha «Chernoj smerti» v Krymu (vtoraya polovina XIV – pervaya polovina XV vv.) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
22. Шамильоглу Ю. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество и цивилизация // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2016. – С. 670–694.
- Shamil'oglu Yu. Vlijanie Chernoj smerti na Zolotuju Ordu: politika, jekonomika, obshhestvo i civilizacija // Zolotaja Orda v mirovoj istorii / Otv. red. I. Mirgaleev, R. Hautalo; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2016. – С. 670–694.
23. Шамильоглу Ю. // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – С. 20–22.
- Shamil'oglu Yu. // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) / Otv. red. R. Khautila; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – С. 20–22.
24. Шафонский А. Ф. Описание моровой язвы бывшей въ столичномъ городе Москве съ 1770 по 1772 годъ, съ приложениемъ всехъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учреждений по всевысочайшему напечатаному. – М.: при Имп. ун-те., 1775. – 655 с.
- Shafonskii A. F. Opisanie morovoi yazvy byvshei v «stolichnom» gorode Moskve s «1770 po 1772 god», s «prilozheniem vsekh» dlya prekrashcheniya onoi togda ustanovlennykh" uchrezhdenii po vsevysochaishemu napechatanomu. – M.: pri Imp. un-te., 1775. – 655 s.

25. Эйгер Я. Б. История и современное состояние вопроса о бубонной чуме. – СПб.: Практическая медицина, 1897. – 74 с.
- Eiger Ya. B. Istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa o bubonnoi chume. – SPb.: Prakticheskaya meditsina, 1897. – 74 s.
26. Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII – XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2018. – 284 с.
- Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII – XVI vv.) / Отв. ред. R. Khaotala; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. – Kazan', 2018. – 284 s.
27. Abert J. The Black Death. The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 394 p.
28. Abert J. The Black Death: A New History of the Great Mortality in Europe, 1347–1500. – New York: Oxford University Press, 2020. – 416 p.
29. Benedictow O. J. The Black Death 1346–1352: the complete history. – Woodbrige: The Boydell Press, 2004. – 433 p.
30. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. – Muenchen: C. H. Beck, 2000. – 272 s.
31. Biraben J. N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. – La Haye: Mouton, 1975. – 455 p.
32. Borsh S. J. The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study. – Austin: University of Texas Press, 2005. – 195 p.
33. Bowsky W. M. The Impact of the Black Death upon Siene Government and Society // Speculum. – 1964. – Vol. XXXIX. – P. 1–34.
34. Caffero W. Petrarch's War Florence and the Black Death in Context. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 228 p.
35. Dols M.W. The black death in the Middle East. – New Jersey: Princeton University Press, 1977. – 390 p.
36. Dufourcq C. E. Les relations de la Péninsule Ibérique et l'Afrique du Nord au XIV siècle // Anuario de estudios medievales. – 1970-1971. – № 7. – P. 39–66.
37. Falsini A. B. Firenze dopo il 1348. Le conseguenze della peste near // Archivio Storico Italiano. – Firenze, 1971. – P. 425–496.
38. Fontes J. T. Tres epidemias de peste en Murcia en el siglo XIV // Real Academia Alfonso X el Sabio. – Murcia: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Murcia, 1981. – P. 123–161.
39. Franko G. N. La Peste Negra en la Península Ibérica durante la Baja Edad Media. – Zaragoza, Universidad de Zaragoza Repository, 2016. – 59 p.
40. Fuente M. J. El impacto de la peste en una ciudad castellana en la Baja edad Media Palencia // Publicaciones de la Institución Tello Téllez de Meneses. – 1988. – № 59. – P. 415–432.
41. Harrison D. Stora Döden: Den Värsta Katastrof Som Drabbat Europa. – Stockholm: Ordfront, 2000. – 480 p.
42. Henschel A. W. Document zur Geschichte des Schwarzen Todes // Archiv für die gesamte Medizin. – 1841. – B. 1. – S. 45–57.
43. Hirsh A.M. Mittheilungen über die Pest-Epidemie im Winter 1878-1879 im russischen Gouvernement Astrachan. – Berlin: C. Heymann, 1880. – 118 p.
44. Horrox R. The Black Death. – Manchester: Manchester University Press, 1995. – 354 p.
45. Jedwab R., Johnson N., Koyama M. Pandemic, Places, and Populations: Evidence from the Black Death // CESifo Working Papers Munich. – 2019. – № 7524. – 69 p.
46. Loizaga S.R. La Peste en Los Reinos Peninsulares según. documentación del archivo vaticano (1348–1460). – Bilbao: Saturnino Ruiz de Loizaga, 2009. – 125 p.
47. Monteano P. J La Peste Negra en Navarra La catástrofe demográfica de 1347–1349 // Príncipe de Viana. – 2001. – № 222. – P. 87–120.
48. Nogal C. A., L. P. Escosura, C. Caballero Economic effects of the Black Death: Spain in European perspective // Investigaciones de Historia Económica. – 2020. – Vol. 16. – P. 35–48.

49. Palmer R. C. English Law in the Age of the Black Death, 1348-1381: A Transformation of Governance and Law Studies in Legal History. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993. – 452 p.
50. Panta L. Le epidemie nella storia demografica italiana (secoli XIV-XIX). – Torino: Loescher, 1980. – 248 p.
51. Shamiloglu U. The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and its Impact on Turkish Civilization // Views from the edge: essays in honor of Richard W. Bulliet. – New York: Columbia University Press, 2004. – P. 262–266.
52. Singer R. The Black Death in the Maghreb // Journal of Medieval Worlds. – 2020. – № 3–4. – Vol. 2. – P. 115–123.
53. Sloane B. The Black Death in London. – Austin: The History Press, 2013. – 224 p.
54. Spyrou M. A., Tukhbatova R. I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltra' n de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A. G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I. R., Nurgaliev D. K., Herbig A., Bos K. I., Krause J. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. – 2016. – № 19. – p. 874–881.
55. Tononi A. G. La Peste Dell' Anno 1348 // Giornale ligustico de archeologia, storia e letteratura. – Genova, 1884. – Vol. XI. – P. 139–152.
56. Tsiamis C., Poulakou-Rebelakou E., Tsakris A., Petridou E. Epidemic waves of the Black Death in the Byzantine Empire (1347–1453 AD) // Le Infezioni in Medicina. – 2011. – №. 3. – P. 193–201.
57. Ubieto A. A. Cronologia del desarrollo del la peste negra en la Peninsula Iberica // Cuadernos de historia. Anexos de la revista Hispana. – 1975. – Vol. 5. – P. 47–66.
58. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // Historical review. – Torrance, 2002. – Vol. 8. – № 9. – P. 971–975.
59. Zabalo F. J. Algunos datos sobre la regresión demográfica causada por la peste en la Navarra del siglo XIV // Miscelánea José María Lacarra. – 1968. – V. 5. – P. 485–491.
60. Ziegler Ph. The Black Death. – London: Harper Collins, 1969. – 330 p.
61. Ziegler Ph. The Black Death. – Wolfeboro: Alan Sutton, 1991. – 249 p.

Kolganova V. A. The plague pandemic of the middle of the XIV century in Europe: actual problems of modern historiography.

The «Black Death» is a plague pandemic that swept Europe in the period from 1346–1352. The main task of the study was the historiographical analysis of the scientific literature devoted to this historical phenomenon, as well as the identification of topical problems of its study. The analyzed works are classified into two groups. The first category consists of natural science research, primarily medical research. The second group includes monographs and scientific articles of historical orientation. The latter, in turn, are divided into generalizing studies and works of a regional nature. Historiographical analysis allowed us to identify a number of unresolved issues in the study of the mid-XIV century pandemic. Firstly, the generally accepted meaning of the term «Black Death» has not yet been formed in the specialized literature. The next problem is the uneven degree of study in different regions of Europe, Asia and North Africa, associated with a shortage of written sources. A direct consequence of this problem is the low degree of reliability of the calculations of the number of victims of the «Black Death» in certain regions. A potential source of objective data on the mortality rate could be archaeological studies of medieval cemeteries, however, this group of materials at the current stage of pandemic research is at the accumulation stage.

Keywords: Europe, XIV century, «Black Death», pandemic, historiography.

УДК 94:902/904:902.03

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ¹

Набоков А. И.

*ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: artur-nabokov@rambler.ru*

Анализируются наиболее распространенные на могильниках ближайшей округи Мангупского городища погребальные сооружения – грунтовые склепы. Ввиду тотального ограбления могильников ближайшей округи Мангупа архитектура склепов, в некоторых случаях, становится практически единственным источником информации. При сравнении архитектурно-планировочных решений погребальных конструкций разработана их предварительная классификация. Основное внимание уделено габаритам и планировке входных ям и погребальных камер. Выделены девять типов склепов, включая наиболее ранние и поздние. Предпринята попытка выявить закономерности распространения отдельных групп склепов на различных раннесредневековых могильниках Мангупского городища. Наибольшее количество подобных погребальных конструкций выявлено на Алмалыкском могильнике. Архитектура погребальных сооружений на данном памятнике демонстрирует изменчивость от самых ранних к самым поздним склепам. Наибольшими изменениями подвержены такие параметры как: высота входа в камеру, наличие ступеней во входных ямах и погребальных камерах. Склепы могильников Южный I, Южный II и Адым-Чокракского некрополя менее разнообразны и в целом, более просты в архитектуре.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, раннесредневековые могильники, погребальная архитектура, грунтовые склепы, классификация.

Мангупское городище входит в число «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Благодаря многолетним археологическим исследованиям установлена его объективная историческая периодизация, которая включает шесть основных этапов: докрепостной (позднеримский, конец III – середина VI вв.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (середина IX – середина XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и османский (1475–1792 г.) [8, с. 94–112; 9, с. 89]. Материалы докрепостного и ранневизантийского времени на территории городища относительно невыразительны, в сравнении с последующими историческими периодами. Из-за этого для детального изучения ранней истории Мангупа, особенно для второй половины IV – VIII в., особое значение имеют материалы раскопок грунтовых некрополей памятника, открытых на склонах или в непосредственной близости от Мангупского плато.

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Меггрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

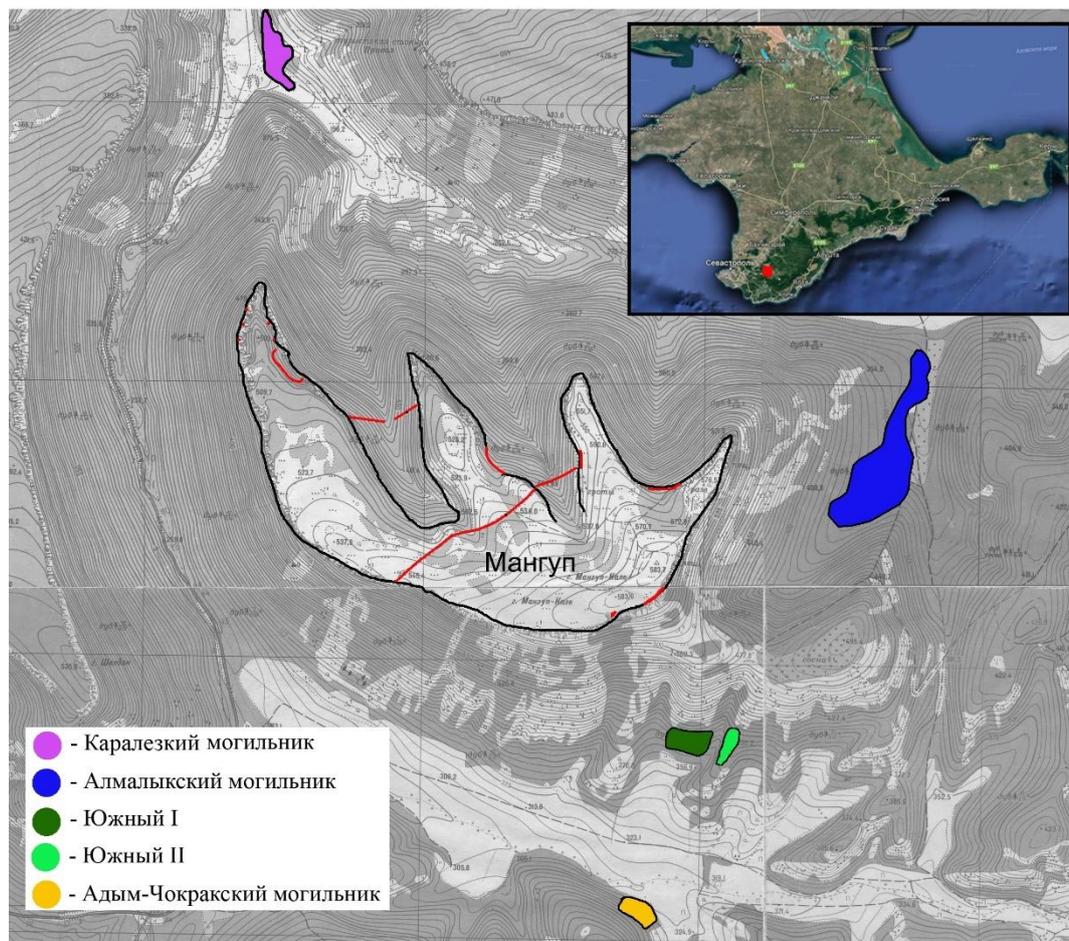

Рис. 1 Раннесредневековые могильники ближайшей округи Мангуна.

На сегодняшний день, известно пять таких могильников: Каралезский, Алмалыкский, Адым-Чокракский, Южный I и Южный II (рис. 1). Почти все они датируются ранневизантийским временем, за исключением могильника в балке Алмалык-дере, который возник еще в позднеимперскую эпоху [23, с. 115; 27, с. 125–141; 28, с. 147–166; 29, с. 30; 30, с. 1–19]. К сожалению, итоги раскопок Каралезского могильника полноценно не введены в научный оборот, и поэтому в рамках данной работы практически не рассматриваются. Материалы полевых исследований остальных некрополей опубликованы в значительной степени, хотя многие вопросы их хронологии, планиграфии, этнокультурной и социокультурной атрибуции еще требуют изучения. Могильники Алмалык-дере, Адым-Чокрак, Южный I и II в основном исследованы в 90-х гг. XX в.

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Раскопки Алмалыкского некрополя, с некоторыми перерывами, продолжаются вплоть до настоящего времени [11, с. 113–115].

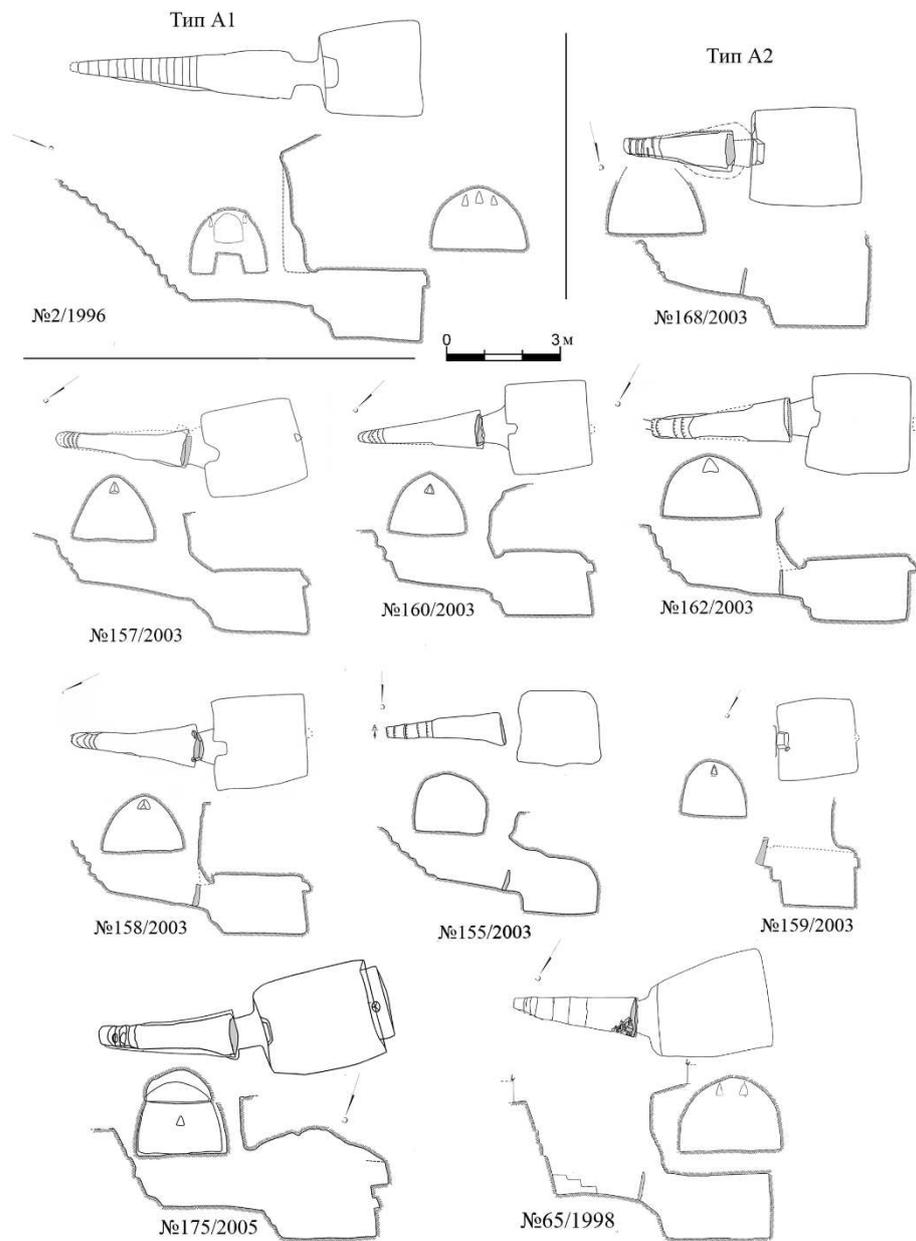

Рис. 2. Склепы группы А.

Все указанные памятники подверглись тотальному ограблению дважды – в древности и в конце XX – начале XXI вв. [12, с. 38–39]. Из-за этого множество погребальных комплексов оказались потревоженными, значительная часть инвентаря утрачена. Поэтому установление точной хронологии отдельных погребальных сооружений путем традиционной датировки их по вещевым комплексам находок оказалась затрудненной или вообще невозможной. В этой ситуации большое значение приобретает изучение архитектурных особенностей выявленных на могильниках погребальных конструкций – грунтовых склепов, подбойных могил, могил с заплечиками и пр. В настоящей работе подробно исследуется архитектура грунтовых склепов, наиболее многочисленной группы погребальных сооружений на территории некрополей Мангупского городища. Проведенный анализ позволяет датировать даже те склепы, в которых археологические находки совершенно отсутствуют.

На территории всех могильников округа Мангупской крепости всего исследовано 124 грунтовых склепа, выкопанных в плотном материковом суглинке. Из них 82 склепа открыты на некрополе Алмалык-дере, 15 и 14, соответственно – на могильниках Южный I и II; еще 14 склепов раскопано на некрополе Адым-Чокрак. Некоторые склепы сильно разрушены в результате ограбления или природных процессов. Для ряда погребальных сооружений по разным причинам не были исследованы их входные ямы, из-за чего не всегда удается зафиксировать особенности устройства сводов и входных отверстий в погребальные камеры. Такие склепы (всего 28) в настоящей работе не рассматриваются.

Разделение склепов на типы основывалось на выделении их наиболее явных архитектурных особенностей и планировочных решений: форме входной ямы и плане погребальной камеры; наличии ступеней или ниш-ступенек во входной яме; степени выраженности коридорчика, ведущего из входной ямы в погребальную камеру; высоте расположения входа и наличии высокой, но не широкой, ступеньки в погребальную камеру. Следует сразу отметить, что полностью идентичных по всем этим параметрам склепов обнаружено не было, поэтому определение типа склепа зачастую основывалось на совпадении нескольких отдельных признаков, а не всех сразу. Большую роль в разработке типологии склепов сыграли выводы, полученные в ходе наблюдений за общей планировкой могильников [18, с. 107]. Склепы, расположенные близко друг к другу, в пределах одного регулярного ряда, часто относились к одной типологической группе. Таким образом, всего было выделено девять типов грунтовых склепов.

Необходимо также отметить, что в архитектуре рассматриваемых погребальных сооружений, помимо перечисленных признаков, присутствует и ряд особенностей, изменяющихся в рамках даже одного типа или распространенных среди нескольких выделяемых типов склепов. В стенках погребальных камер, как правило, противоположных их входу, часто присутствуют одна или несколько треугольных ниш, полочек (вероятно, для установки свечей или посуды), карнизов, имитаций крыш и стрельчатых конструкций на сводах. Форма сводов камер довольно разнообразна: в основном встречаются килевидные, двускатные или

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

коробовые своды. Входные отверстия, перекрывавшиеся закладными плитами, имели округлую или арочную формы.

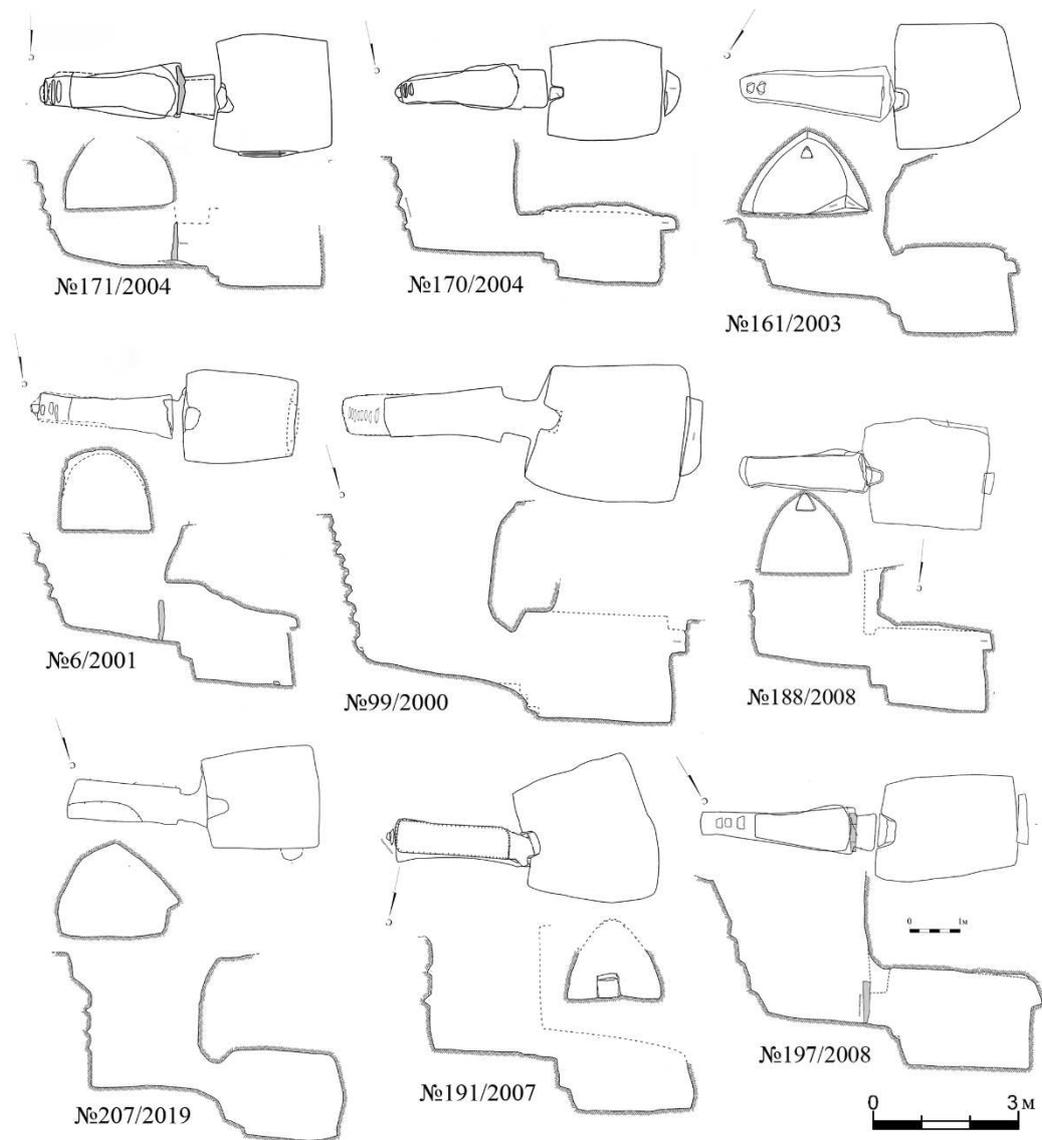

Рис. 3 Склепы типа VI (часть первая).

Наибольшее количество склепов исследовано на территории Алмалыкского могильника. Этот некрополь охватывает территорию площадью около 7 га у восточного подножия Мангупского плато, в западной части балки Алмалык-Дере

[18, с. 106–113]. Его общая хронология, на сегодняшний день, укладывается в пределах второй половины/конца IV – конца VII вв. и делится на четыре хронологические фазы. Первая и вторая фазы, второй половины IV – первой половины V вв. и второй половины V – первой половины VI вв., соответствуют времени возникновения и наиболее активного роста некрополя в докрепостной (до середины VI в.) период истории Мангупского городища. В третьей фазе истории Алмалык-дере (второй половины VI – начала VII вв.) отмечается усиление влияния Византийской империи на культуру местного населения в результате строительства на Мангупе большой византийской крепости, быстро превратившейся в административный и религиозный центр Крымской Готии [20, с. 126–130]. Необходимо отметить, что в этот временной период возникают и другие некрополи на южной периферии Мангупского городища. Наконец, четвертая хронологическая фаза (VII в.) характеризует заключительный этап истории Алмалыкского могильника [19, с. 183–194].

Первая группа склепов представлена **типами А1 и А2**. Главным критерием для их выделения является наличие ступеней в длинных входных ямах, расширяющихся ко входу в склеп. Длина входной ямы зачастую превышала продольную длину камеры. Стенки входных ям, в которых вырубались ступени, выкопаны с наклоном примерно в 120–135°. Кроме этого в 8 из 10 склепов группы А, имелась ступень в погребальной камере у входа в нее, и только в одном случае такая ступень отсутствовала. Вход в камеру располагался либо под потолком, либо в средней части стенки. Коридорчик имел небольшие размеры, в среднем длиной не более 0,5 м. Наличие небольших одной или нескольких подтреугольных ниш по центру противоположной ко входу стенке погребальной камеры также типично для склепов группы А.

К **типу А1** относится единственный склеп № 2/1996 с длинной трапезовидной входной ямой размерами 6,0 x 0,3–1,20 м с 16-тью ступенями, подтрапезовидной в плане камерой размерами 2,6 x 2,2–2,7 м, коробовым в профиле у задней стенки сводом высотой около 1,8 м и ступенькой у входа (рис. 2). По бокам от входного отверстия располагались одиночные подтреугольные ниши; еще три ниши присутствовали на противоположной стенке.

Тип А2 представлен 9 склепами (№№ 65/1998, 155/2003, 157/2003, 158/2003, 159/2003, 160/2003, 162/2003, 168/2004, 175/2005) с подквадратными в плане погребальными камерами размерами в пределах 1,96 x 2,05 м – 2,6 x 2,05 м, высотой свода около 1,5–1,8 м, узкими, в начале трапезовидными, входными ямами размерами 3,0 x 0,2–0,95–3,6 x 0,2–1,5 м (рис. 2). У данного типа склепов присутствует короткий коридорчик в камеру, в большинстве случаев имеется 1–2 ступени у входа в нее. Профиль погребальной камеры килевидный или коробовый. В шести склепах обнаружены треугольные ниши в противоположной ко входу стенке. В склепе № 175/2005 над нишей, практически под потолком, сооружена полка. Дно входных ям имеет отрицательный наклон в сторону входа в камеру, в среднем в пределах 7–10°, тогда как в склепе типа А1 дно практически ровное. Склеп № 155/2003 несколько отличается от остальных, прежде всего, отсутствием

ступеньки в камере и треугольной ниши в противоположной ко входу стене. Но наличие ступени в косой стенке входной ямы позволяет отнести его к данному типу склепов. Склеп № 59/2003 исследован без входной ямы, но его нахождение в одном ряду с другими склепами типа А2 и стандартная для таких погребальных сооружений камера позволяет отнести и это сооружение к рассматриваемому типу. Несколько выделяется склеп № 65/1998, открытый отдельно в центральной части могильника, относительно недалеко от места расположения склепа типа А1. В торцевой стенке его входной ямы вырублены только три ступени, еще три были выполнены в первоначальной засыпи. Вероятно, это свидетельствует о совершении более поздних захоронений в склепе. Учитывая тот факт, что в древности грабители проникли в него, прокопав лаз в области верхней части закладной плиты, ступеньки в первоначальной засыпи явно не относились к периоду ограбления.

Топографически практически все склепы типа А2 располагаются в северной части могильника. Лишь склеп № 65/1998, как уже говорилось, открыт южнее. Склепы типа А2, несмотря на свою синхронность, могут рассматриваться в качестве упрощенной формы склепа типа А1. Пять из них (№№ 157–160, 162/2003) обнаружены в пределах одного ряда и, вероятно, были сооружены либо в относительно небольшой промежуток времени, либо в одной традиции.

Наиболее многочисленной группой склепов Алмалык-дере является **группа В**, также разделяющаяся на два типа. Основное отличие таких грунтовых склепов от погребальных сооружений группы А заключается в отсутствии ступеней в их входной яме. Такую роль выполняют небольшие, вырубленные в торцевой стенке, ниши-ступени, округлой или овальной формы. Входные ямы, как и в предыдущих типах, имеют выраженное расширение ко входу в погребальную камеру. В продольно-осевом разрезе они длиннее; только в одном случае (склеп № 168/2003) длина входной ямы почти соответствует длине камеры. Наклон стенок входных ям, в которых вырублены ниши-ступеньки, менее выражен, чем в склепах группы А, либо отсутствует вовсе. Кроме этого, в склепах группы В наблюдается явное смещение входа в камеру, непосредственно под ее потолок. Довольно распространенным конструктивным элементом является большая ниша-полка в противоположной ко входу стенке камеры. Такие элементы вырубались под потолком, занимая не более трети высоты стенки, и, по сути, являлись большой подтреугольной формы нишей. Их форма обусловлена расширением стенки в верхней части из-за килевидного поперечного сечения погребальной камеры.

Тип В1 представлен 17 склепами (№№ 99/2000, 6/2001, 161/2003, 169/2004, 170/2004, 171/2004, 176/2005, 178/2005, 189/2007, 191/2007, 188/2008, 195/2008, 197/2008, 199/2011, 204/2019, 206/2019, 207/2019), отличающимися от склепов типа А2 трапецевидными, реже подпрямоугольными, в плане погребальными камерами размерами около 1,0 x 1,5–2,0–2,7 x 2,4–2,9 м. Камеры в большинстве случаев имеют килевидные в сечении своды высотой 1,5–2,0 м (рис. 3; 4). Изредка встречаются также коробовые и двускатные своды. Входные ямы, как правило, имеют трапецевидную форму, их размеры варьируются в пределах 2,2 x 0,65–1,5–3,0 x 0,4–1,0 м. В камерах склепов присутствуют 1-2 ступеньки у входа в камеру. В

камерах пяти склепах вырублены небольшие треугольные ниши, в семи случаях – большие ниши или ниши-полки. В склепе № 178/2005 треугольная ниша вырублена слева от входа в камеру. Как и типы А1 и А2, склепы типа В1 зачастую имели короткий коридорчик.

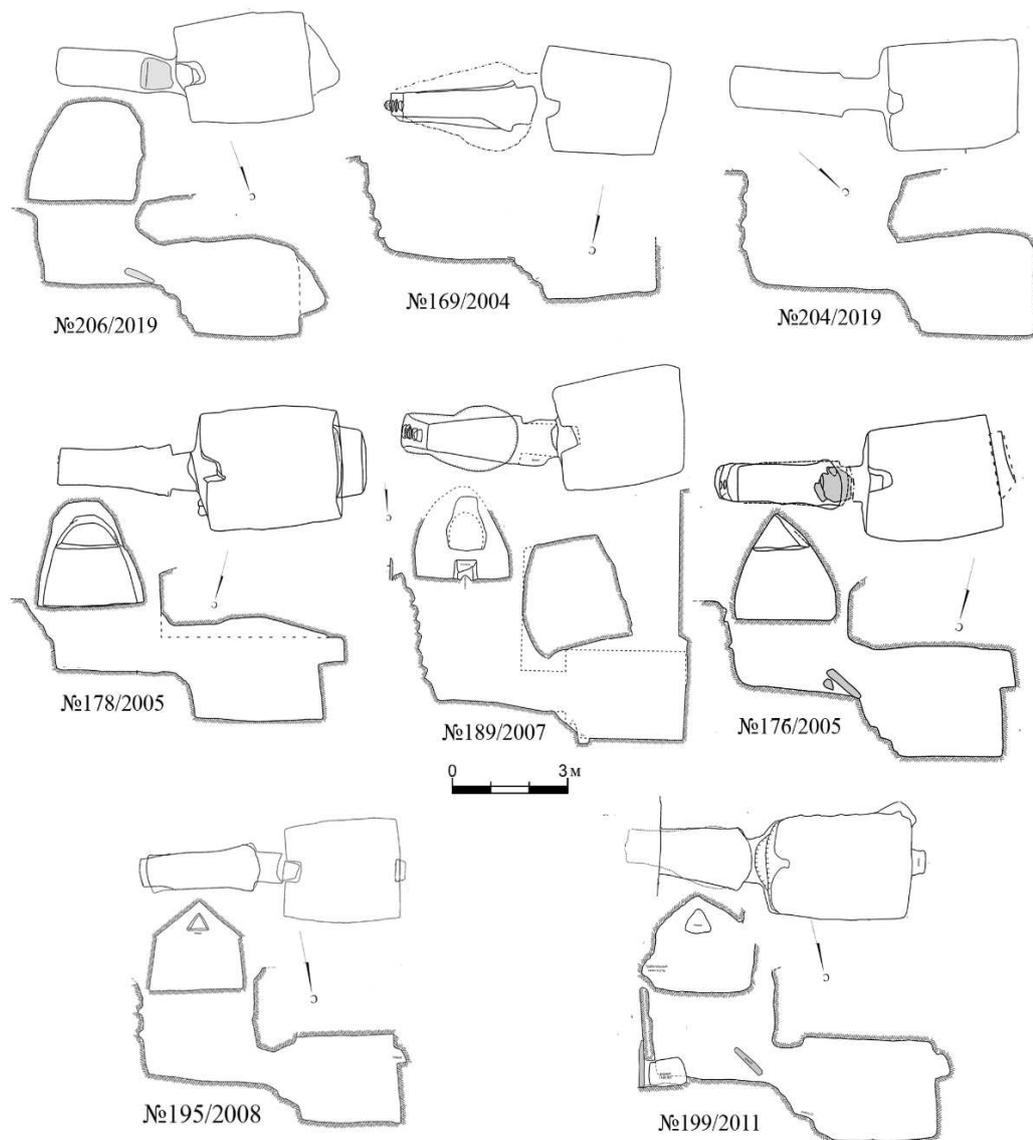

Рис. 4. Склепы типа В1 (часть вторая).

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

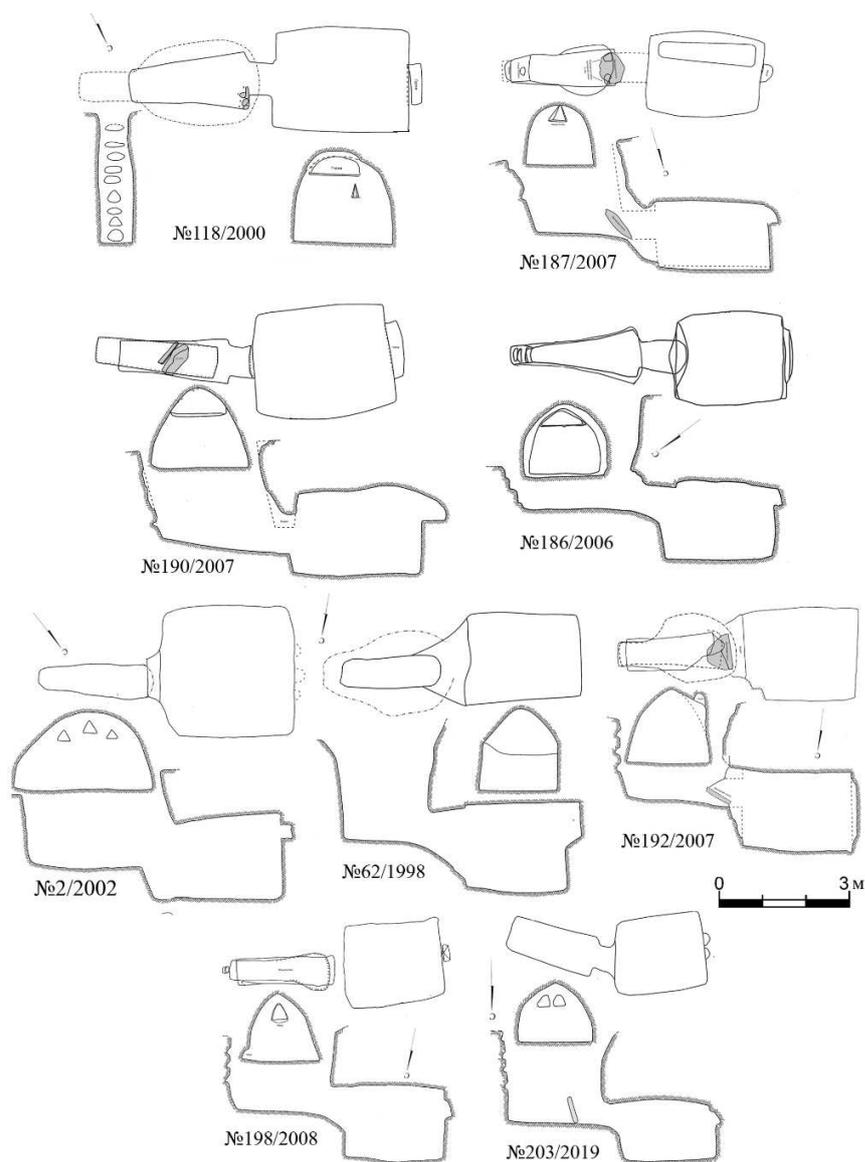

Рис. 5. Склепы типа В2.

Главным отличием от предыдущей группы грунтовых склепов является более короткая входная яма, хотя она и несколько шире, чем у склепов типа А2. Вход в погребальную камеру, чаще всего, был расположен под потолком, либо близко к нему в центральной части стенки. В семи склепах (№№ 170/2003, 99/2000, 6/2001,

175/2005, 176/2005, 178/2005, 197/2005) обнаружены большие ниши под потолком. Археологические находки, обнаруженные в склепах типа В1, относятся к первой и, реже, ко второй фазе функционирования могильника. Склепы типа В1, по большей части, открыты в северной и южной частях некрополя.

Тип В2 представлен 9 склепами (№№ 62/1998, 118/2000, 2/2002, 186/2006, 187/2007, 190/2007, 192/2007, 198/2008, 203/2019) (рис. 5). Главная отличительная особенность – отсутствие ступеней в погребальной камере. Все склепы имеют прямоугольные или бочковидные (с расширением боковых стенок) в плане погребальные камеры общими размерами 1,9 х 2,15–2,7 х 2,4–2,9 м; высота их сводов в пределах 1,25–1,9 м, в одном случае – 2,4 м. Входные ямы имеют общие размеры в пределах 1,85 х 0,55–0,7–3,7 х 0,5–1,2 м. Они в плане трапецевидные либо подпрямоугольные, с расширением у входа в камеру. Короткий коридорчик в камеру присутствует.

Треугольные ниши обнаружены в трех случаях, еще в двух случаях обнаружены полки-ниши. Погребальные камеры в сечении имеют практически равное распределение между килевидными и коробовыми, но также встречены три варианта двускатных сводов с выраженным переходом в вертикальные стенки. Ниша в противоположной ко входу стенке обнаружена в четырех склепах (№№ 62/1998, 118/2000, 186/2006, 190/2007); в склепе № 203/2019 таких ниш было две. Вход, как и в склепах типа В1, располагался под потолком или по центру. Стоит отметить, что количество склепов со входом под потолком больше, чем в склепах типа В1; лишь у двух склепов №№ 190/2007 и 2/2002 он был смещен к середине стенки.

В склепах типа В2 обнаружены материалы первой и второй хронологических фаз, но находок IV в. значительно меньше. В склепах № 188/2008 (четыре погребения) и № 192/2007 (три погребения) встречены материалы третьей фазы истории Алмалыкского могильника. Склепы типа В2 открыты на всей территории некрополя, за исключением его средней части. Но их наибольшая концентрация приходится на южную часть памятника.

При раскопках некоторых склепов исследование входных ям не проводилось (№№ 2/2001, 3/2001, 4/2001, 6/2001, 7/2001, 7/2002, 182/2006, 183/2006, 184/2006, 194/2008, 205/2019) (рис. 6). Ввиду этого, ряд погребальных сооружений невозможно точно соотнести со склепами групп А и В. По таким признакам, как форма погребальной камеры, наличие или отсутствие ступеней в них, такие склепы следует отнести к **общему типу А/В**. Склепы № 2/2001 и № 7/2001, хоть и раскопаны без входных ям, благодаря наличию ступени в погребальной камере и большой полки-ниши имеют сходство со склепами типа В1.

Топографически склепы типа А/В соответствует распространению склепов групп А и В на территории могильника. Большинство погребений из них относится к первой и второй хронологическим фазам. Только в одном случае (склеп № 194/2008) зафиксировано погребение, датируемое третьей фазой истории могильника.

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

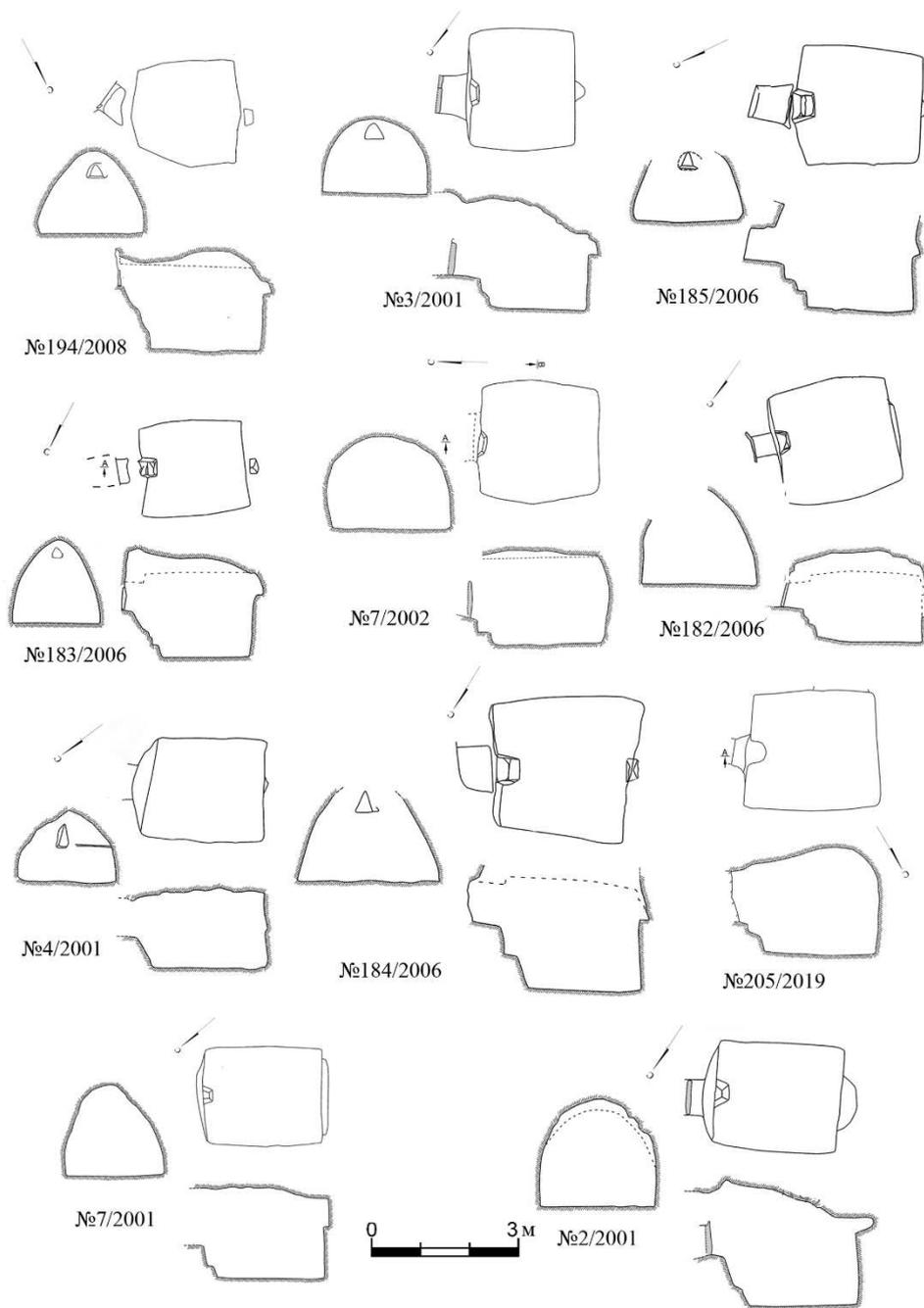

Рис. 6. Склепы типа А/В.

Склепы **группы С** также часто встречаются при раскопках Алмалыкского могильника. Это, как правило, несколько меньшие по размерам, чем предыдущие типы, погребальные сооружения. Длина входных ям и погребальных камер не имеют особых отличий; в ряде случаев входные ямы немного короче. Форма входных ям близка к простой подпрямоугольной яме, их стенки в подавляющем большинстве случаев вертикальны. Ниши-ступени практически отсутствуют, а если и встречаются, то в небольшом количестве. Для склепов группы С не характерны ступени в погребальных камерах. Вход в них, за исключением единичных случаев, выполнен под потолком; коридорчик в ряде случаев выражен слабо. Несмотря на более упрощенную в плане форму, данная группа погребальных сооружений имеет довольно много примеров присутствия одиночных треугольных ниш, как маленьких, так и более крупных, прямо под сводом, а также полочек, имитаций карнизов в камерах склепов. Ниши-полки в основном встречаются по одной, но в двух случаях, в склепах № 57/1997 и № 76/1999, имелись по три расположенных рядом небольших подтреугольных ниши, вписанные в одну большую. Примечательно, что на стенках этих камер сохранились дополнительные элементы – борозды и желобки.

Тип С1 представлен 13 склепами (№№ 53/1997, 56/1997, 57/1997, 63/1998, 66/1998, 74/1999, 77/1999, 79/2000, 80/1999, 83/2000, 90/2000, 201/2011) (рис. 7; 8). Их погребальные камеры в основном подпрямоугольной или трапецевидной формы, размеры 2,1 x 1,6 – 3,35 x 2,15 м, высота свода в пределах 1,4–1,8 м, в одном случае – 2,0 м. Входные ямы имеют уже более простую подпрямоугольную форму с незначительным расширением у входа и размерами 1,76 x 0,8 – 2,3 x 0,76 м. Ниши встречены во всех случаях. Своды камер в сечении чаще килевидные, в двух случаях – коробовые и двускатные. Практически всегда вход располагался под потолком, за исключением склепа № 90/2000, у которого входное отверстие смещено к средней части стенки. Этот склеп отличается от основной группы, предположительно его можно интерпретировать как «переходный» вариант от склепов типа В2 к группе С. Склепы типа С1 в основном обнаружены в средней части могильника и лишь в одном случае на юге. Находки в склепах группы С относятся ко второй и третьей фазам истории могильника.

Тип С2 на могильнике Алмалык-Дере представлен 6 склепами (№№ 64/1998, 75/1999, 76/1999, 78/1999, 119/2000, 1/2002) (рис. 9). Они отличаются вытянутыми в плане погребальными камерами с выпуклыми боковыми стенками со скругленными, иногда сильно, углами. Размеры камер в пределах 2,1 x 1,65 – 2,9 x 1,9 м. Входные ямы имеют простую подпрямоугольную в плане форму, размеры в пределах 1,8 x 0,65–2,3 x 0,5–0,9 м, часто с незначительным расширением у входа. Коридорчик в камеру менее выражен, чем у склепов типа С1, или вовсе отсутствует. Высота сводов камер в пределах 1,1–1,7 м. Дно входных ям, чаще всего, имеет наклон в сторону входа в камеру. Ниши обнаружены в пяти случаях. Своды погребальных камер в сечении представлены, примерно в равном количестве, килевидными и коробовыми примерами. Подавляющее большинство входов в камеры расположены под потолком, в одном случае (склеп № 119/2000) – по

**СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ**

центру. Склеп №1/2002 имеет довольно низкий свод, что вызвано небольшим перепадом высот между дном входной ямы и полом камеры. При этом вытянутая вдоль продольной оси погребальная камера и ее скругленные контуры позволили отнести данное погребальное сооружение к типу С2.

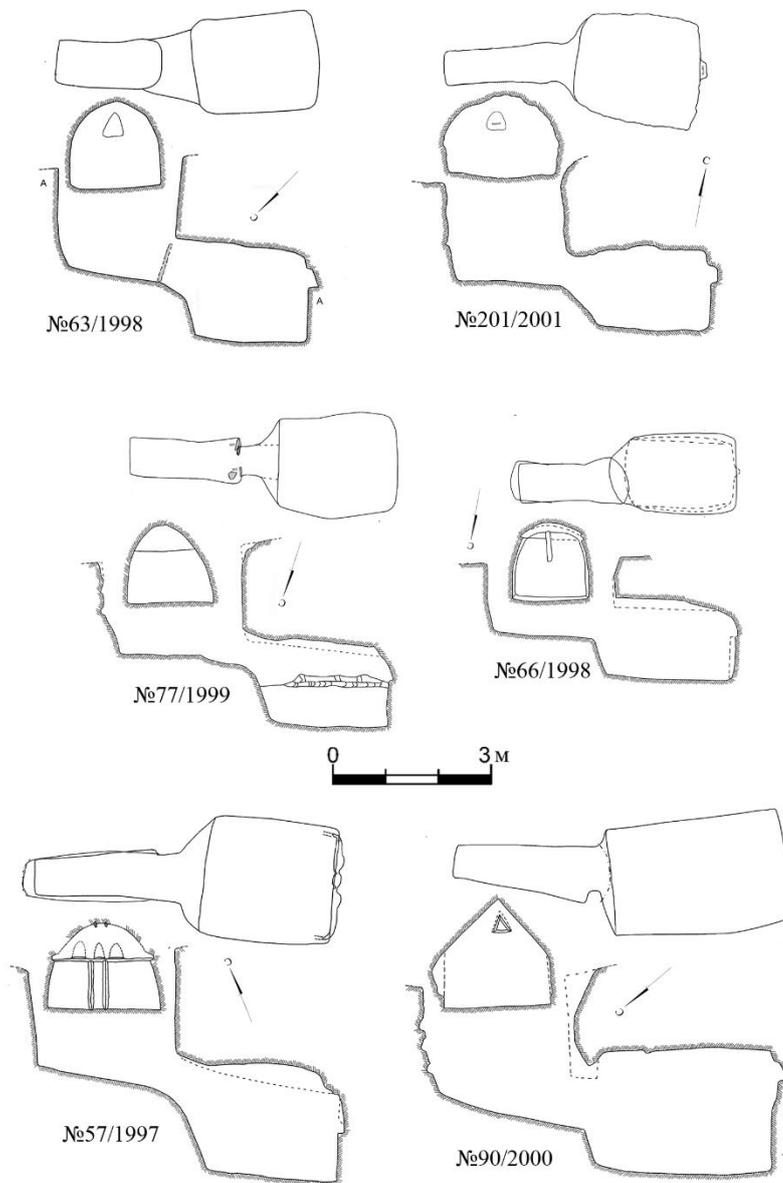

Рис. 7. Склепы типа С1 (часть первая).

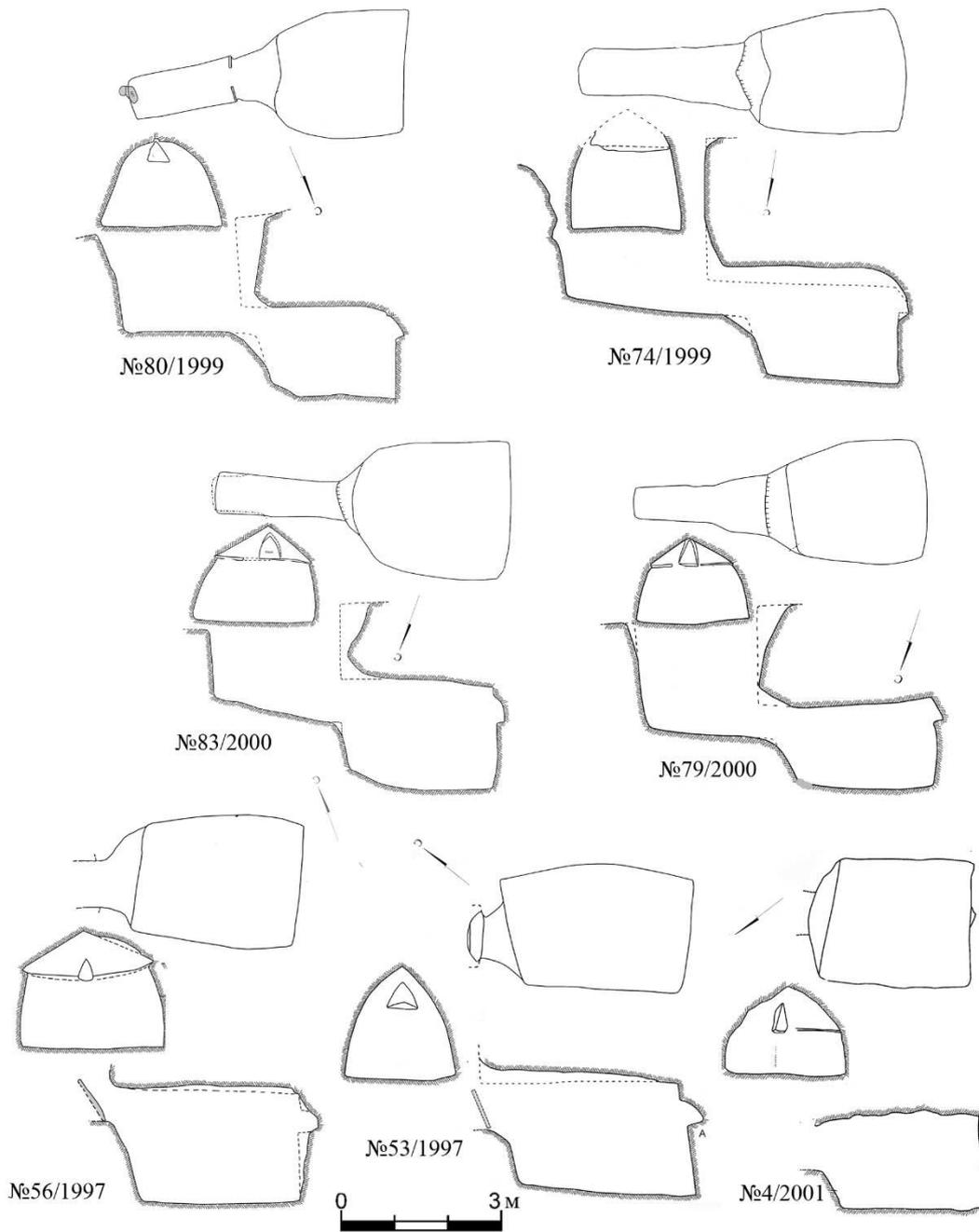

Рис. 8. Склепы типа CI (часть вторая).

Археологические материалы из склепов типа С2, в основном, относятся ко второй и третьей хронологическим фазам истории могильника Алмалык-дере. Исключение – уже упомянутый склеп № 1/2002 с материалами первой хронологической фазы. Топографически данная группа погребальных сооружений расположена в центральной и южной частях некрополя. Синхронность склепов типов С1 и С2 подтверждается тем, что они часто вырубались неподалеку друг от друга, иногда в пределах одного погребального ряда.

Примечательным является открытие склепов типа С2 на территории Адым-Чокракского некрополя, который наиболее активно функционировал в VII – VIII вв. (рис. 9, 2) Два расположенных рядом склепа № 6 и № 27 обладают всеми признаками склепов типа С2, только их задние стенки имеют более выраженный переход к потолку. Ниши в склепах отсутствуют, но в камере склепа №6 присутствуют длинные полочки под потолком в боковых стенках. Стоит отметить, что склеп №27 также имеет крайне выраженное прямоугольное сечение камеры, что довольно необычно для архитектуры рассматриваемых могильников в целом, и несколько смещенную к правой стенке ось входной ямы. К сожалению, в склепах могильника Адым-Чокрак, предварительно отнесенных к типу С2, не было обнаружено вещевое материала, что делает их точную датировку пока невозможной. Учитывая наличие в склепах могильника Алмалык-дере типа С2 археологических материалов второй половины VI – начала VII в., можно с осторожностью предположить, что эти погребальные сооружения были в числе наиболее ранних склепов на территории Адым-Чокракского некрополя. Необходимо отметить, что в целом их архитектура и планировка резко контрастирует с остальными исследованными склепами могильников второй половины VI – VIII вв. на южной периферии Мангупа.

К следующим типам грунтовых склепов относятся погребальные сооружения не только Алмалыкского могильника, но и других некрополей округа Мангупа. Это две большие группы склепов типов D и E, отличающиеся размерами погребальных камер, а также перепадом высоты между дном входных ям и полами камер склепов. Подавляющее большинство таких склепов имеют широкие и относительно низкие своды камер, за исключением нескольких случаев. За редким исключением, склепы типов D и E обнаружены в центральной части Алмалыкского могильника. Хронологически они относятся к третьей и четвертой фазам истории этого могильника.

Могильники на южной периферии Мангупа функционируют в пределах второй половины VI – VIII вв. [16, с. 163–164]. В ряде случаев здесь фиксируются многократные захоронения в несколько ярусов погребений, что не характерно для Алмалыкского могильника. Можно предположить, что ряд склепов некрополей Южный I, Южный II, Адым-Чокрак могли функционировать более длительное время.

Склепы **группы D** представлены сооружениями с относительно большими погребальными камерами и короткими входными ямами. Одним из главных

отличий от предыдущих типов склепов является отсутствие подтреугольных ниш и больших ниш под потолками погребальных камер.

Склепы **типа D1** представлены на Алмалыкском могильнике склепом №56/2000, на могильниках Южный I и Южный II склепами №1 и №12, на некрополе Адым-Чокрак склепами №№ 2, 7, 24, 32, 34 (рис. 10). Это погребальные сооружения с большими попрямоугольными, даже близкими к подквадратным, в плане погребальными камерами размерами от 2,4 x 2,3 до 3,2 x 3,0 м. Своды камер коробовые, немного выпуклые, но не полусферические, высотой от 1,10 до 1,40 м. Входные ямы простой подпрямоугольной формы размерами 2,2–2,6 x 0,6 x 0,85 м, со строго вертикальными стенками без каких-либо ступеней. Перепад высот между дном входной ямы и полом камеры незначительный и составляет 0,2–0,4 м. Входы в камеры вырубались близко к полу либо в центральной части их торцевой стенки, но из-за плохой сохранности форму входных отверстий точно установить невозможно. Коридорчик в камеру выражен только у склепов № 32 и № 56/2000.

Примечательной особенностью склепов типа D1 является наличие в трех из них врезных крестов в погребальных камерах: в склепе № 56/2000 над входом в камеру, в склепах №№ 32 и 34 – на стенках противоположных ко входу в нее. В склепе № 34 крест также был вырублен во входной яме, в торцевой стенке над входом в камеру. В камерах склепов № №22 и № 32 присутствуют небольшие подпрямоугольные ниши в задней стенке: в склепе № 32 их три по бокам и сверху креста, в склепе № 22 – одна. В полу склепа № 56/2000 вырублена подпрямоугольной формы могила. Подобная погребальная конструкция обнаружена в склепе №1 могильника Южный I. В склепе № 7 Адым-Чокракского некрополя вырублена небольшая полка-ниша в верхней части боковой стенки погребальной камеры.

Судя по находкам из грабительских перекопов в камерах склепов, данный тип погребальных сооружений на могильниках южной периферии Мангупа появился в VII вв., вероятно, в начале этого столетия. Склеп № 56/2000 на территории Алмалыкского некрополя предположительно мог возникнуть чуть раньше.

Вероятно, к типу D1 можно отнести склеп № 11 на территории некрополя Южный I и склеп № 15 могильника Южный II. Ввиду плотности расположение здесь погребальных сооружений, у них были смещены входные ямы, которые располагались в длинных торцевых стенках. Перепады высот между входной ямой и дном камеры незначительный, а в склепе № 11 отсутствовал вовсе. Склепы № 36 Адым-Чокракского могильника, №5 и №15 Южного I и №6 Южного II, хотя и имеют неправильную сильно скругленную форму камер, но обладают признаками склепов типа D1. Для этих сооружений характерны короткие входные ямы длиной 1,5–1,7 м, низкие своды (высотой около 1,0 м) и значительная ширина погребальных камер размерами 2,4–2,9 x 2,6–3,0, а также небольшой перепад высот между дном входной ямы и полом камеры.

Тип D2 включает склепы №№ 4/1982, 5/1982, 177/2005, 179/2005 из могильника в балке Алмалык-Дере, склепы №№ 28, 31, 67 Адым-Чокракского некрополя, а также склеп № 10/1997 могильника Южный I (рис. 11). Их камеры имеют подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами и размеры 1,9 x 2,6–2,5

**СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ**

х 3,6 м. Входные ямы расположены со стороны длинных торцевых стенок. Только у склепа №4/1982 камера имеет трапецевидную в плане форму. Своды камер коробовые, широкие, высотой от 1,1 до 1,7 м. Входные ямы подпрямоугольной формы, их размеры 1,5 х 0,55 – 2,0 х 0,65 м. Только в двух склепах Алмалыкского могильника в торцевой передней стенке входных ям присутствуют по две ниши-ступени, что связано с большой глубиной этих погребальных сооружений и, возможно, с традицией сооружения ниш-ступеней на этом некрополе.

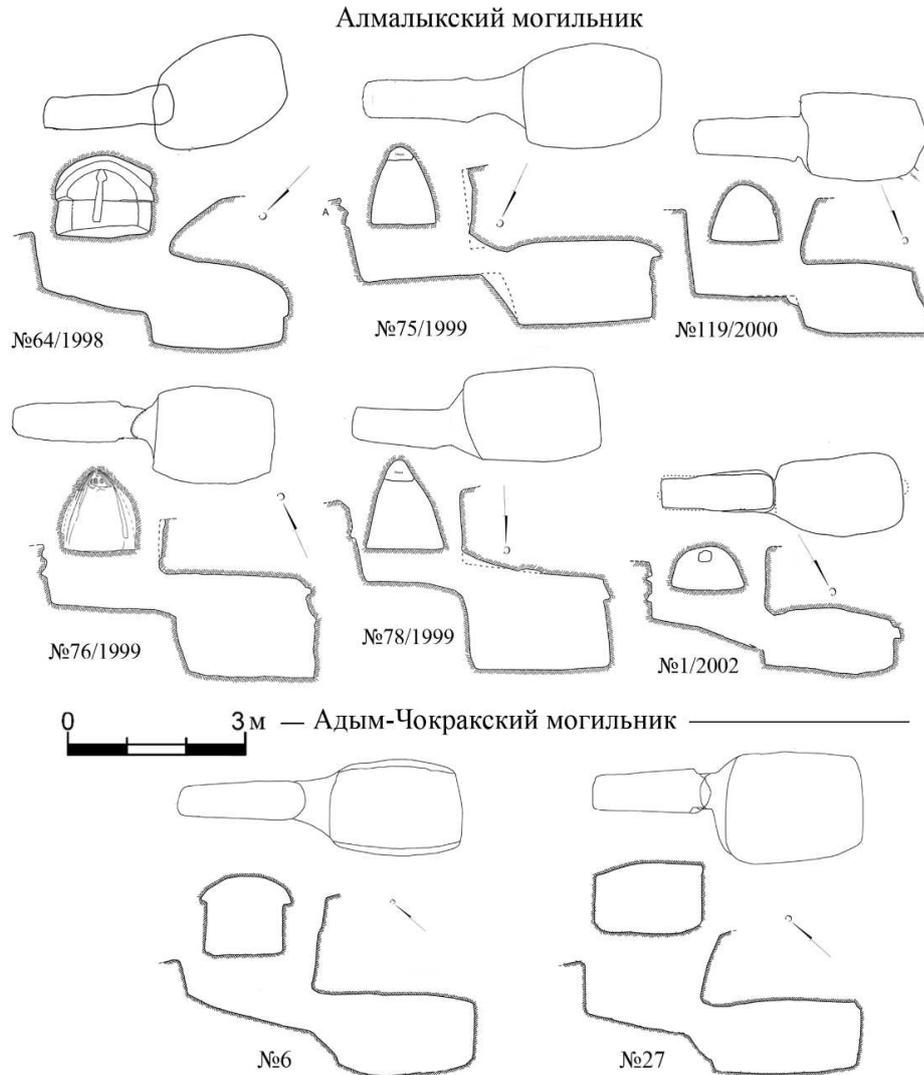

Рис. 9. Склепы типа С2.

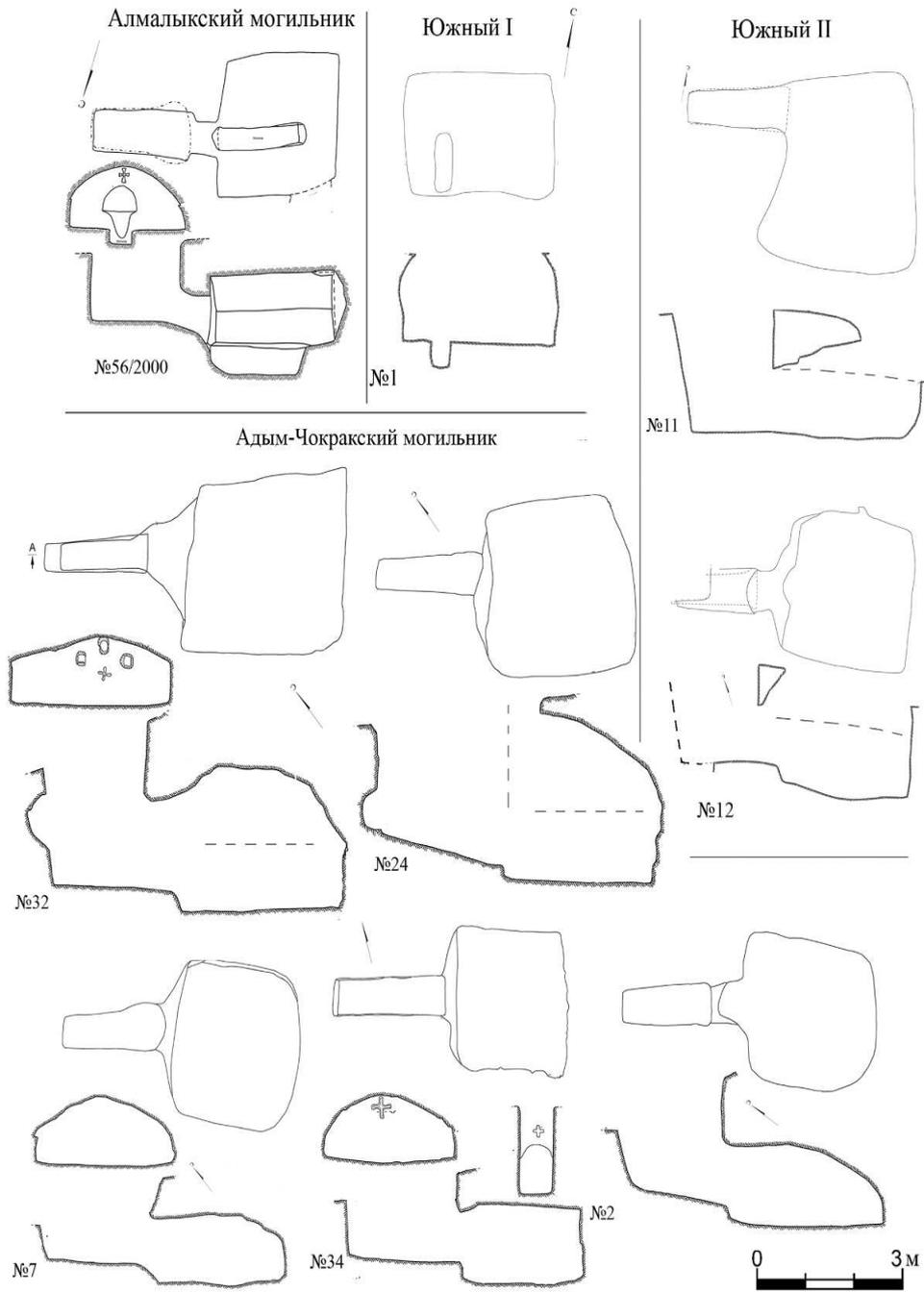

Рис. 10. Склепы типа D1.

Особенностью склепов типа D2 является больший, чем в склепах типа D1, перепад (от 0,5 до 0,75 м) между полом камеры и дном входной ямы, из-за чего входное отверстие в погребальную камеру располагалось либо под ее потолком, либо ближе к нему. Также у этих склепов относительно равномерно зафиксировано наличие или отсутствие входного коридорчика в камеру. При этом у склепов с более длинной входной ямой данный элемент прослеживается слабее. В отличие от склепов типа D1 внутренняя архитектура погребальных камер склепов типа D2 не настолько разнообразна. В задней стенке склепа № 28 открыто подобие алтаря с врезным изображением креста и полочки в боковых стенках, в задних стенках склепов №№ 4/1982, 5/1982 и №22 присутствуют небольшие одиночные ниши подпрямоугольной формы.

Склепы типа D2 обнаружены на территории Алмалыкского могильника только в его средней части и относятся к четвертой хронологической фазе (VII в.). Склеп такого же типа некрополя Южный I датируется примерно серединой VII – VIII вв. Адым-Чокракские склепы типа D2 были сооружены в VII в. и, вероятно, использовались до начала VIII в.

Группа E представлена склепами с короткими подпрямоугольными входными ямами, относительно небольшими камерами подквадратной или трапецевидной формы, часто с сильно скругленными углами. Своды погребальных камер низкие, их внутренняя архитектура, за исключением склепов типа E2 на Алмалыкском могильнике, крайне простая. Склепы группы E делятся на два типа, разница между которыми заключается в перепаде высоты между дном входной ямы и полом камеры.

Склепы **типа E1** выделены только на территории могильников южной периферии Мангупской крепости: №№23 и 24 на некрополе Адым-Чокрак, №№ 8, 10, 16 на могильнике Южный I, №№ 5, 6, 9а на могильнике Южный II (рис. 13). Погребальные камеры имеют подпрямоугольную, подквадратную и в двух случаях трапецевидную форму, их общие размеры в пределах 1,65 x 1,74–2,1 x 1,9 м. Входные ямы простые, подпрямоугольной формы, с общими размерами в пределах 0,5–0,7 x 1,6 x 2,0 м. Как и в склепах типа D1, перепад высот между дном входной ямы и полом камеры незначительный и составляет 0,2–0,35 м. У всех склепов не сохранились или были повреждены своды погребальных камер, но, скорее всего, они были коробовыми. По крайней мере, при раскопках таких склепов на могильнике Адым-Чокрак были зафиксированы именно коробовые своды. Погребальный инвентарь позволят датировать склепы типа E1 в пределах VIII в. Исключение составляет склеп № 5 Адым-Чокракского некрополя, в котором были обнаружены находки второй половины VI – начала VII вв.

Тип E2 представлен на Алмалыкском некрополе склепами №№ 108/2000 и 180/2005, на Южном I – №№ 12, 13, 14, на Южном II – склепами №№ 7, 9б, 12, 13, 22 (рис. 14). Форма и размеры погребальных камер, как и входных ям, похожи на склепы типа E1. Главным отличием, как и в склепах типа D, является перепад высоты между полом камер и дном входных ям. В склепах типа E2 он составляет от

0,4 до 0,8 м., из-за чего вход в камеру располагался под ее потолком или близко к нему.

Сохранившиеся своды камер коробовые. Внутренняя архитектура в основном присутствует в склепах Алмалыкского могильника. К примеру, в склепе № 108/2000 на своде зафиксированы имитация стрельчатой конструкции перекрытия и большая вырубка в задней стенке в виде условной «апсиды», а в склепе № 180/2005, также в задней стенке камеры, имеются небольшая полка и во входной яме две ниши-ступеньки. На могильнике Южный I в склепе № 14 выявлена аркообразная ниша в задней стенке, в склепе № 9 – некое подобие ступенек у входа в камеру, которые значительно отличаются от ступенек в склепах Алмалыкского некрополя. В склепе № 12 некрополя Южный I в задней и одной из боковых стенок вырублены большие полки-ниши. В юго-западном углу камеры этого же склепа вырыто углубление подквадратной формы размерами 0,85 x 1,2 м и максимальной глубиной до 0,25 м, которое могло выполнять функцию тайника.

Попробуем систематизировать наши наблюдения относительно хронологии и особенностей архитектуры погребальных сооружений на раннесредневековых могильниках ближайшей округи Мангупского городища.

Грунтовые склепы типов А и В, несомненно, были сооружены в первые хронологические фазы существования Алмалыкского могильника. Тип А1 является наиболее ранним. Такие склепы, по мнению А. И. Айбабина, можно отнести к Т-образным склепам первого варианта IV – начала V в., традицию сооружения которых связывают с аланами [1, с. 18,22,23, рис. 6. 3,5]. Довольно примечательная форма склепа типа А1 близка отдельным склепам второй половины IV – первой половины V вв., выявленным на некоторых могильниках Юго-Западного Крыма [2, с. 22, рис. 6, 3,5]: Краснозорье [21, с. 146, рис. 1], Сувлу-Кая [4, рис. 3; 5, с. 59–60], Инкерман [3, рис. 25, 27], Красный Мак [14, рис. 3, 5, 7, 8, 10], Суворово [13, рис. 4, 5–9], Совхоз 10 [6, рис. 1, 3], Фронтное 3 [22, рис. 6] и др. Схожие по конструкции погребальные сооружения также были обнаружены на некрополях Джург-Оба [26, рис. 9–11] и Нимфей [5, рис. 1, 3] в Восточном Крыму. Распространение склепов типа А1 может свидетельствовать о связях между отдельными группами населения Юго-Западного Крыма и Европейского Боспора в IV – V вв. [5, с. 79].

Как элемент эволюции архитектуры погребальных сооружений следует рассматривать замену ступеней во входных ямах склепов групп А и В на более простые при сооружении ниши-ступеньки в их задних стенках (рис. 15). Постепенное сокращение количества таких ниш-ступеней, вероятнее всего, связано с уменьшением глубины входных ям склепов. Их меньшее количество наблюдается в торцевых стенках входных ям склепов, выкопанных на более наклонной местности и с ориентацией погребального сооружения вниз по склону. В таких случаях торцевая стенка со ступенями часто ниже, чем та, в которой вырублен вход. Иногда перепад высоты между началом и концом входных ям составляет от 1,0 до 1,5 м.

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

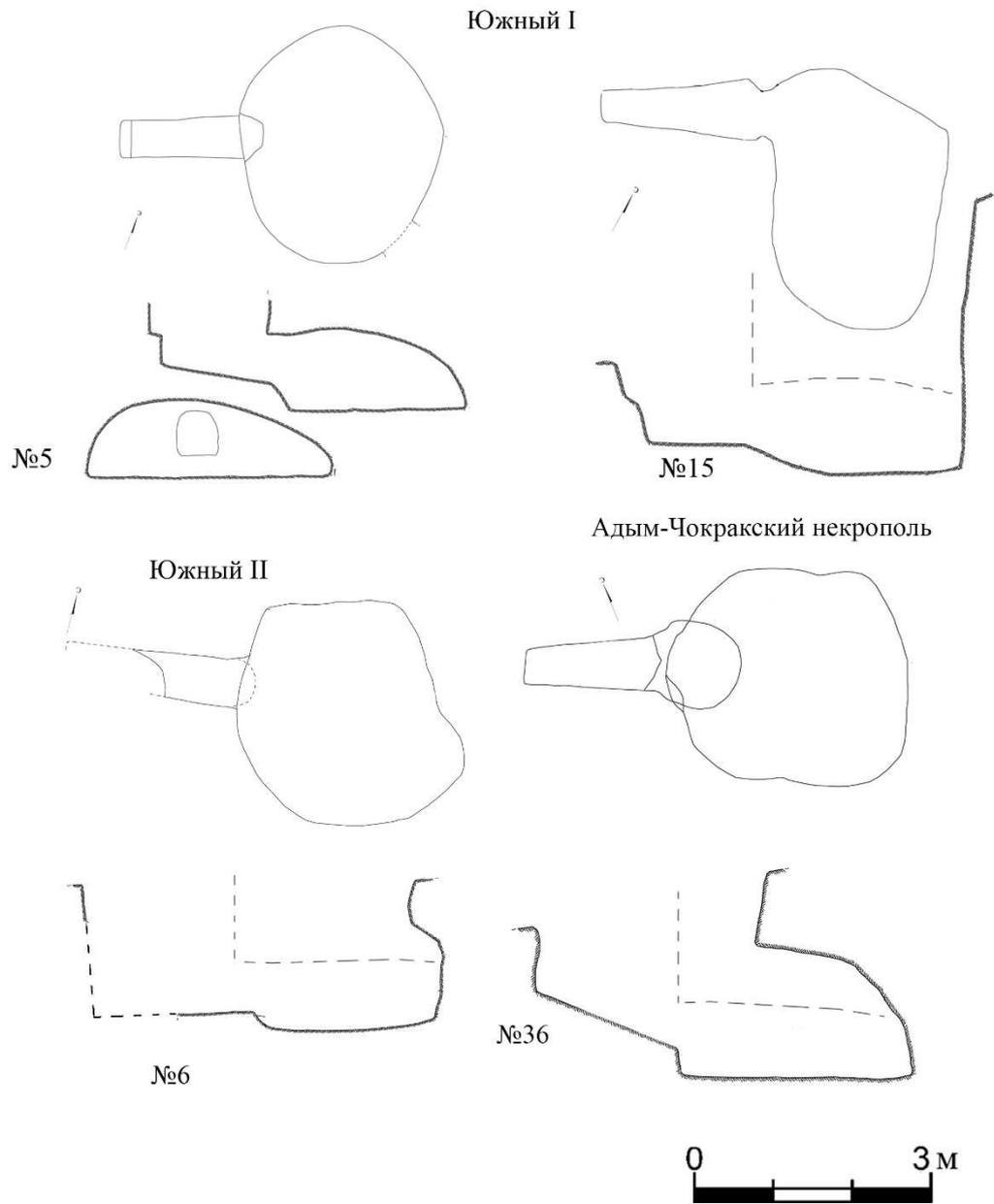

Рис. 11. Склепы типа D1 с камерами скругленной или неправильной формы.

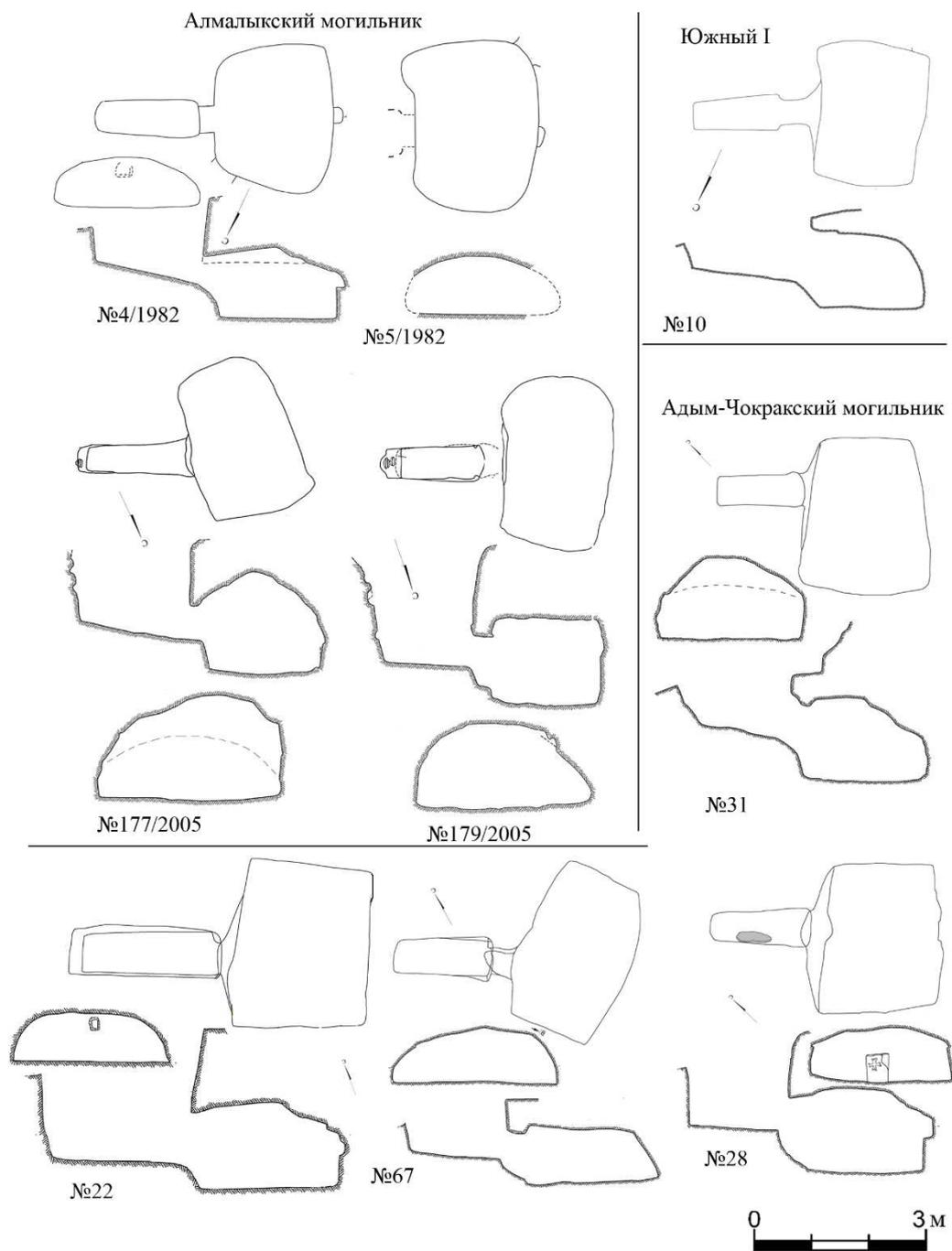

Рис. 12. Склепы типа D2.

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

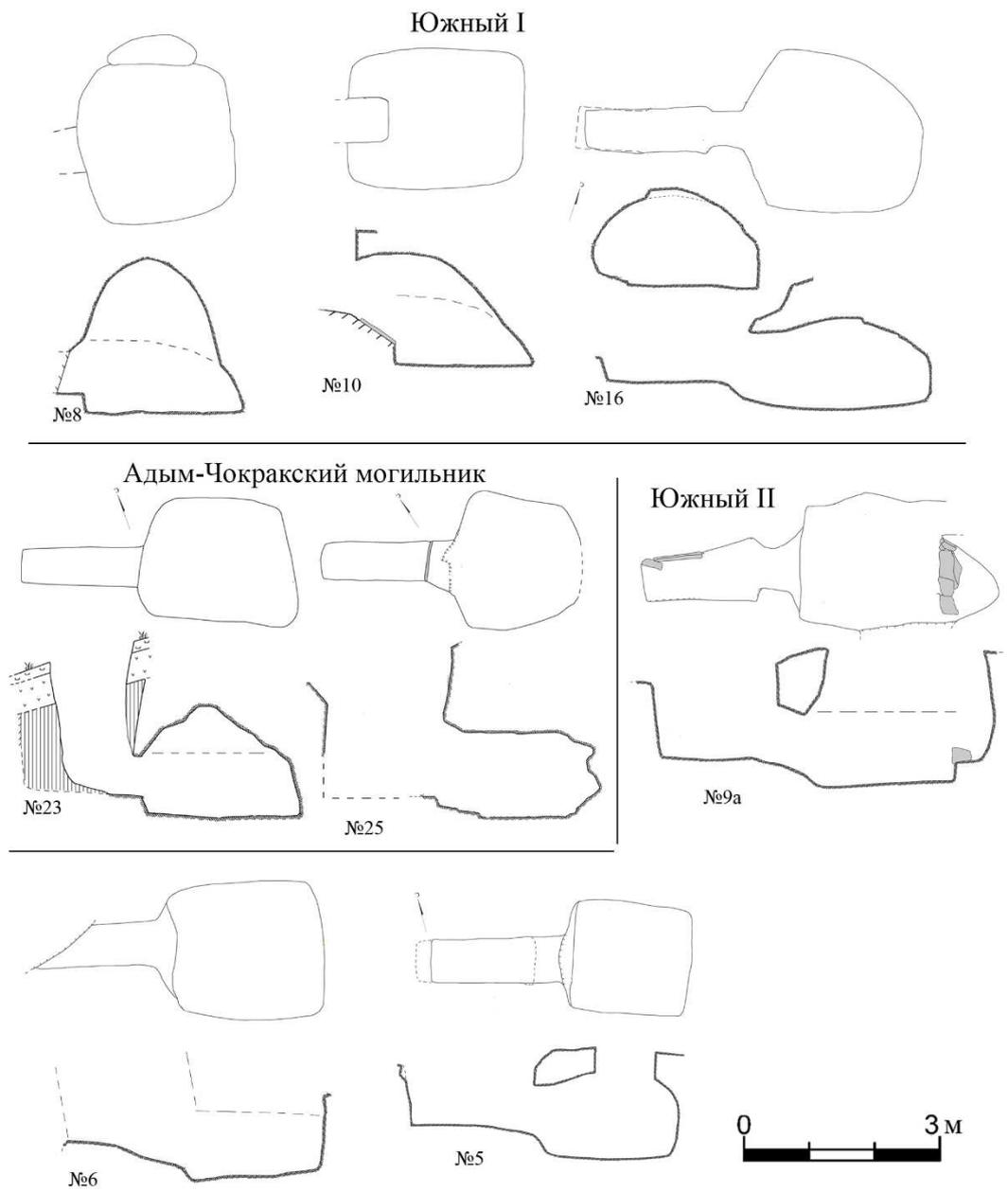

Рис. 13. Склепы типа E1.

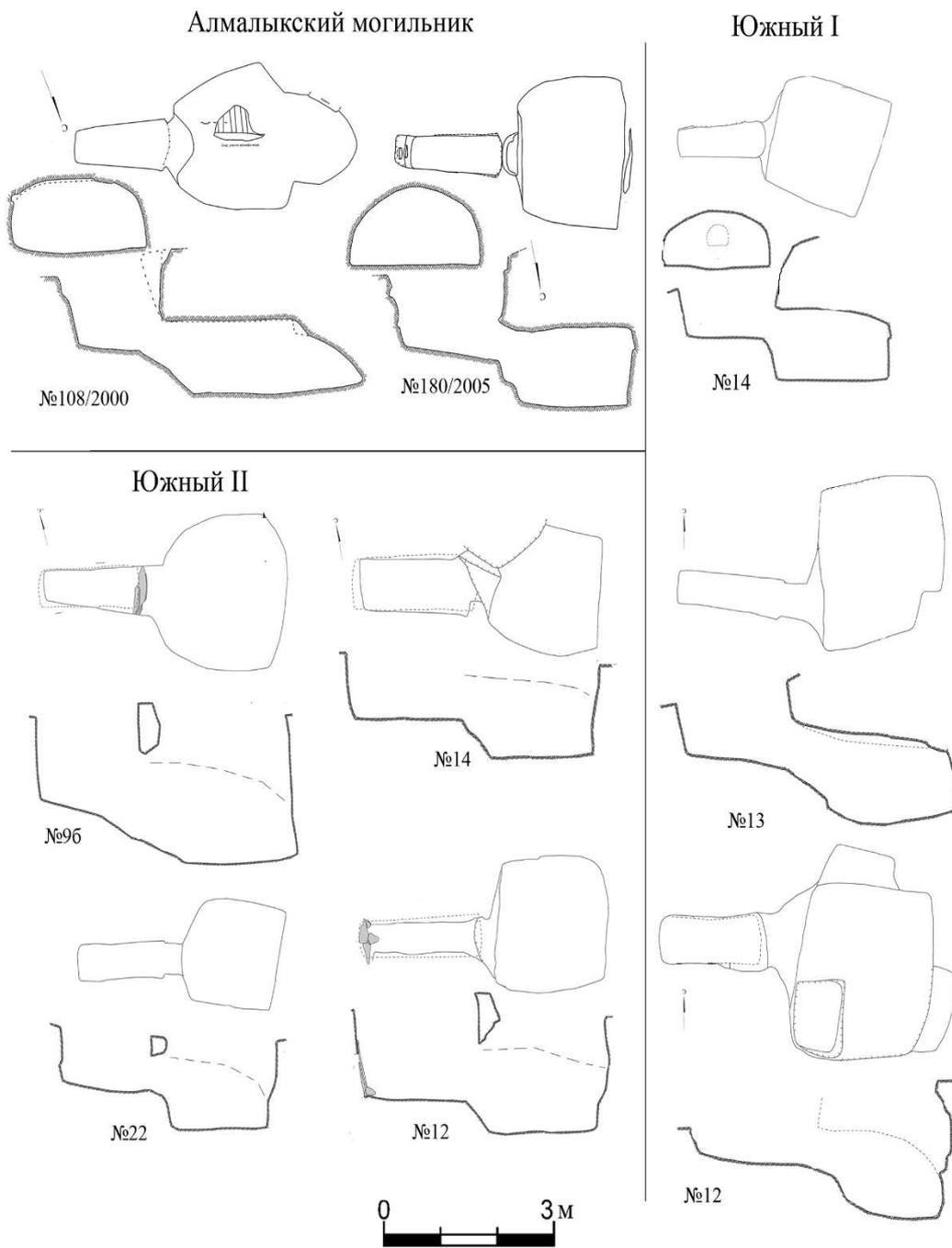
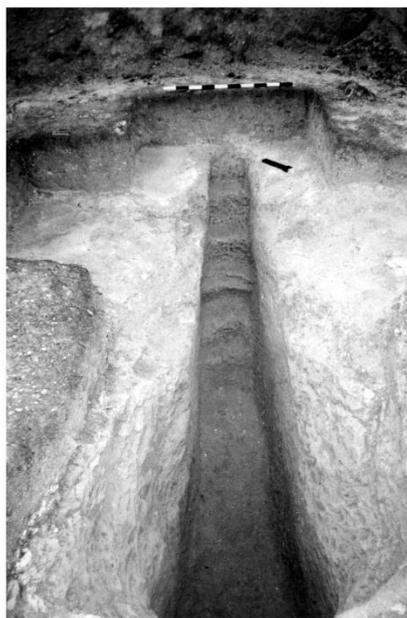
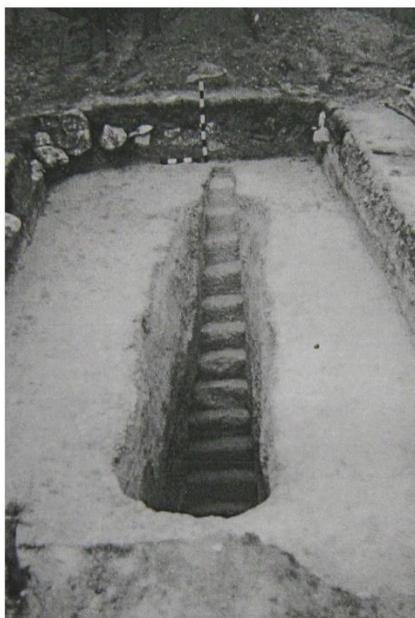
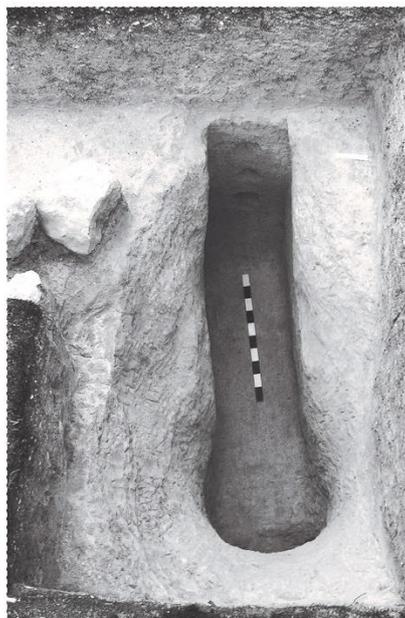
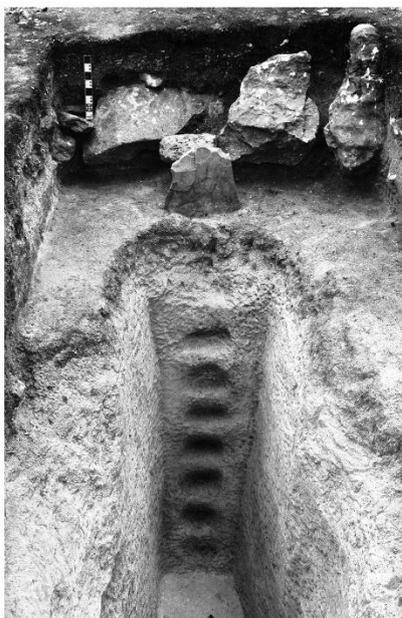

Рис. 14. Склепы типа E2.

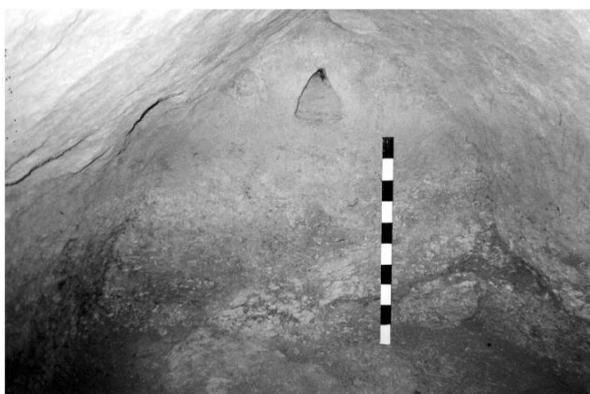

Входная яма склепа №2/1996 типа А1 Входная яма склепа №155/2003 типа А2

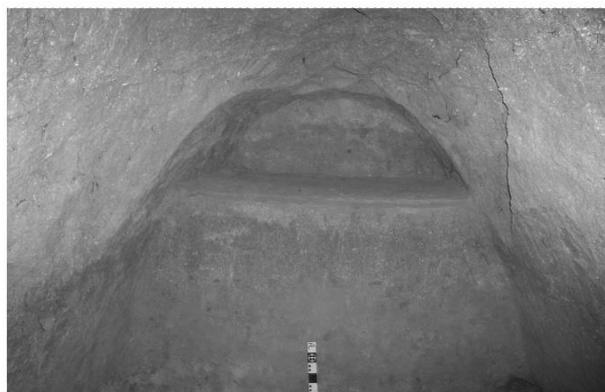

Входная яма склепа №189/2007 типа В1 Входная яма склепа №198/2007 типа В2

Рис. 15. Входные ямы склепов типов А1, А2, В1, В2.

Ниша в камере склепа №160/2003 типа А2

Большая полка в камере склепа №178/2005 типа В1

Ниши в камере склепа 203/2019 типа В2

Рис. 16. Ниши в камерах склепов типов А2, В1, В2.

СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

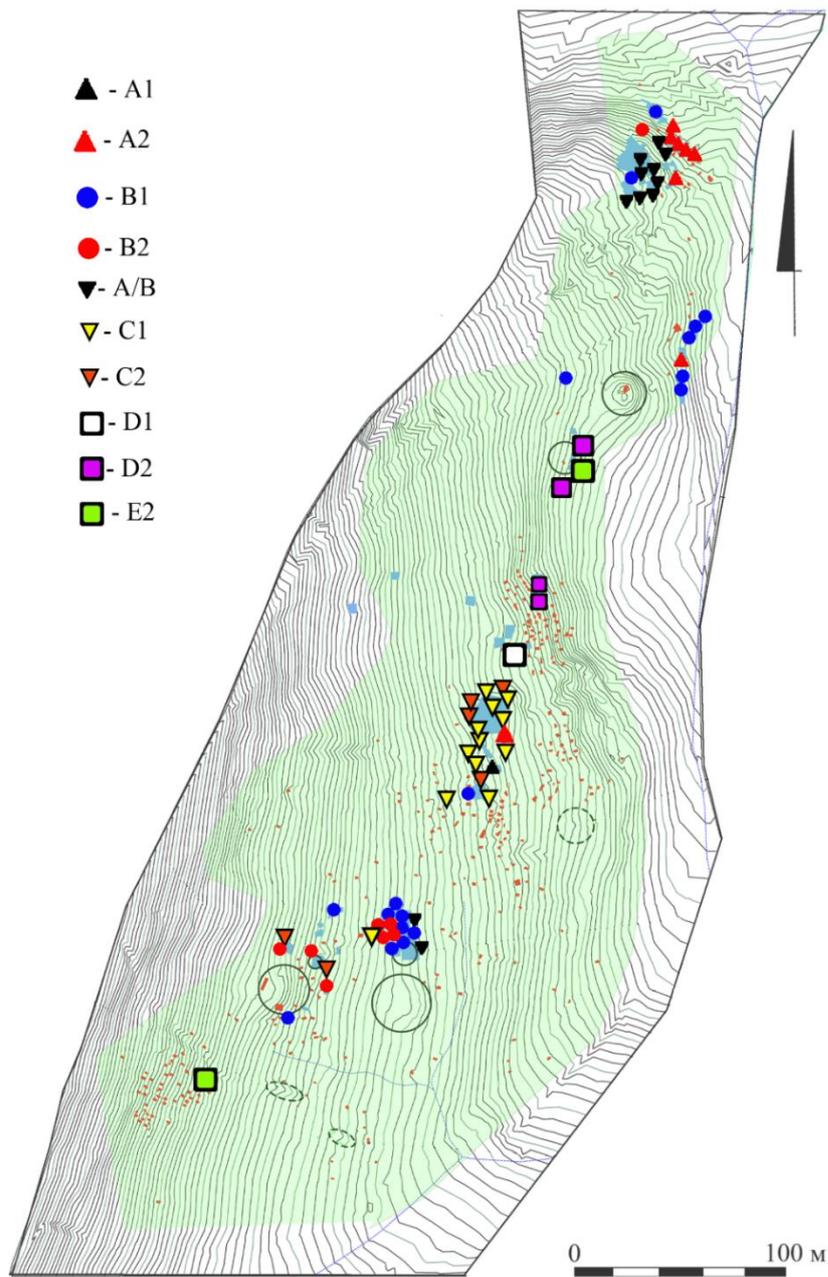

Рис. 17. Распространение различных типов склепов на Алмалыкском могильнике.

В склепах группы В, наблюдается значительно большая вариативность размеров и форм погребальных камер и входных ям, в основном длинных и трапецевидных.

Склепы группы С имели более упрощенную форму, особенно для погребальных камер и входных ям. Лучше всего это видно на примере разнообразных погребальных камер склепов типа С2, распространение которых выходит за пределы Алмалыкского могильника. Напомним, что два таких склепа открыты на территории Адым-Чокракского некрополя. Однако, предполагать связь между населением, оставившим могильники Алмалык-дере и Адым-Чокрак на этом основании, пока еще представляется преждевременным. Скорее всего, небольшие и более узкие по форме погребальные камеры сооружались для совершения захоронений небольшого количества людей.

Подтреугольные ниши, встречающиеся на Алмалыкском некрополе, совершенно не характерны для других могильников южной периферии Мангупа. Если в склепах группы А встречаются только небольшие ниши, то в склепах более поздних типов кроме них сооружаются большие ниши-полки под потолком камеры (рис. 16). В склепах группы D редкие ниши имеют уже подпрямоугольную форму. Внутренняя архитектура погребальных камер в группах А и В, в особенности наличие ниш и полок в стенке противоположной входу в них, находит наиболее близкие аналогии среди грунтовых склепов Красномаковского могильника. Однако, отличия все же имеются. Практически во всех погребальных сооружениях могильника Красный Мак небольшие подтреугольные ниши соседствуют с более крупными полками, расположенными под потолком камеры, тогда как в склепах групп А и В некрополя Алмалык-Дере такие элементы, чаще всего, встречаются отдельно. Также отличаются ступеньки у входов в погребальные камеры. На Алмалыкском могильнике фиксируются 1–2 ступени, часто трапецевидной формы, тогда как на Красномаковском некрополе их больше – чаще 2–3, и только в трех склепах открыты более крупные одиночные ступени [14, рис. 2; 3, 5–10; 12; 13, 15–17].

Сложные своды с имитацией крыш, карнизов или стрельчатых конструкций изредка встречаются при раскопках склепов типов В2, С1 и С2. Возможно, таким образом имитировалась форма жилого помещения [24, с. 155], либо даже интерьеры ранних наземных христианских храмов [7, с. 12]. Более поздние склепы типов D и E становятся еще более простыми в конструктивном решении. Четкие контуры камеры склепа практически не выдерживаются, а лишь приближаются к подквадратной, подпрямоугольной, реже трапецевидной и овальной формам. Наиболее примечательным новшеством в архитектуре поздних типов склепов является наличие в них врезных крестов с расширяющимися концами, особенно на Адым-Чокракском могильнике, что свидетельствует о значительной уже в это время христианизации погребенных [17, с. 263].

Остановимся отдельно на основных конструктивных элементах грунтовых склепов – форме входных ям и погребальных камер. В целом сопоставление склепов различных типов показывает общую тенденцию к упрощению погребальных

конструкций. Со временем исчезают длинные, сужающиеся к концу, входные ямы трапецевидной формы С исчезновением последних связана замена ступеней на передних стенках входных ям на более легкие при сооружении ниши–ступени. Также в более ранних погребальных сооружениях часто встречаются хорошо оформленные неширокие ступеньки в погребальные камеры. После их исчезновения наблюдается довольно резкий переход из входной ямы в камеру склепа, что особенно заметно на примере склепов группы С Алмалыкского могильника. Вероятно, при попытках уменьшить такой перепад за счет высоты свода камеры появляются склепы типов D1 и E1 на некрополе Алмалык-Дере, где этот резкий переход нивелировался или становился более плавным и удобным.

Развитие архитектуры склепов наиболее явно прослеживается на материалах Алмалыкского некрополя, где даже более поздние типы склепов D и E сохраняют некоторые черты прежней погребальной традиции, которые отсутствуют на других могильниках южной периферии Мангупа. К таким особенностям относятся «архаичные» ниши–ступени во входной яме (№№ 177/2005, 179/2005, 180/2005), а также имитации стрельчатых конструкций (№ 108/2000). Несмотря на наличие поздних форм склепов на Алмалыкском могильнике, все же наблюдается разница в распределении типов погребальных сооружений на могильниках Мангупа. Примечательным является отсутствие склепов типов C2 на могильниках Южный I и Южный II и наличие всего двух подобных склепов на Адым-Чокракском некрополе. Такие склепы, расположенные по соседству, явно контрастируют с остальными склепами могильников южной периферии Мангупа. Это, скорее всего, связано с тем, что здесь глубина погребальных камер была меньше, чем на территории могильника в Алмалык-дере.

Следует также отметить, что конструктивная близость грунтовых склепов на территории могильников Южный I, Южный II, Адым-Чокрак более существенная при сравнении с погребальными сооружениями Алмалыкского некрополя. Это может свидетельствовать об их, если не синхронном, то все-таки близком по времени возникновении, в пределах второй половины VI – начала VII вв. Наибольшая схожесть в этом контексте наблюдается для грунтовых склепов могильников Южный I и Южный II, которые расположены рядом и, возможно, на самом деле, являются отдельными частями единого раннесредневекового большого некрополя [10, с. 82; 15, с. 56]. Основными типами склепов здесь были склепы типов E1 и E2, которые использовались длительное время и сооружались на протяжении всего времени функционирования могильников, без особых конструктивных изменений. На некрополе Адым-Чокрак распространены склепы группы D, что может быть связано с тем, что он возник позднее могильников Южный I и Южный II.

Пытаться выявить надежную «генетическую» связь между грунтовыми склепами всех рассматриваемых некрополей округа Мангупского городища вряд ли возможно и целесообразно. Несмотря на наличие склепов одних и тех же типов на их территории во второй половине VI – VII вв., поздние погребальные сооружения Алмалык-дере выделяются большим разнообразием погребальной архитектуры.

Появление здесь склепов с широкими и низкими погребальными камерами может указывать на некоторую «деградацию» конструкций путем упрощения процесса их сооружения. В то же время, распространение склепов групп D и E на других могильниках южной периферии Мангула выглядит уже устоявшейся погребальной традицией, привнесенной новым населением византийской крепости. Более широкие погребальные камеры, встречающиеся здесь, уже связаны с традицией многократных и многоярусных захоронений в одном грунтовом склепе, число которых могло достигать до 15 человек, а в склепе № 24 Адым-Чокракского некрополя было погребено 24 человека. Для сравнения максимальное число погребенных в отдельном склепе на Алмалык-дере составляло 5 индивидов.

Возникновение нескольких новых некрополей в округе Мангупской крепости, практически синхронных по времени появлению и расположенных в пределах 1,0–1,5 км между собой, скорее всего, свидетельствует о притоке во второй половине VI – VII вв. новых групп населения в этой части Крымских предгорий. Вполне возможно, что строительство крупной крепости на Мангупском плато и деятельность местной византийской администрации стимулировало это процесс.

Картографирование различных типов грунтовых склепов на территории Алмалыкского могильника, где их разделение на отдельные группы выглядит наиболее показательным, позволяет также сделать несколько заключений о пространственном развитии этого памятника (рис. 17). Судя по находкам первой хронологической фазы, связанной с ранней историей некрополя во второй половине/конце IV – первой половине V вв., он возникает сразу в пределах всей известной, на сегодняшний день, территории памятника [19, с. 185, 188]. На южном и среднем участках могильника, в основном относительно пологих в рельефе, появляются погребения с дополнительными наземными конструкциями – курганами, кромлехами и ровиками. На северном участке, где рельеф был более сложным, плотно концентрируются склепы типа A2. В дальнейшем, вероятно, на всей площади некрополя, за исключением его средней части, начинает сооружаться более упрощенные склепы группы B. Склепы группы C, в основном, занимают среднюю часть могильника, где как уже говорилось, концентрация более ранних типов сооружений была не столь велика. Более поздние склепы типов D1, D2 и E2 фиксируются уже на территории длиной примерно 100 м в северной части центрального участка памятника.

Выделенные группы грунтовых склепов на раннесредневековых могильниках Мангупского городища являются типичными погребальными сооружениями этого времени в Юго-Западном Крыму. Количество погребений в таких склепах в регионе возрастает в IV в. [25, с. 82]. Подобные погребальные сооружения продолжали использоваться на полуострове даже в VII – IX в. [2, с. 61]. Несмотря на их общую конструктивную близость, некоторые различия все же проявляются при изучении определенного памятника. При соблюдении общих архитектурно-планировочных решений наблюдаются различные изменения в таких параметрах, как уровень наклона дна входной ямы, длина коридорчика в погребальную камеру, разница высоты между входной ямой и полом камеры, особенности внутренней архитектуры

погребальных камер. Это свидетельствует о существовании различных погребальных традиций у населения Юго-Западного Крыма в рассматриваемый исторический период времени.

Список использованных источников и литературы

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма.– Симферополь: ДАР, 1999. – 352 с.
Ajbabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma.– Simferopol': DAR, 1999.– 352 s.
2. Айбабин А. И. Крым в VII – IX веках. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. Серия: Археология.– М., 2003.– С. 40–48.
Ajbabin A. I. Krym v VII – IX vekah. Hazarskoe gosподstvo. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym // Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ya. IV – XIII veka. Seriya: Arheologiya.– М., 2003.– С. 40–48.
3. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкемана // Археологічні пам'ятки УРСР.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 88–122.
Vejmarn E. V. Arheologichni roboti v rajoni Inkemana // Arheologichni pam'yatki URSR.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 88–122.
4. Волошинов А. А., Мясякин В. В. Исследования могильника Сувлу-кая III – V вв. Н.э. В 2018 г. (г. Бахчисарай) // История и археология Крыма. – Симферополь, 2019. – Вып. XI.– С. 59–64.
Voloshinov A. A., Myasyakin V. V. Issledovaniya mogil'nika Suvlu– kaya III – V vv. N.e. V 2018 g. (g. Bahchisaraj) // Istoriya i arheologiya Kryma. – Simferopol', 2019. – Вып. XI.– С. 59–64.
5. Волошинов А. А., Мясякин В. В. Склепы особой конструкции как индикаторы связей населения Юго-западного Крыма и Боспора в IV– V вв. н.э. // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы Междунар. науч. конф. / НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального ун-та. Им. В. И. Вернадского; Институт Археологии Крыма РАН; Центр археологических исследований благотворительного фонда «Деметра» Симферополь; Керчь, 2021.– С. 76–85.
Voloshinov A. A., Myasyakin V. V. Sklepy osoboj konstrukcii kak indykatory svyazey naseleniya YUgo–zapadnogo Kryma i Bospora v IV– V vv. n.e. // XXII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdun. nauch. konf.i / NIC istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo un-ta. Im. V. I. Vernadskogo; Institut Arheologii Kryma RAN; Centr arheologicheskikh issledovaniy blagotvoritel'nogo fonda»Demetra» Simferopol'; Kerch', 2021.– S. 76–85.
6. Высотская Т. Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1998.– Вып. VI.– С. 256–273.
Vysotskaya T. N. Sklepy mogil'nika Sovhoz № 10 (Sevastopol'skij): problemy etnosa i hronologii // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1998.– Вып. VI.– С. 256–273.
7. Герцен А. Г. Новые раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Взаимоотношение религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Междунар. Крымская конф. по религиоведению: тез. докл. и сооб. / Национальный заповедник «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2001.– С. 11–13.
Gercen A. G. Novye rannekhristsianskie pamyatniki iz nekropolej Mangupa // Vzaimootnoshenie religioznykh konfessij v mnogonacional'nom regione: istoriya i sovremennost'. III Mezhdunar. Krymskaya konf. po religiovedeniyu: tez. dokl. i soob. / Nacional'nyj zapovednik «Hersones Tavricheskij».– Sevastopol', 2001.– S. 11–13.
8. Герцен А. Г. Дорос–Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века.– Екатеринбург, 2003.– Вып. 34. – С. 94–112.

Gercen A. G. Doros–Feodoro (Mangup): ot rannevizantijskoj kreposti k feodal'nomu gorodu // Antichnaya drevnost' i srednie veka.– Ekaterinburg, 2003.– Вып. 34. – S. 94–112.

9. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – Вып. XVI. – С. 88–100.

Gercen A. G., Naumenko V. E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogennyj i prirodno-geograficheskij kontekst // Bosporskie chteniya: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium. – Kerch', 2015. – Вып. XVI. – S. 88–100.

10. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. – Севастополь: Салта ЛТД, 2019.– Вып. XI.– С. 79–90.

Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gancev V. K., Iozhica D. V., Nabokov A. I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorec, «cerkov' 1967 g.», mogil'nik YUzhnyj II // Istoriya i arheologiya Kryma. – Sevastopol': Salta LTD, 2019.– Вып. XI.– С. 79–90.

11. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Материалы научно-практической конференции по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвященной 100-летию академической археологии России. – Симферополь: Колорит, 2020. – Вып. XIII. – С. 111–128.

Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gancev V. K., Iozhica D. V., Nabokov A. I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorec, «cerkov' 1968 g.», Almalykskij mogil'nik // Istoriya i arheologiya Kryma. Materialy nauchno–prakticheskoy konferencii po itogam polevogo arheologicheskogo sezona 2019 goda na Krymskom poluostrove, posvyashchyonnoj 100-letiyu akademicheskoy arheologii Rossii.– Simferopol': Kolorit, 2020.– Вып. XIII. – S. 111–128.

12. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса–Феodoro по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.

Gercen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. YU. Naselenie Dorosa–Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropol'ej Mangupskogo gorodishcha (IV – XVII vv.).– М.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017.– 272 с.

13. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2003. – Вып. X.– С. 57–77.

Zajcev YU. P., Mordvinceva V. I. Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2003.– Вып. X.– S. 57–77

14. Лобода И. И. Раскопки Красномакского могильника в 1983– 1984 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2002.– Вып. XI.– С. 192–251.

Loboda I. I. Raskopki Krasnomakskogo mogil'nika v 1983– 1984 gg. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2002.– Вып. XI.– S. 192–251.

15. Набоков А. И. Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупа: предварительные итоги и перспективы исследований // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Матер. науч. конф., 6–7 октября 2020 г., г. Симферополь / Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий». – Симферополь: САЛТА, 2020.– С. 55–63.

Nabokov A. I. Rannesrednevekovyj nekropol' Yuzhnyj II na yuzhnom sklone Mangupa: predvaritel'nye itogi i perspektivy issledovaniy // Novye issledovaniya molodyh arheologov v Krymu. Mater. nauch. konf., 6–7 oktyabrya 2020 g., g. Simferopol' / Blagotvoritel'nyj fond «Nasledie tysyacheletij. – Simferopol': SALTA, 2020.– S. 55–63.

16. Науменко В. Е., Набоков А. И., Якушечкин А. В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». VIII Междунар. нумизматический

**СКЛЕПЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ МАНГУПА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ**

симпозиум (Керчь, 2–6 октября 2021 г.). Матер. науч. конф. / ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 163–172.

Naumenko V. E., Nabokov A. I., Yakushechkin A. V. Neopublikovannye numizmaticheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovykh nekropolej Mangupa: mogil'niki Yuzhnyj I, Yuzhnyj II i Adym-Chokrak // «PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka». VIII Mezhdunar. numizmaticheskij simpozium (Kerch', 2–6 oktyabrya 2021 g.). Mater. nauch. konf. / «Institut arheologii Kryma RAN». – Simferopol': IT «ARIAL», 2021. – S. 163–172.

17. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В. Христианский Мангуп. современная источниковая база и основные этапы истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии – Симферополь: Соло-Рич, 2021. – Вып. XXVI. – С. 255–281.

Naumenko V. E., Gercen A. G., Iozhica D. V. Hristianskij Mangup. sovremennaya istochnikovaya baza i osnovnye etapy istorii // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Simferopol': Solo-Rich, 2021. – Vyp. XXVI. – S. 255–281.

18. Науменко В. Е., Набоков А. И. Могильник Алмалык–дере Мангупского городища. Основные результаты археолого–топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской научно–практической конференции. – Симферополь, 9–10 дек. 2021 г. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 102–117.

Naumenko V. E., Nabokov A. I. Mogil'nik Almalyk–dere Mangupskogo gorodishcha. Osnovnye rezul'taty arheologo–topograficheskikh issledovaniy 2020–2021 gg. // Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VIII Vserossijskoj nauchno–prakticheskoy konferencii.– Simferopol', 9–10 dek. 2021 g. – Simferopol': IT «ARIAL», 2022. – S. 102–117.

19. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Набоков А. И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин.-т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 183–194.

Naumenko V. E., Gercen A. G., Nabokov A. I. Almalykskij mogil'nik v dokrepostnoj (pozdnerimskij) period istorii Mangupskogo gorodishcha // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / Int-t. arheologii RAN.– M., 2022.– S. 183–194.

20. Науменко В. Е., Герцен А. Г. О времени строительства византийской крепости на мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? // Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus... тез докл. XXIII–й Всероссийской сессии византистов РФ. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 126–130.

Naumenko V. E., Gercen A. G. O vremeni stroitel'stva vizantijskoj kreposti na mangupe. Sushchetvuyut li osnovaniya dlya vozobnovleniya diskussii? // Vizantijskij «krug zemel'» Orbis terrarum Byzantinus... tez dokl. XXIII–j Vserossijskoj sessii vizantinistov RF. – Simferopol': IT «ARIAL», 2022. – S. 126–130.

21. Неневоля И. И., Волошинов А. А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Труды Государственного исторического музея.– М., 2001.– Вып. 118: Поздние скифы Крыма. – С. 141–146.

Nenevolya I. I., Voloshinov A. A. Dva kompleksa IV v. n.e. na mogil'nike Krasnozor'e // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya.– M., 2001.– Vyp. 118: Pozdnie skify Kryma. – S. 141–146.

22. Свиридов А. Н., Язиков С. В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2019. – Вып. 255. – С. 185–201.

Sviridov A. N., YAzikov S. V. Pogrebal'nye obryady mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-zapadnom Krymu // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii.– M., 2019.– Vyp. 255.– S. 185–201.

23. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь: Таврия, 1991.– Вып II.– С. 105–118.

Sidorenko V. A. «Goty» oblasti Dori Prokopiya Kesarijskogo i «dlinnye steny» v Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol': Tavriya, 1991. – Vyp. II. – S. 105–118.

24. Хайрединова Э. А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 2010. – Вып. XVI. – С. 140–213.

Hajredinova E. A. Raskopki nekropolya na sklone plato Eski-Kermen v 2006–2008 gg. // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.* – Simferopol', 2010. – Вып. XVI. – С. 140–213.

25. Храпунов И. Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения Крымских предгорий // *Проблемы истории, филологии, культуры.* – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2021. – Вып. 3. – С. 80–91.

Hrapunov I. N. Innovacii IV v. n.e. v kul'ture naseleniya Krymskikh predgorij // *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* – M.; Magnitogorsk; Novosibirsk, 2021. – Вып. 3. – С. 80–91.

26. Ермолин О. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керчь) в 2003 році // *Дрогобицький краєзнавчий збірник.* – Дрогобич, 2004. – С. 11–44.

Ermolin O. Arheologichni doslidzhennya antichnogo nekropolya Dzhurg-Oba (Kerch') v 2003 roci // *Drogobich'kij kraeznavchij zbirnik.* – Drogobich, 2004. – С. 11–44.

27. Gercen A., Maczynska M., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemman J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateaus // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches* – Mainz: Verlag RZGM, 2013. – S. 125–141.

28. Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Maczynska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmit-telalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht]. // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches.* – Mainz: Verlag RZGM, 2013. – S. 147–166.

29. Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Maczynska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-čokrak, Južnyj I und Južnyj II am fusse des Mangup. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. – Mainz: Verlag RZGM, 2013. – 98 s.

30. Maczynska M., Gercen A.G., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. – Mainz: Verlag RZGM, 2016. – 205 s.

Nabokov. A. A. The crypts of the early medieval burial grounds of Mangup. A preliminary classification.

The most common burial structures at the burial grounds of the nearest district of the Mangup settlement are analyzed – soil crypts. In view of the total robbery of the burial grounds of the nearest district of Mangup, the architecture of the crypts, in some cases, becomes practically the only source of information. When comparing architectural and planning solutions for burial structures, their preliminary classification was developed. The main attention is paid to the dimensions and layout of the entrance pits and burial chambers. Nine types of crypts have been identified, including the earliest and latest. An attempt has been made to identify patterns of distribution of individual groups of crypts in various early medieval burial grounds of the Mangup settlement. The largest number of such burial structures was found at the Almalyk burial ground. The architecture of the burial structures at this site demonstrates variability from the earliest to the latest crypts. The greatest changes are subject to such parameters as: the height of the entrance to the chamber, the presence of steps in the entrance pits and burial chambers. The crypts of the Yuzhny I, Yuzhny II burial grounds and the Adym-Chokraksky necropolis are less diverse and, on the whole, simpler in architecture.

Keywords: South-Western Crimea, Mangup, early medieval cemeteries, burial architecture, soil vault, classification.

УДК 902.1

МОГИЛЫ С ЗАПЛЕЧИКАМИ АЛМАЛЫКСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

Набоков А. И.

*ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: artur-nabokov@rambler.ru*

Голев С. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: feogolev@gmail.com*

Рассматриваются четыре могилы с заплечиками, происходящие из Алмалыкского некрополя. Данный памятник является одним из крупнейших позднеантичных и раннесредневековых некрополей Юго-Западного Крыма. Среди погребенных в могилах с заплечиками встречаются представители разнообразных половозрастных групп. Могилы с заплечиками, по невыразительному сохранившемуся инвентарю, датируются в рамках второй половины/конца IV – первой половины V вв., таким образом, данные комплексы являются одними из самых ранних погребальных сооружений на могильнике в балке Алмалык-дере. Погребальный инвентарь невыразителен, что может свидетельствовать о невысоком социальном статусе погребенных. Данные погребальные конструкции схожи, но по расположению углубления для погребений условно делятся на два типа. Деревянные либо каменные перекрытия в ходе археологических исследований не обнаружены. Топографически могилы с заплечиками располагаются на северной оконечности и в южной части Алмалыкского некрополя. Радикальных отличий от подобных синхронных могил на других могильниках Юго-Западного Крыма не выявлено.

Ключевые слова: Алмалыкский могильник, могилы с заплечиками, захоронения, хронология, погребальный инвентарь, обряд.

История изучения. Алмалыкский могильник появляется во второй половине/конце IV в. в результате переселения крупной однокультурной группы, в которой доминировал аланский компонент [16, с. 188]. Заняв территорию площадью около 7 га в западной части балки Алмалык-Дере у северо-восточного подножия Мангупа (рис. 1), некрополь продолжает функционировать вплоть до VII в. Топографически памятник расположен на природной террасе, плавно переходящей в тальвег балки Алмалык-Дере, и пологой части склона перед ней. Он вытянут полосой длиной около 600 м и шириной в пределах 50–200 м вдоль предполагаемой древней дороги, ведущей на Мангупское плато [15, с. 106, 112].

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Меггрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

Впервые поиски раннесредневекового некрополя возле Мангупа провел Е. В. Веймарн в 1938 г. Тогда не удалось обнаружить следов раннесредневековых погребальных сооружений, но исследователь отметил предполагаемое местонахождение некрополя на сводном плане всех археологических объектов, известных к этому времени на Мангупском городище. Стоит отметить, что это место на плане в публикации 1953 г. совпадает с известным, на сегодняшний день, расположением Алмалыкского могильника [7, с. 420].

Первые небольшие раскопки на памятнике провел в 1982–1983 гг. В. А. Сидоренко, который изучил несколько склепов, часть материалов из которых была датированных им VII в. [20, с. 329–300]. В 1996 г., ввиду начавшегося тотального ограбления Алмалыкского некрополя, силами Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена начинают проводиться охранно-спасательные работы. Могильник являлся одним из постоянных объектов исследований экспедиции вплоть до 2013 г. В 2019 г., после перерыва, работы на памятнике были возобновлены [9, с. 13–15].

Одновременно с археологическими работами отдельные комплексы и некоторые группы материалов из раскопок Алмалык-дере постепенно вводились в научный оборот [28–30; 32; 33]. Особо необходимо отметить выход коллективной монографии по итогам международного проекта по изучению крупнейших византийских крепостей в Юго-Западном Крыму – Мангупа и Эски-Кермена [34]. В этой работе опубликованы материалы археологических исследований Алмалыкского некрополя за период 1996–2008 гг., сопровождаемые каталогом погребальных сооружений, аналитическим разделом, посвященным погребальному инвентарю, и схемой расположения комплексов на памятнике. Благодаря этой монографии значительная часть материалов могильника была введена в научный оборот, хотя некоторые вопросы, в особенности касающиеся топографии, планиграфии, атрибуции отдельных групп материалов, архитектуры погребальных сооружений, еще требуют дополнительного изучения.

Исследования Алмалыкского могильника в 2019–2022 г, кроме традиционных раскопок, носили также археолого-топографический характер. Благодаря им удалось составить подробный топографический план западной части балки Алмалык-Дере с точной локализацией уже известных и обнаруженных археологических объектов. Возобновление полевых работ и дополнительное изучение архивных материалов, повлекли за собой уточнение времени функционирования Алмалыкского могильника, а также открытие и изучение новых типов погребальных сооружений с дополнительными конструкциями: насыпями, ровиками и кромлехами.

Хронология некрополя в балке Алмалык-Дере на данный момент представляется следующей: первая фаза – вторая половина IV – первая половина V вв.; вторая фаза – вторая половина V – первая половина VI вв.; третья фаза – вторая половина VI – начало VII вв.; и четвертая фаза – VII в. Первые две хронологические фазы соответствуют докрепостному периоду истории Мангупского городища, тогда

как третья и четвертая фазы относятся ко времени строительства и раннему этапу функционированию византийской крепости на Мангупском плато [16, с. 184–188].

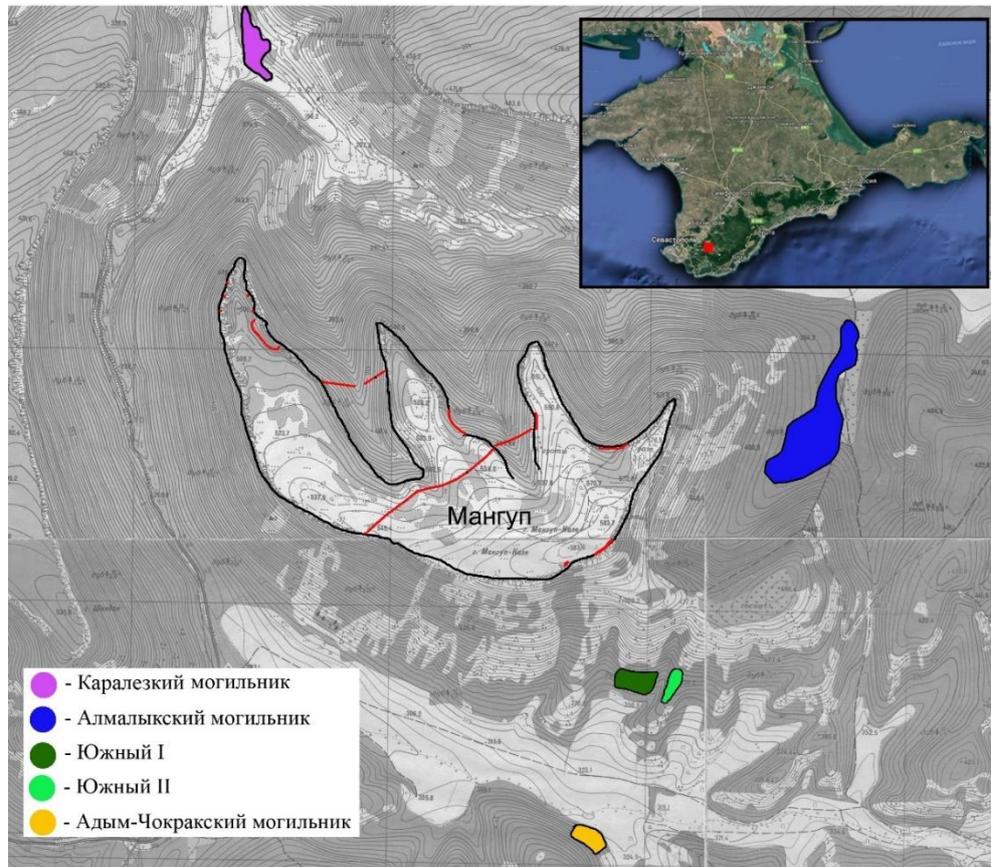

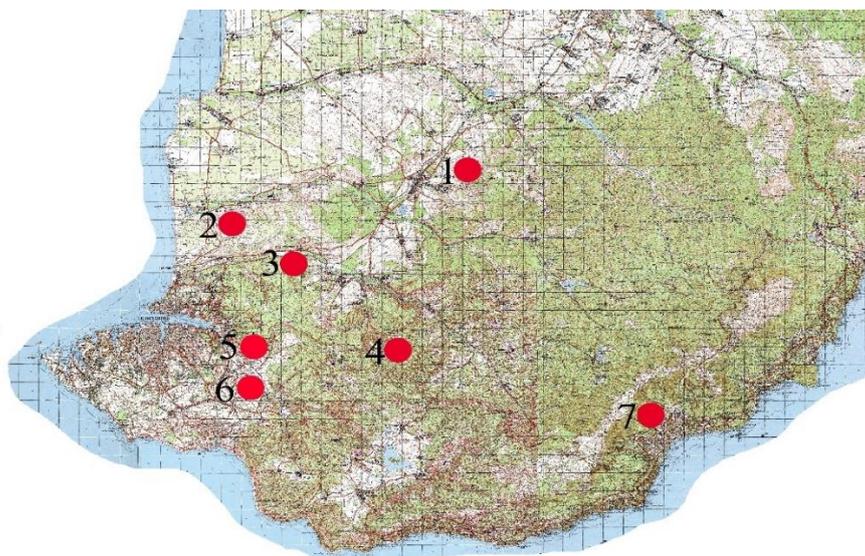
Рис. 1. Место расположения Алмалыкского могильника.

Современное состояние памятника, погребальные сооружения и обряд.

Алмалыкский могильник, как минимум, дважды подвергался массовому ограблению, в древности и в конце XX – начале XXI вв. Из-за этого подавляющая часть известных на его территории погребальных сооружений была ограблена. Следы ограблений представлены сейчас отвалами грунта и многочисленными грабительскими ямами, зачастую повторяющими по порядку разрушенных погребальных сооружений.

На территории Алмалыкского могильника выявлено 267 погребальных сооружений, выкопанных в твердом материковом суглинке, из которых лишь 120 изучены археологически полностью. Совершенные в них захоронения, в тех случаях, когда удалось зафиксировать положения костяков, совершены по обряду

труположения на спине, иногда в гробах или колодах. На Алмалыкском могильнике не была распространена традиция использования многоярусных погребений. Количество погребенных в грунтовых склепах варьируется в пределах 1–5 человек. Ориентация в основном в западном секторе, реже – в восточном и в одном случае в южном. Исследованные погребальные сооружения представлены 87 склепами нескольких типов, 27 подбойными могилами, так называемыми «курганами» (не менее 6), Т-образной могилой-катакомбой, 6 обычными грунтовыми могилами и 4 могилами с заплечиками.

1 – Сувлу-Кая; 2 – Вишневое; 3 – Фронтное 3; 4 – Алмалыкский могильник; 5 – Инкерман; 6 – Совхоз 10; 7 – Алония.

Рис. 2. Могилы с заплечиками второй половины III–IV вв. и второй половины/конца IV – первой половины V вв. на некоторых могильниках Юго-Западного Крыма.

Могилы с заплечиками, которые являются предметом исследования настоящей статьи, представляют собой погребальные сооружения с уступами (заплечиками) вдоль длинных боковых стенок, которые, чаще всего, служили для установки каменного или деревянного перекрытия [11, с. 465], с углублением для погребенного [3, с. 43]. В Крыму такого рода погребальные сооружения появляются еще в I в. н.э., вероятно, в связи с распространением в регионе сарматских погребальных традиций [13, с. 281, 286]. На некрополях, возникших около середины III в., в могильных ямах отсутствуют характерные для позднескифских памятников каменные вымостки, с прослойками земли между ними [2, с. 18]. В таких случаях

данные погребальные сооружения встречались на некрополях, где, помимо грунтовых, плитовых и подбойных могил, начинают появляться ранее не известные на территории Крыма склепы [25, с. 48]. Возникновение целой группы некрополей около середины III в. согласуется с информацией из письменных источников о миграции германцев и алан в Крым [3, с. 59].

Некоторые могилы с заплечиками второй половины/конца IV – первой половины V вв., хронологически наиболее близкие таким могилам на Алмалыкском могильнике, обнаружены в небольшом количестве на могильниках Юго-Западного Крыма (рис. 2). Большая часть из них обнаружена на некрополях, связанных с упомянутыми миграциями германцев и алан [5, с. 152; 17, с. 33; 21, с. 34], а также на возникшем ранее могильнике Фронтное 3 [19, с. 18] и функционировавшем в IV – VII вв. могильнике Алония [23, с. 145]. Как и на могильнике в балке Алмалык-Дере, могилы с заплечиками на перечисленных памятниках не были в числе преобладающих типов погребальных сооружений.

За весь период археологических работ на Алмалыкском могильнике всего было исследовано 4 грунтовых могилы с заплечиками (рис. 3). Две из них (№№ 1–2), раскопаны в 2006 г. в северной части некрополя (рис. 4), еще две обнаружены в 2008 г. в южной части памятника (рис. 5).

Могила с заплечиками № 1 (рис. 6). Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму и вытянуто по оси юго-восток – северо-запад. Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,10 м, длина 1,6 м, ширина 0,89 м, ширина заплечиков 0,20–0,27 м. Торцевые стенки вертикальны, боковые немного расширяются ближе к заплечикам. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 1,49 м, ширина 0,42 м, глубина 0,57 м. Стенки вертикальные, дно ровное. Следы заклада не сохранились.

В могиле обнаружено детское погребение, головой на север, частично ограбленное в древности (рис. 7–8). Из заполнения могилы происходят две шаровидные уплощенные бусины из прозрачного зеленоватого и синего пастового стекла (рис. 8, 1–2). При зачистке погребения и дна могилы обнаружен погребальный инвентарь. *In situ*, рядом с сохранившимися костями таза захороненного, найдены статер боспорского царя Фофорса (285/6–309/10) (рис. 8, 3) и фрагмент железного шила с остатками деревянных рукояти и чехла (рис. 8, 4). В ногах погребенного лежала краснолаковая миска с усечено-коническим туловом, на низком кольцевом поддоне (рис. 8, 5), справа, в районе пояса – небольшая бесщитковая бронзовая пряжка с овальной рамкой и загнутым за нее язычком (рис. 8, 6). Рядом с черепом обнаружен фрагмент железного ножа с остатками деревянной рукояти (рис. 8, 7). Пятно разложившегося железного предмета обнаружено справа от костей таза.

Могила с заплечиками № 2. Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму с несколько скругленными углами, вытянуто по оси северо-восток – юго-запад (рис. 9). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 1,47 м, длина 2,56 м, ширина 0,90 м, ширина заплечиков 0,12–0,23 м. Стенки вертикальные, но восточная торцевая

стенка имеет небольшой уклон. Признаков ограбления не обнаружено, хотя следы заклада также отсутствуют. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 2,40 м, ширина 0,50 м, глубина 1,1 м. Стенки расширяются к ровному дну, где ширина ямы составляла 0,84 м. На дне сооружения, в его передней, средней и задней частях, лежат плоские камни, вероятно, выступавшие в качестве подставки под гроб или колоду. Кости погребенного или хотя бы их тлен не зафиксированы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Могила с заплечиками № 3. Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму, вытянуто по оси северо-запад – юго-восток (рис. 10). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,76 м, длина 2,64 м, ширина 1,0 м, ширина заплечиков 0,17–0,25 м. Стенки вертикальные, восточная торцевая стенка в нижней части уничтожена вывалом грунта в камеру склепа №192/2007. В заполнении могилы обнаружен фрагмент челюсти животного, вероятно, оленя. Западная торцевая стенка входной ямы сохранилась на высоту до 0,60 м. В ее нижней части имеется углубление – следы от норы животного. Признаков ограбления не обнаружено, хотя следы заклада также отсутствуют. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного около 2,25 м, ширина 0,46 м, глубина 0,49 м. Боковые стенки камеры заглажены. В древности, вероятно, была предпринята попытка ограбления могилы, однако, захоронение осталось практически не потревоженным. В заполнении грабительской ямы обнаружены единичные фрагменты красноглиняной амфоры типа V по ХК–71 [4], дна от сероглиняного лепного сосуда и мелкий фрагмент стенки от краснолаковой тарелки (рис. 14, 4).

Погребение, ориентированное головой на северо-запад, принадлежало взрослой женщине (рис. 13; 14) [8, с. 214–215.]. Все присутствующие кости сохранились в анатомическом порядке, за исключением левой ступни, разрушенной норой животного. Вещи в погребении лежали *in situ*. Между тазовыми костями располагалась небольшая поясная серебряная бесщитковая пряжка овальной формы из согнутой проволоки с язычком с загнутым краем (рис. 14, 1). У правой ступни обнаружена обувная серебряная пряжка округлой формы с загнутым язычком и щитком овальной формы из пластины, согнутой пополам вокруг рамки (рис. 14, 2). Парная ей серебряная пряжка (рис. 14, 3) найдена в засыпи соседнего грунтового склепа №192/2007.

Могила с заплечиками № 4. Погребальное сооружение подпрямоугольной формы, вытянуто по оси восток-запад (рис. 15). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,63 м, длина 2,34 м, ширина 0,93 м, ширина заплечиков 0,16–0,25 м. Торцевые стенки вертикальны, боковые немного расширяются ближе к заплечикам. Могила ограблена в древности, из-за чего ее верхняя часть разрушена. Передняя стенка входной ямы сохранилась местами только в районе заплечиков. Задняя стенка плоская, боковые ребра заплечиков деформированы, вероятно, при ограблении. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 2,0 м, ширина 0,56 м, глубина 0,65 м. Углы перехода торцевых и боковых стен в заплечики скруглены. Стенки расширяются к ровному

дну, где ширина ямы составляла 0,84 м. Яма для погребения впущена в дно могилы, и, таким образом, заплечики прослежены по всему периметру погребального сооружения. *In situ* на полу могилы обнаружены четыре камня-подставки под гроб или колоду (рис. 16). На ребрах перехода боковых стен в заплечики зафиксирована полоска темного грунта мощностью 1–2 см, возможно, связанная с несохранившейся деревянной конструкцией. Слой грунта над заплечиками представлял собой темно-коричневый суглинок мощностью 0,12–0,15 м, над которым была более светлая засыпь. Таким образом, можно предположить, что могила с заплечиками № 4 имела деревянное перекрытие.

Древние грабители проникли в восточную часть погребальной камеры. Из-за этого часть костей ног погребенного (пяточные кости и левая малая берцовая) остались *in situ*, что позволило определить нестандартную ориентацию захоронения – головой на восток (рис. 17). В поясной части погребения на дне лежало расколотое пряслице (рис. 17, 1). Погребение принадлежало молодому мужчине [8, с. 214–215].

Погребальный обряд и архитектура сооружений. Рассматривая погребальный обряд, стоит отметить, что в могиле с заплечиками №2 кости погребенного или хотя бы костный тлен не были зафиксированы. Вероятно, ввиду наличия камней-подставок можно предполагать использование здесь при погребении колоды или гроба. Несколько малой представляется ширина верхней части погребальной камеры, от 0,40 до 0,50 м. Возможно, в могиле №2 планировалось или было совершено погребение ребенка или подростка.

Погребение в могиле № 1 принадлежало ребенку, который был уложен на спину головой на север, с небольшим отклонением к западу. Руки, по крайней мере, до локтей, были вытянуты вдоль тела. С погребением хорошо соотносится смещенная находка небольшого железного ножа, длина лезвия которого не превышала 6–7 см. Небольшая пряжка без рамки, обнаруженная в области таза или поясницы, скорее всего, использовалась для фиксации тонкого, шириной не более 1,6 см, пояса, либо для застежки небольшой сумочки слева на поясе. Об этом свидетельствуют находки железного шила и боспорской монеты, обнаруженные *in situ* в 3–4 см выше и немного правее от костей таза. При этом отметим, что шило лежало поверх монеты. Монета Фифорса, вероятнее всего, выступала в качестве так называемого «обола Харона» или «монеты мертвых». Подобные находки известны повсеместно при раскопках варварских могильников Юго-Западного Крыма, в том числе некрополей округа Мангупского городища (Южный I, Южный II, Адым-Чокрак). Примечательно, что в склепе №31 Адым-Чокракского некрополя, датированном VII – первой половиной VIII вв., также был найден статер боспорского царя Фифорса аналогичной эмиссии [14, с. 164, 168, рис. 1, 1]. В юго-западном углу могилы зачищено скопление фрагментов краснолаковой миски, которая, скорее всего, стояла в ногах погребенного. К сожалению, пол погребенного определить не удалось, но наличие нескольких бус в «слое ограбления», дает возможность предполагать, что в могиле № 2 была похоронена девочка.

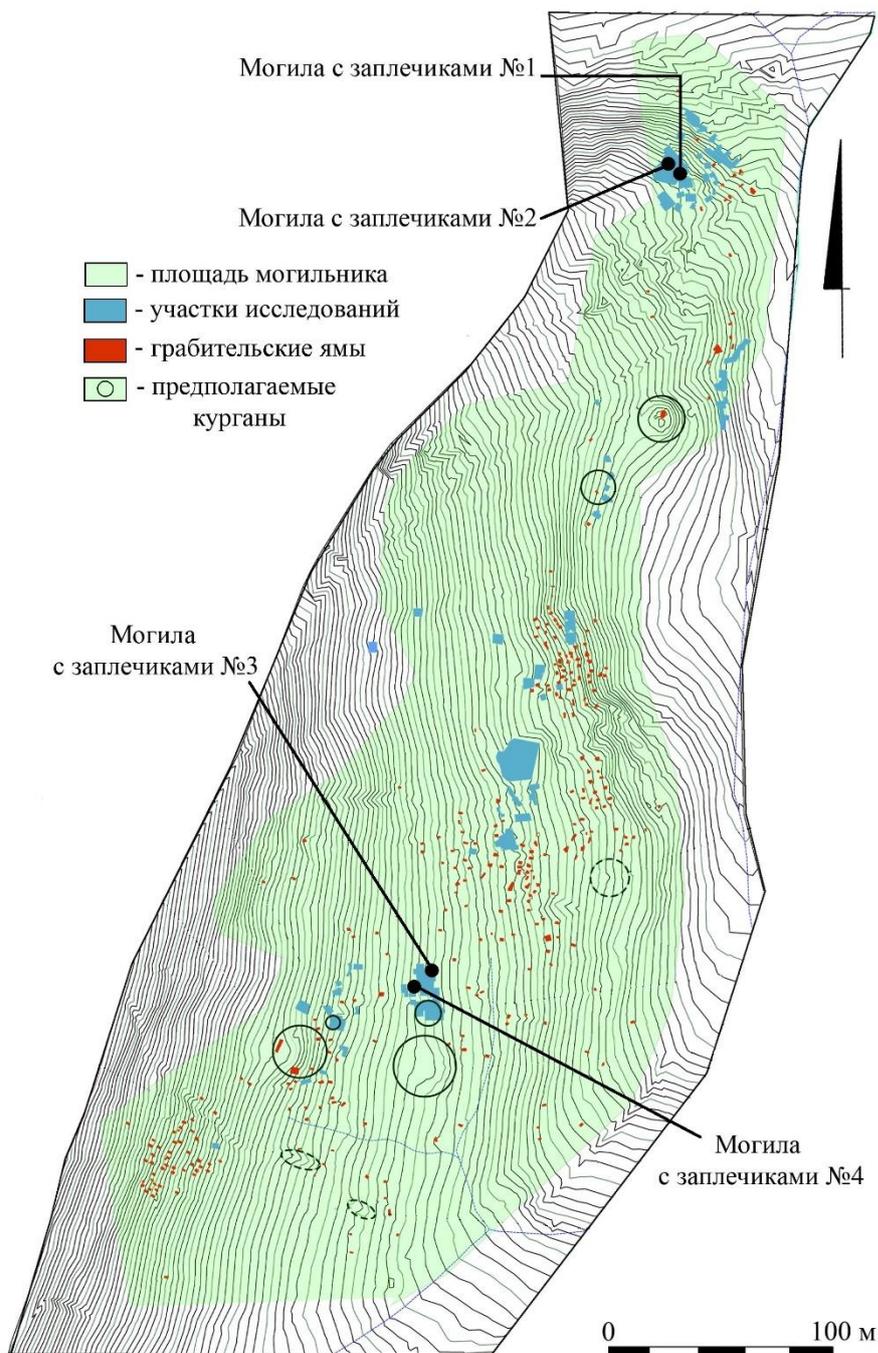

Рис. 3. Могилы с заплечиками на Алмалыкском могильнике.

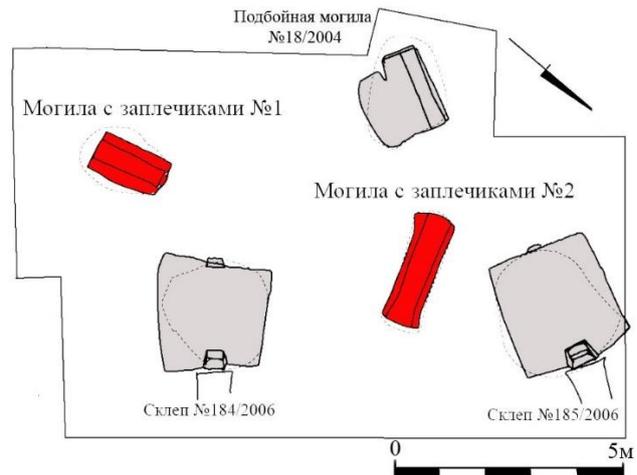

Рис. 4. Северная часть Алмалыкского могильника – участок исследований 2006 года.

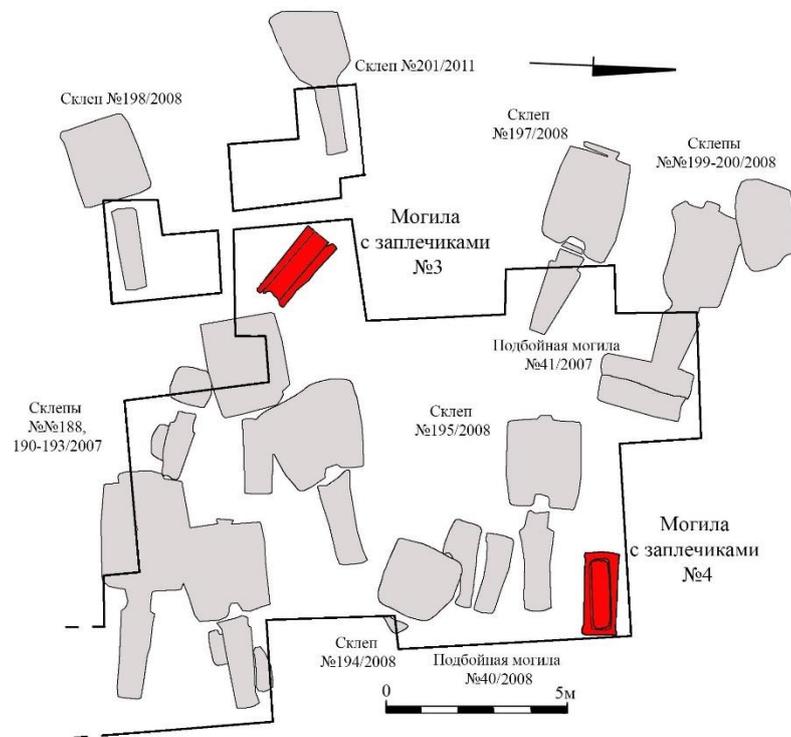

Рис. 5. Южная часть Алмалыкского могильника – участок исследований 2007–2008 года.

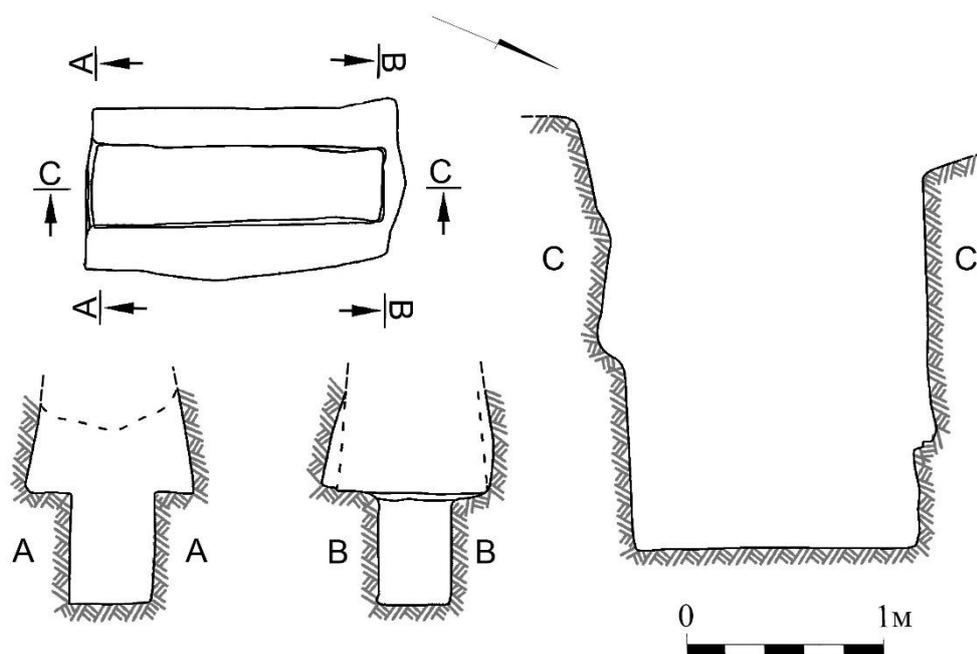

Рис. 6. Могила с заплечиками № 1.

В могиле с заплечиками № 3 костяк сохранился практически полностью. Это женское захоронение, уложенное на спину, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела. Судя по тому, что длинные кости рук практически касались боковых стенок камеры, колода или гроб не использовались. Положение сохранившихся костей правой стопы, немного развернутой в сторону, свидетельствует о свободном положении костяка. Если бы погребение было завернуто в «саван», как это часто встречается на синхронных могильниках, то кости ног располагались ближе друг к другу, ввиду стягивания костяка тканью [18, с. 129]. Погребенная, вероятно, была похоронена в прижизненном костюме, включавшем неширокий пояс, застегнутый бесщитковой пряжкой посередине и обувь. Для фиксации обуви использовались небольшие серебряные пряжки для тонкого, не более 1,4 см, ремешка. Морфологически близкие пряжки использовались в составе обувных наборов типа 1–3 по Э. А. Хайрединовой, распространенные в первой половине V в. [24, с. 134–135, рис. 3, б].

Погребение в могиле № 4 своей ориентацией отличается от погребений в могилах №№ 1 и 3 тем, что голова умершего уложена в северо-западном секторе. Судя по сохранившимся *in situ* антропологическому материалу, речь идет о труположении на спине с восточной ориентацией. Из погребального инвентаря сохранилось только сероглиняное биконическое пряслице. Несмотря на то, что

погребение в могиле является мужским, находки подобных пряслиц более характерны для женских и детских захоронений [3, с. 52]. Наличие четырех камней-подставок на дне могилы, по две в области головы и стоп, свидетельствует об использовании гроба или колоды, шириной более 0,40 м и длиной около 1,70 м.

Рис. 7. Могила с заплечиками № 1. Фото.

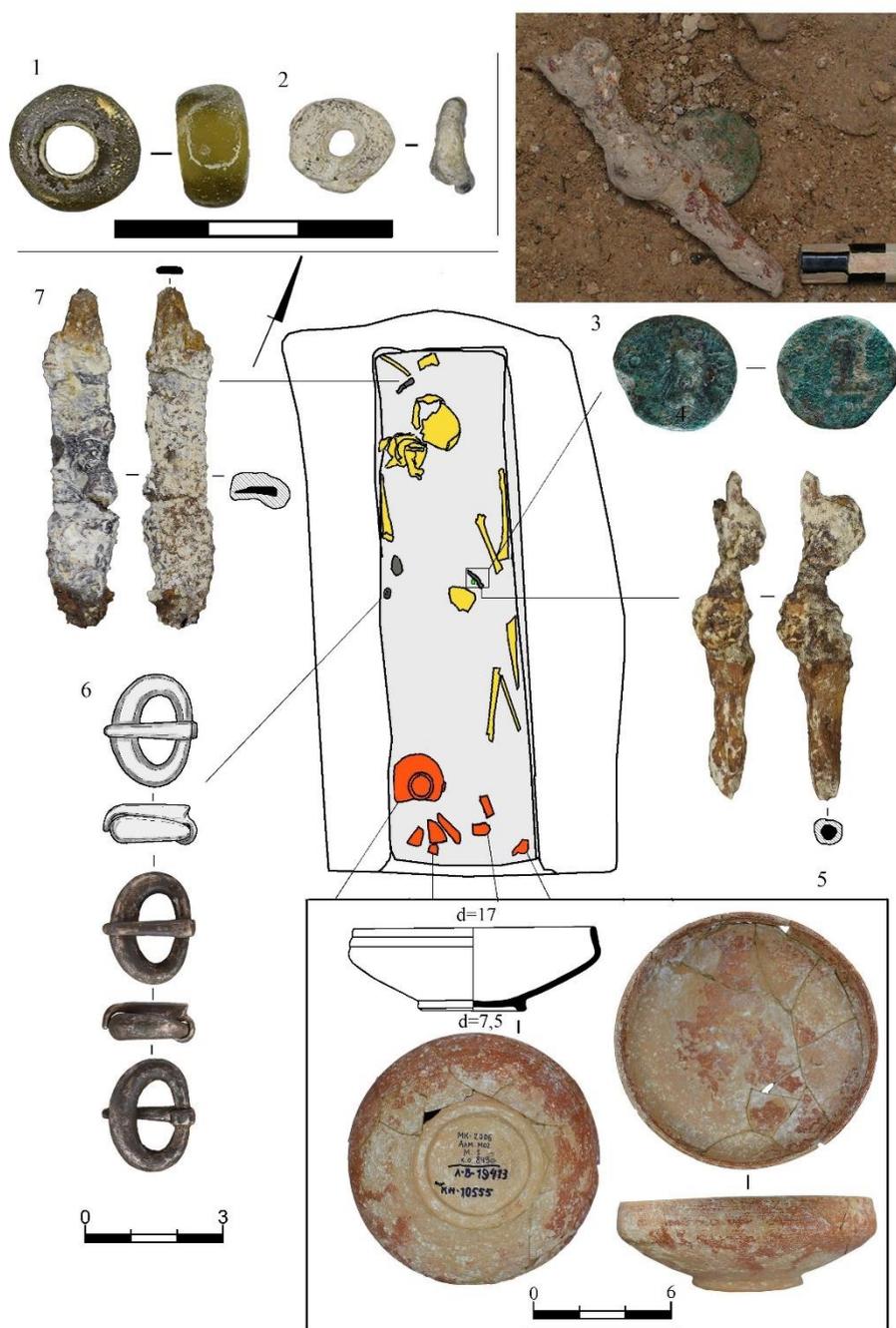

Рис. 8. Могила с запличиками № 1. Погребение и инвентарь.

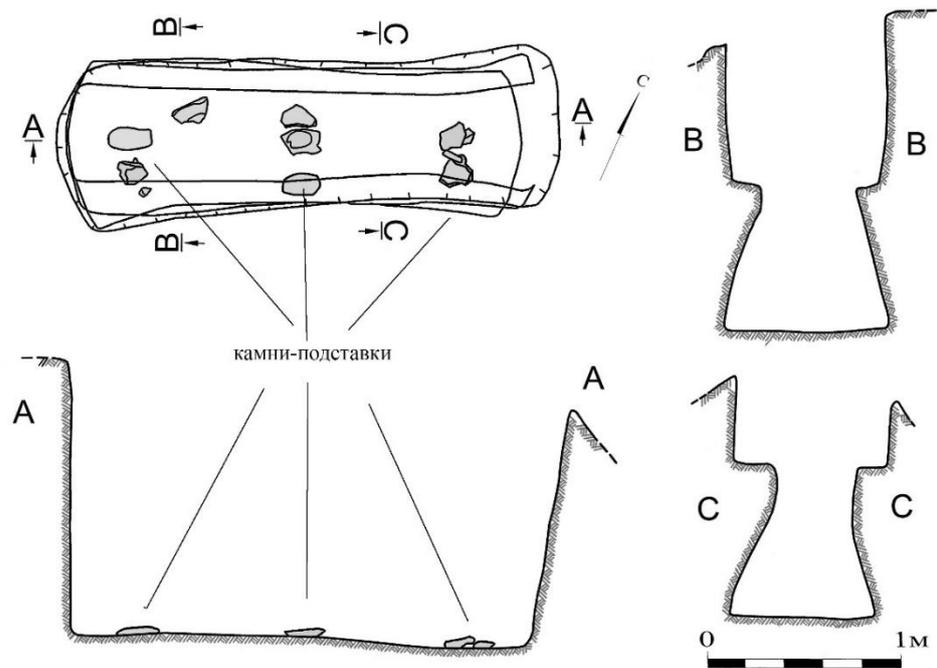

Рис. 9. Могила с заплечиками № 2.

В архитектурном плане все рассматриваемые погребальные сооружения имеют прямоугольную форму, иногда с круглыми углами. Боковые стенки зафиксированы как прямые, так и имеющие небольшой уклон. Углубления для погребенных также имели прямоугольную форму и были немного короче верхнего контура ямы. Во всех могилах отсутствовал заклад. Однако, по аналогии с такими могилами на других могильниках Крыма, можно предположить, что в качестве заклада применялись доски или каменные плиты [3, с. 43].

Несмотря на небольшое количество исследованных могил с заплечиками на Алмалыкском могильнике, их можно предварительно разделить на два типа. К типу 1 относятся могилы №№ 1, 3 и немного отличающаяся от них могила № 2. В них углубление для погребенного выкапывалась практически на всю длину входной ямы, при этом заплечики вырубались в боковых стенках. Могила №4 относится к типу 2. В ней камера выкопана с отступом не только от боковых, но и от торцевых стенок, ввиду чего заплечики, у данной конструкции имеются со всех сторон.

Закономерности в ориентации погребальных сооружений не прослеживаются. В могилах типа 1 погребения ориентированы в северо-западном секторе, для типа 2 – в восточном. Планиграфически могилы типа 1, не составляют регулярного ряда с какими-либо погребальными сооружениями и расположены несколько хаотично. Кроме этого, их ориентация немного отличается от расположенных рядом

погребальных сооружений. Могила с заплечиками № 4 находится в одном ряду и ориентирована также, как и расположенные рядом склеп № 195/2008 и подбойная могила № 40/2008. Являются ли три разноплановых погребальных сооружения частями одного упорядоченного погребального ряда, сказать сложно.

Рис. 10. Могила с заплечиками № 2. Фото.

Рис. 11. Могила с заплечиками № 2. Фото восточной стенки.

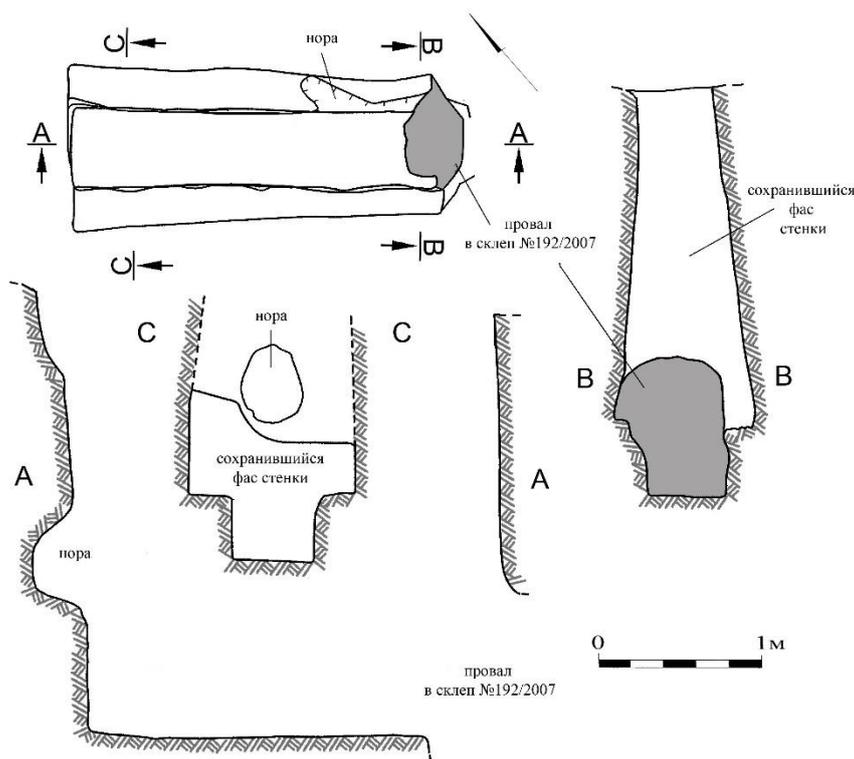

Рис. 12. Могила с заплечиками № 3.

Хронология. В могиле с заплечиками № 1 хронологическим индикаторами являются небольшая пряжка и краснолаковая миска 4-й формы по Ивановой (вторая половина IV – первой половины V вв.) [12, с. 40]. Эта миска схожа с формой 4А по К. Домжалскому и использовалась длительное время с начала IV по VI вв. При этом на Алмалыкском могильнике изделия формы 4А обычно относятся к V в. [27, s. 103, pl. 25]. Овальнорамчатая пряжка с выступающим острым загнутым язычком близка таким изделиям 3-го варианта второй половины IV – первой половины V вв. по А. И. Айбабину [1, с. 28]. Боспорский статер явно запаздывает относительно остального инвентаря и не может здесь рассматриваться в качестве хронологического индикатора. Судя по его плохой сохранности, монета использовалась длительное время.

В могиле № 3 датирующими находками являются овальнорамчатая бесщитковая пряжка и овальнорамчатые пряжки с овальным щитком с выступающими острыми загнутыми язычками. Они относятся к пряжкам третьего варианта второй половины IV – первой половины V вв. по А. И. Айбабину [1, с. 28]. Весь керамический инвентарь найден в грабительской яме, что не дает возможности использовать его для построения хронологии комплекса. Отметим

лишь, что в засыпи ямы обнаружен фрагмент стенки краснолакового сосуда открытого типа с остатками штампа, вероятно, группы LRC [12, с. 60, рис. 16, 104]. Подобные штампы обычно датируются периодом 360–450 гг. [31, s. 349, fig. 72]. Рассмотренные бесщитковые пряжки близки пряжкам типа 9 по И. Н. Храпунову, которые датируются IV вв. [26, с. 100]. В целом, овальнорамчатые пряжки с щитком или без него характерны для конца IV – первой половины V вв. [22, с. 303–319].

Рис. 13. Могила с заплечиками № 3. Фото.

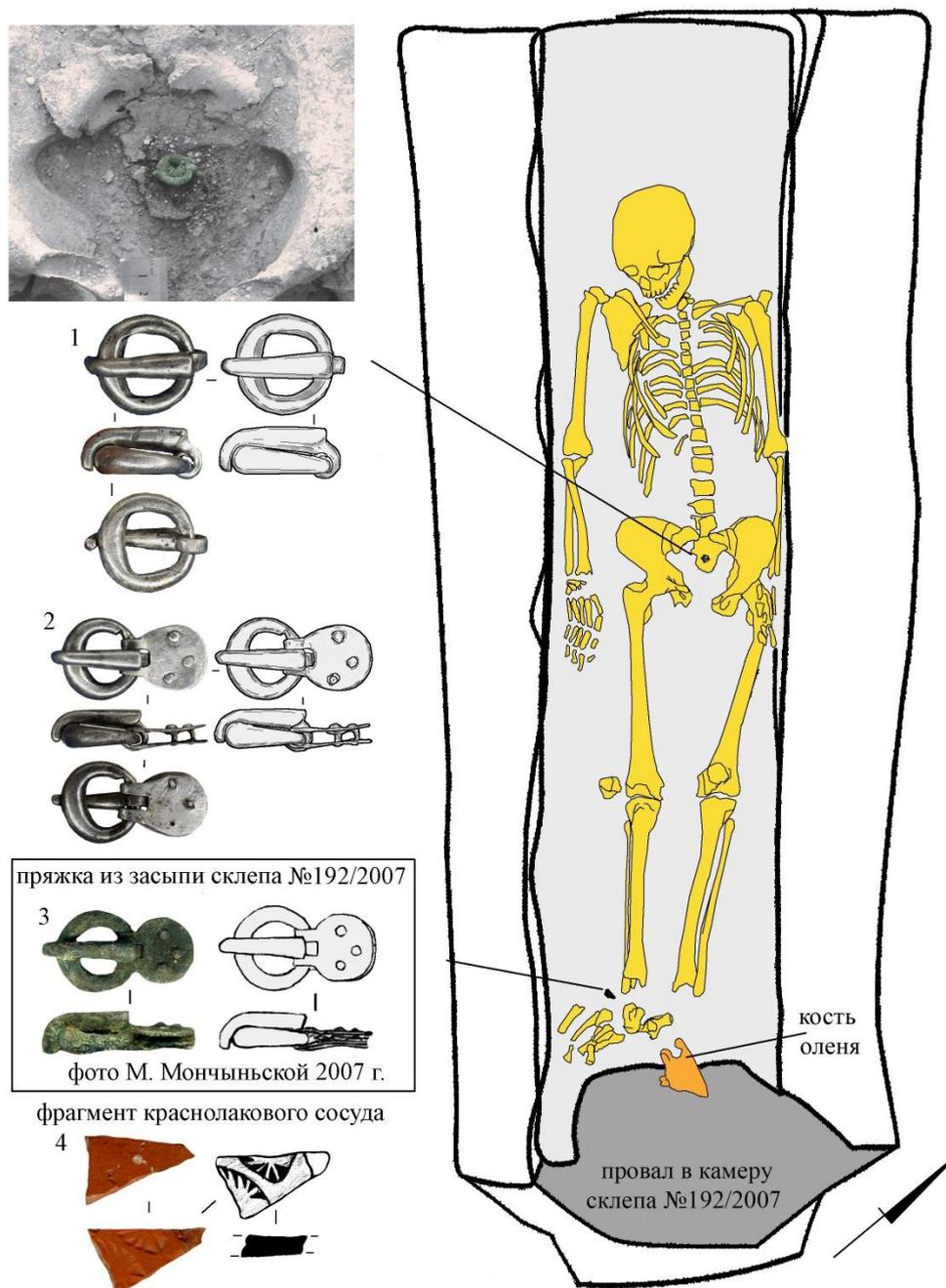

Рис. 14. Могила с заплечиками № 3. Погребение и инвентарь.

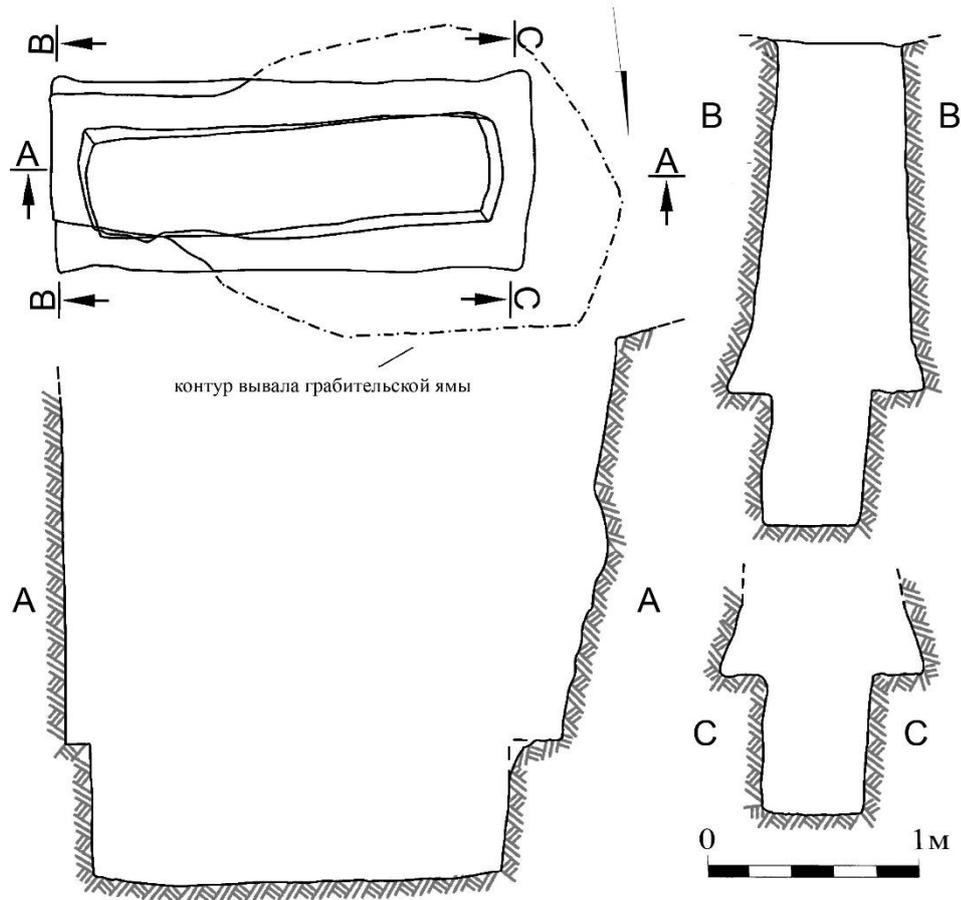

Рис. 15. Могила с заплечиками № 4.

Археологические находки из могил с заплечиками №№ 1 и 3 относятся к первой хронологической фазе истории Алмалыкского могильника (вторая половина IV – первая половина V вв.). Могила с заплечиками № 2, без находок в ее заполнении, находится на участке некрополя с погребальными сооружениями (подбойная могила № 18/2004, склепы № 184/2006 и № 185/2006), датируемыми этой же хронологической фазой [34, с. 14–15.], и, таким образом, синхронна им. Сильно ограбленную могилу с заплечиками № 4 датировать крайне сложно, но предположительно она, как и остальные подобные могилы Алмалык-дере, была сооружена на раннем этапе истории памятника. Косвенно это подтверждается находкой в слое ее «ограбления» венчика от краснолаковой тарелки формы 2 группы LRC (рис. 17, 2) [12, с. 56, рис. 16, 97], которая, по Дж. Хейсу, датируется 370–450 гг. [31, р. 327–329].

Рис. 16. Могила с заплечиками № 4. Фото.

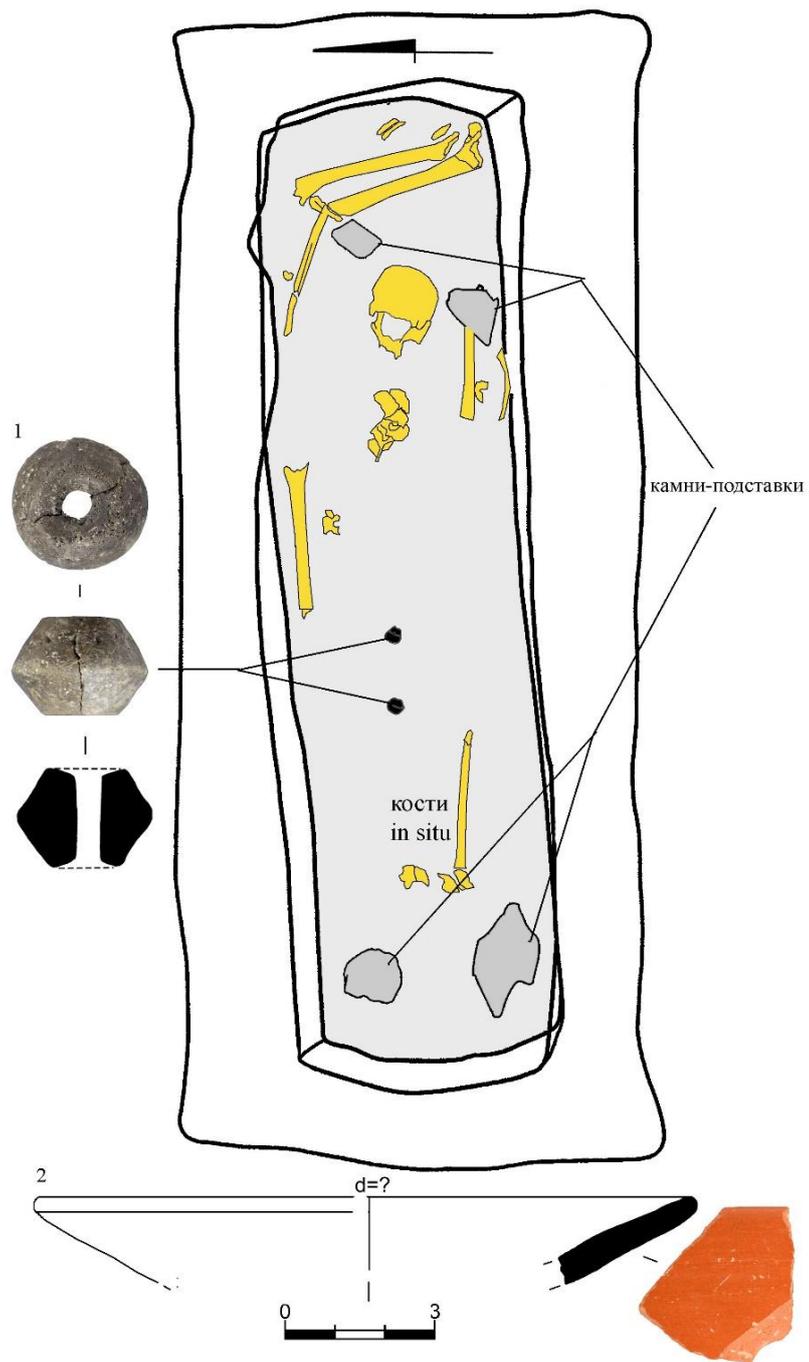

Рис. 17. Могила с заплечиками № 4. Погребение и инвентарь.

Выводы. Известные, на сегодняшний день, могилы с заплечиками из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере являются одним из самых малочисленных видов погребальных сооружений. Они обнаружены на значительном расстоянии друг от друга. К примеру, расстояние между могилами с заплечиками №1 и №4 составляет примерно 375 м. Таким образом, следует предполагать, что между ними могут встречаться и другие подобные погребальные конструкции.

При сравнении с другими погребальными сооружениями на территории Алмалык-дере, наиболее многочисленными склепами и подбойными могилами, могилы с заплечиками являются самыми непримечательными. Впрочем, это характерно и для других могильников Крыма рассматриваемого периода, где в таких могилах хоронили умерших с небольшим количеством инвентаря или даже без него [3, с. 43]. Очевидно, это свидетельствует о рядовом статусе погребенных. Лишь женское погребение в могиле №3 может указывать на более высокий социальный статус похороненной. Показателем этого выступают сопровождающие серебряные изделия в составе обувного набора и рацион питания умершей. Последний включал большое количество молока и молочных продуктов, но в целом был основан на мясной пище [8, с. 223].

В могилах с заплечиками в основном хоронили по одному человеку. Половозрастная структура погребений разнообразна и характеризуется захоронениями мужчин, женщин и детей. Выделить этнический компонент на основе имеющихся материалов раскопок пока не представляется возможным.

Как отмечалось выше, данный вид погребальных конструкций встречается в Крыму в разные периоды и на разных территориях. На Алмалыкском могильнике такие могилы относятся только к раннему этапу его истории. После середины V в. могилы с заплечиками на территории некрополя уже не фиксируются.

Список использованных источников и литературы.

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1990. – Вып. I. – С. 3–86.
Ajbabin A. I. Hronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1990. – Вып. I. – С. 3–86.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.
Ajbabin A. I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma. – Simferopol', 1999. – 352 s.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 366 с.
Ajbabin A. I., Hajredinova E. A. Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.). – Simferopol': ООО «Antikva», 2017. – 366 s.
4. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.
Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A.I. Srednevekovyye amfory Hersonesa // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Ekaterinburg, 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.
5. Волошинов А. А., Масыкин В. В. Могильник Сувлу–Кая III – первой половины V в. в Юго–Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 146–174.

- Voloshinov A. A., Masyakin V. V. Mogil'nik Suvlu-Kaya III – pervoj poloviny V v. v Yugo-Zapadnom Krymu: osobennosti pogrebal'nogo obryada i inventarya // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In-t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 146–174.
6. Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957. – С. 219–237.
- Vejmarn E. V. Raskopki Inkermanskogo mogil'nika v 1948 g. // Istorija i arheologija drevnego Kryma. – Kiev, 1957. – S. 219–237.
7. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии. – М.; Л., 1953. – № 34. – С. 419–429.
- Vejmarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nyh sten i nekropolya // Materialy i issledovaniya po arheologii. – M.; L., 1953. – № 34. – С. 419–429.
8. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.
- Gercen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. YU. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV – XVII vv.). – M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2017. – 272 s.
9. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Вып. XIII. Матер. науч.– практ. конф. по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России / ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Симферополь, 2020. – С. 111–128.
- Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gancev V. K., Iozhica D. V., Nabokov A. I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorec, «cerkov' 1968 g.», Almalykский mogil'nik // Istorija i arheologija Kryma. Вып. XIII. Матер. науч.– практ. конф. по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России / FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». – Simferopol', 2020. – S. 111–128.
10. Зайцев Ю. П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин-т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 102–123.
- Zajcev YU. P. Nekropoli Krymskogo Barbarikuma I–IV vv. n.e // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In-t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 102–123.
11. Земскова А. А. Классификация погребальных сооружений Европейского Боспора I–III вв. н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., Магнитогорск; Новосибирск, 2008. – Вып. XXI. – С. 459–467.
- Zemskova A. A. Klassifikaciya pogrebal'nyh sooruzhenij Evropejskogo Bospora I–III vv. n.e. // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – M.; Magnitogorsk; Novosibirsk, 2008. – Вып. XXI. – S. 459–467.
12. Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Вып. XV. – С. 26–88.
- Ivanova O. S. Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2009. – Вып. XV. – S. 26–88.
13. Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I – V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 279–289.
- Mul'd S. A. Mogil'niki varvarskogo naseleniya Kryma I – V vv. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1996. – Вып. V. – S. 279–289.
14. Науменко В. Е., Набоков А. И., Якушечкин А. В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка. VIII Междун. нумизматический симпозиум / ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Симферополь, 2021. – С. 163–172.
- Naumenko V. E., Nabokov A. I., Yakushechkin A. V. Neopublikovannye numizmaticheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovyh nekropolej Mangupa: mogil'niki Yuzhnyj I, Yuzhnyj II i Adym-Chokrak //

PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka. VIII Mezhdun. numizmaticheskij simpozium / FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». – Simferopol', 2021. – S. 163–172.

15. Науменко В. Е., Набоков А. И. Могильник Алмалык–дере Мангупского городища. Основные результаты археолого–топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской науч.-практ. конф. Симферополь, 9–10 дек. 2021 г. – Симферополь, 2022. – С. 102–117.

Naumenko V. E., Nabokov A. I. Mogil'nik Almalyk–dere Mangupskogo gorodishcha. Osnovnye rezul'taty arheologo-topograficheskikh issledovaniy 2020–2021 gg. // Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VIII Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Simferopol', 9–10 dek. 2021 g. – Simferopol', 2022. – S. 102–117.

16. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Набоков А. И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 183–194.

Naumenko V. E., Herzen A. G., Nabokov A. I. Almalyk burial ground in the pre-fortress (Late Roman) period of the history of the Mangup settlement // Roman burial ground Front 3: barbarians on the borders of the Empire / In–t. arheologii RAN. – M., 2022. – P. 183–194.

17. Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С. 3–50.

Puzdrovskij A. E., Zajcev Yu. P., Nenevolya I. I. Novye pamyatniki III – IV vv. n. e. v Yugo-zapadnom Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2001. – Vyp. VIII. – S. 3–50.

18. Радочин В. Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии – Симферополь, 2002. – Вып. IX. – С. 119–134.

Radochin V. Yu. Novye antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2002. – Vyp. IX. – S. 119–134.

19. Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика Погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 136–146.

Sviridov A. N., YAzikov S. V. Mogil'nik Frontovoe 3. Obshchie svedeniya i harakteristika Pogrebal'nogo obryada // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In–t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 136–146.

20. Сидоренко В. А. Исследования склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 329–330.

Sidorenko V. A. Issledovaniya sklonov gory Mangup // Arheologicheskie otkrytiya 1982 goda. – M.: Nauka, 1984. – S. 329–330.

21. Стржелецкий, С. Ф., Высотская, Т. Н., Рыжова, Л. А., Жесткова, Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. – 2003–2004. – Вып. IV. – С. 27–227.

Strzheleckij, S. F., Vysotskaya, T. N., Ryzhova, L. A., Zhestkova, G. I. Naselenie okrugi Hersonesa v pervoj polovine I tysyacheletiya novoj ery (po materialam nekropolya «Sovhoz №10») // Stratum plus. – 2003–2004. – Vyp. IV. – S. 27–227.

22. Строков А. А. Ременные гарнитур гуннской эпохи азиатского Боспора // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2009. – Вып. XXI. – С. 303–319.

Strokov A. A. Remennye garnitury gunnskoj epohi aziatskogo Bospora // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2009. – Vyp. XXI. – S. 303–319.

23. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2015. – Вып. XX. – С. 133–146.

Turova N. P., Chernysh S. A. Rannesrednevekovyj mogil'nik Aloniya (materialy issledovaniy 1998, 2001, 2002 gg.) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2015. – Vyp. XX. – S. 133–146.

24. Хайрединова Э. А. Обувные наборы V – VII вв. из Юго-Западного Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 125–160.
 Hajredinova E. A. Obuvnye nabory V – VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Simferopol'*, 2003. – Вып. X. – С. 125–160.
25. Храпунов И. Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
 Krapunov I. N. Sarmatizaciya predgornogo Kryma (do serediny III v. n.e.) // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Simferopol'*, 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
26. Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.).* – Симферополь, 2016. – Т. II. – С. 97–121.
 Hrapunov I. N. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Nejzac // *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. – IV v. n. e.).* – Simferopol', 2016. – Т. II. – С. 97–121.
27. Domzalski K. Pontic red slip ware typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the Black sea region. Warsaw, 2021. – 222 s.
28. Gertsen A., Maczyńska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa.* – Lódź, 2000. – S. 522–544.
29. Gertsen A. Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // *Byzantine and Rus' Seals.* – Kyiv, 2015. – S. 25–33.
30. Gercen A., Maczynska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemman J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk– deream Fuss des Mangup– plateaus // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches.* – Mainz, 2013– S. 125–141.
31. Hayes J. W. Late Roman Pottery. – London, 1972. – XXVII, 477 s.
32. Jacobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K. Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches.* – Mainz, 2013. – S. 335–359.
33. Maczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk– Dere near the Foot of Mangup // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period.* – Kristiansand; Simferopol, 2011. – P. 154–175.
34. Maczyńska M., Gercen A.G., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. – Mainz, 2016. – 205 s.

Nabokov A. I., Golev S. A. Graves with shoulders of the Almalyk burial ground

Four graves with shoulders are considered, originating from the Almalyk necropolis. This monument is one of the largest late Roman and early medieval necropolises in the Southwestern Crimea. Among those buried in graves with shoulders there are representatives of various sex and age groups. Graves with shoulders, according to the inexpressive surviving inventory, date back to the second half / end of the 4th – first half of the 5th centuries, thus, these complexes are one of the earliest burial structures at the burial ground in the Almalyk-dere gully. The grave goods are inexpressive, which may indicate the low social status of the burials. These burial structures are similar, but according to the location of the recesses for burials, they are conditionally divided into two types. Wooden or stone ceilings were not found during archaeological research. Topographically, shouldered graves are located at the northern end and in the southern part of the Almalyk necropolis. Radical differences from similar synchronous graves at other cemeteries in the Southwestern Crimea have not been identified.

Keywords: Almalyk burial ground, shouldered graves, burials, chronology, burial inventory.

УДК 902.01

**ГРАФФИТИ НА ФРАГМЕНТАХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
ИЗ РАСКОПОК СОЛХАТСКОГО ГОРОДИЩА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020–2021 гг.)¹**

Сейдалиев Э. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Институт археологии Крыма РАН
г. Симферополь, Российская Федерация*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: codexcummanicus@gmail.com*

Сейдалиева Д. Э.

*Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: djemka65@gmail.com*

Городище Солхат – золотоордынский памятник Крыма, материальная культура населения которого развивалась в рамках функционирования трех религиозных общин: мусульманской, иудейской и христианской. Все общины были полиэтничны. Материальной культуре христианского населения Солхата посвящено значительное количество публикаций. Исследования последних лет существенно пополнили материалы, относящиеся к истории христианской общины. В ходе раскопок 2020–2021 гг. было выявлено значительное количество фрагментов керамических сосудов, покрытых прочерченными по обожженной глине символами. Граффити условно делятся на две большие группы: маркирующие принадлежность сосудов или их содержимого определенному владельцу и предметы, используемые в христианской погребальной традиции. Большинство находок относятся к первой группе. Вторая группа представлена единичной находкой, происходящей из погребения, расположенного на территории нового объекта культурного наследия «Мусульманский некрополь». Объект был обнаружен в ходе реконструкции Старокрымского городского стадиона. В погребении, совершенном по исламской традиции, был выявлен фрагмент стенки керамического сосуда с нанесенным на внутренней поверхности граффити в виде креста, заключенного в овал или прямоугольник со скругленными углами. Черепки с крестами являются признаком христианской погребальной традиции, фиксируемой в Крыму в XIII – XIV вв. Наличие в мусульманском погребении на исламском некрополе элементов христианской погребальной обрядности, свидетельствует о тесной взаимосвязи христианской и мусульманской общин золотоордынской столица Крыма.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, Крым, христианская община, мусульманская община, керамика.

Городище Солхат является одним из крупнейших и наиболее изученных золотоордынских поселений Крыма, расположенное в юго-восточной части полуострова. Исследования городища систематически ведутся с 1978 г.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Золотоордынской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского¹. В ходе археологических исследований удалось сформировать объективные представления об исторической топографии средневекового города, его периодизации и основных этноконфессиональных группах населения.

Значительное количество публикаций в историографии посвящено истории христианской общины Солхата и памятникам ее материальной культуры [9; 11; 7, с. 38–41]. Христианское население Солхата было представлено различными этнорелигиозными группами [8, с. 390–395; 6, с. 324, 331; 7, с. 38–41]. Среди выявленных на городище артефактов особый интерес для исследователей представляют два надмогильных камня с нанесенными на них элементами христианской и мусульманской символики, уже неоднократно публиковавшихся [2, с. 228–241; 9, с. 282–305; 11, с. 139–145]. Первая плита, вероятно, стояла над погребением несторианина-сирийца, издана и детально проанализирована М. Г. Крамаровским. Второй памятник – надгробие некоего Авраамия, с надписью на греческом языке и датой 1361 г., было обнаружено А. В. Гавриловым и им же опубликованное [2, с. 228–241; 9, с. 282–305; 11, с. 139–145]. Анализ этих памятников позволил исследователям сделать вывод о «семантической дискретности» религиозных общин Солхата и их открытости для инноваций и взаимопроникновения культурных традиций [11, 144–145].

Материалы исследований последних лет существенно пополнили количество находок, относящихся, вероятно, к христианской культуре населения города, чему была уже посвящена их предварительная публикация [14].

В 2020–2021 гг. в ходе археологических раскопок участков XI – XIA (мечеть Куршун-Джами) и XLIX (могильник) было обнаружено 10 фрагментов керамических изделий с прочерченными по обожженной глине граффити в виде обычного креста, прямоугольников, параллельных линий и других геометрических фигур (Рис. 1). Керамические сосуды с граффити и их фрагменты неоднократно становились объектом различных исследований. Э. А. Хайрединова опубликовала фрагменты керамических сосудов с крестами из раскопок христианских погребений XIII – XIV вв. Юго-Западного Крыма и Судака [16]. Практика помещать в погребения черепки с нанесенными на них крестами была распространена в Византии. Она фиксируется также в Греции на протяжении X – XVI вв. и у христианского населения Золотой Орды (например, могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье) [3, с. 87; 4; 16]. Граффити на керамических сосудах из раскопок золотоордынских памятников встречается также достаточно часто. Аналогичные прочерченные линии известны на Царевском, Селитренном [13, 2006] и Увекском городищах [12; 15], в Азаке [17]. Традиционно фрагменты керамических изделий с прочерченными на них крестами фиксируются в погребальных комплексах христианского населения Крыма XIII – XIV вв., где этот

¹ Выражаем искреннюю благодарность М. Г. Крамаровскому за консультации в ходе работ с археологическим материалом.

элемент обрядности был заимствован из Византии, где, в свою очередь, он и фиксируется, начиная с X в. [16]

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов с граффити из раскопок городища Солхат в 2020–2021 гг.

ГРАФФИТИ НА ФРАГМЕНТАХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
ИЗ РАСКОПОК СОЛХАТСКОГО ГОРОДИЩА...

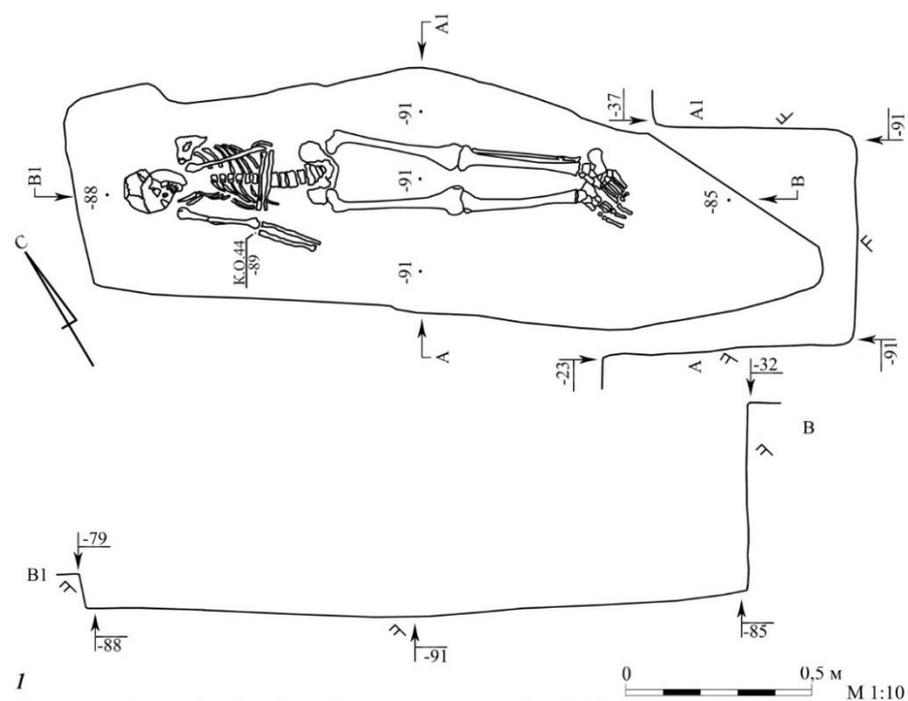

Рис. 2. Погребение № 9. 1 – Чертеж. Общій план и разрезы. 2 – Фотография. Общій план.

Наши исследования на мусульманских памятниках Солхата показывают, что прочерченные знаки на керамике встречаются и при раскопках памятников исламской культуры. В настоящей работе представлены находки фрагментов керамики с граффити по результатам археологических исследований городища в 2021 г, назначение которых различно. Можно разделить находки на две группы. К первой относятся артефакты, вероятно, не имеющие никакого отношения к христианскому погребальному культу, хотя и на них присутствуют граффити в виде креста. Вторая группа состоит из одного предмета, происходящего из средневекового погребения.

Основная часть фрагментов керамики с граффити происходит из раскопок участков XI и XIА (мечеть Куршун-Джами и территория перед ней)¹. В публикации представлены знаки, которые располагаются на ручках и стенках сосудов. В основном граффити прочерчены на черепках тонкой линией, достаточно небрежно. Большинство символов нанесены на фрагменты тарных сосудов, в том числе амфор типа Gensenin IV (производство Ганос) или класса 45 по ХК 1995 г. (Рис. 1,1,4,7,10). Обнаружен также единичный экземпляр черепицы типа «татарка» с прочерченным крестом (Рис. 1,8). Некоторые граффити прочерчены на красноглиняной столовой или кухонной посуде (Рис. 1,2,6,9). Контекст находок представлен следующим. Фрагмент овальной в сечении ручки от красноглиняной амфоры с граффити в виде трех параллельных друг другу линий обнаружен на раскопе XI (Куршун-Джами), при исследованиях квадрата 3` (Рис. 1,7; к.о. 54). Слой – серо-коричневый суглинок. Размер фрагмента 13,7 x 7,8 см. Культурный горизонт может быть широко датирован от времени хана Узбека (1313-1341) до середины XVIII в. (монетные находки – именные пулы хана Узбека, акче крымского хана Гази II Герая, деньга Российской империи 1748 г.)

Здесь же на участке 2`, в каменном завале, найден фрагмент средней части черепицы со светло-красным в изломе черепком (Рис. 1,8; к.о. 74). Граффити в виде креста нанесено снаружи. Размер 5,8 x 3,8 x 1,1 см. Среди сопутствующих находок выявлены фрагменты керамических сосудов, покрытых монокромной зеленой глазурью, с орнаментом в технике сграффито (группа «Monochrome (Green) Glazed Ware» и «Monochrome (Green) Sgraffito Ware»), местного солхатского производства, датируемые концом XIII – XIV вв.

На этом же раскопе в 2020 г. на участке №4, в дерновом слое, был обнаружен фрагмент стенки сосуда с нижним прилепом ручки овальной в сечении (Рис. 1,10; к.о.3). Снаружи сохранились остатки белого ангоба и рифления. Граффити в виде двух вертикальных линий, перечерченных одной горизонтальной и одной диагональной, нанесены на фрагмент снаружи. Размер 10,3 x 10,1 x 10,6 см. В том же слое был обнаружен данг золотоордынского хана Абдаллаха 770 г. хиджры (выпуск 1368/1369 гг.) и фрагмент каменного надмогильного камня. В монете

¹ Все находки переданы на хранение в Музей истории и археологии (г. Старый Крым) на правах отдела ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия».

пробито отверстие, что может косвенно указывать на использование ее в более позднее время в качестве амулета или нашивки на женский головной убор.

Для уточнения топографии округа мечети Куршун-Джами в 2020–2021 гг. вокруг нее были заложены шурфы, один из которых позже был расширен до размеров раскопа и получил условный номер ХІА, продолжая нумерации раскопов Старокрымской (Золотоордынской) экспедиции Государственного Эрмитажа. Участок №1 раскопа ХІА размерами 4 x 2 м расположен на территории археологической базы Крымского университета культуры искусств и туризма по адресу г. Старый Крым, ул. Стамова, 40, в 30 метрах к юго-востоку от угла мечети Куршун-Джами. В слое темно-коричневого суглинка, залегающего сразу под дерном обнаружено шесть фрагментов керамики с нанесенными на них граффити. Сопутствующий нумизматический материал датируется периодом от времени правления хана Узбека до хана Токтамышша (1380–1395). В первую очередь, обозначим фрагмент стенки тарного светло-красноглиняного сосуда с нижним прилепом ручки (Рис. 1,2; к.о.5). Снаружи на месте прилепа нанесено граффити в виде вертикальной и горизонтальной линий, образующих часть квадрата с крестом внутри. Размер фрагмента 5,7 x 4,2 см. Следующий фрагмент от овальной в сечении ручки красноглиняной амфоры. Граффити в виде креста нанесено на верхнюю сторону ручки (Рис. 1,3; к.о.7). Размер 5,4 x 4,6 см. На двух других фрагментах граффити выполнены в виде геометрических фигур. На фрагменте стенки от светло-красноглиняного тарного сосуда (амфоры?) граффити нанесено в виде незавершенного острого треугольника (Рис. 1,4; к.о.6). Его размер 8,2 x 6,6 см. Граффити в виде прямоугольника прочерчено на фрагменте ручки овальной в сечении от бледно-красноглиняной амфоры (Рис. 1,5; к.о.4). Его размер 3,9 x 4,2 см.

В историографии присутствует предположение, что прочерченные линии на тарных сосудах – это обозначения, которые передают информацию о товаре, и что на некоторых изделиях множество символов указывает на вторичное и неоднократное использование их в качестве тары [5]. Можем так же предположить, что указанные граффити могли указывать на принадлежность тары или товара в ней определенному купцу. Большинство находок с территории мечети Куршун-Джами относятся именно к такой категории материала. Вероятно, на этом месте до строительства мечети функционировали жилые кварталы, куда и попадали товары в сосудах, помеченных граффити. Отметим, что неподалеку от места раскопок располагались так называемые «кефинские» ворота средневекового Солхата, откуда товары ввозили в столицу золотоордынского Крыма [1, с. 106; 18, с. 168]. К югу от комплекса, согласно карты Ивана Лютова, располагался христианский квартал с церковью [1, с. 22]. По нумизматическому и сопутствующему материалу, археологические комплексы, в которых были обнаружены фрагменты керамики с граффити, в основном датируются концом XIII – концом XIV вв. Учитывая обстоятельства находок и характер нанесения на них символов (небрежные росчерки в подавляющем большинстве случаев), нет оснований для их атрибуции, как предметов христианского культа. Отметим также, что в основном граффити были прочерчены с внешней стороны сосудов, что может косвенно

свидетельствовать об их нанесении в период использования тары по своему прямому назначению.

В отличие от рассмотренных фрагментов находка с территории Старокрымского городского стадиона, вероятно, представляет собой элемент погребального обряда. В ходе реконструкции стадиона и работы тяжелой землеройной техники тут был обнаружен могильник, который, следуя переводу эпитафий на двух выявленных надмогильных плитах, а также исходя из особенностей зафиксированного погребального обряда, был определен как мусульманский некрополь конца XIII – XIV вв. [10, с. 198–202].

Всего в полевом сезоне 2021 г. здесь было исследовано 29 погребальных сооружений. Особый интерес вызвала могила № 9 и обнаруженные в ней находки (Рис.2). Как и все остальные погребения, оно совершено по мусульманскому обряду. Отметим, что для большинства погребальных сооружений на территории могильника наличие в их заполнении фрагментов керамических сосудов носит случайный характер. Наше погребение располагалось на границе участков Г и Д и представляло собой грунтовую могилу прямоугольной формы со скругленными углами, которая своей длинной осью была ориентирована по линии запад-восток, с небольшим отклонением к северо-западу. Длина могилы 1,65 м, ширина 0,65 м, глубина ямы 0,68 м. Пятно могильной ямы обнаружено на глубине 0,30 м от современной дневной поверхности. Стенки погребения вертикальные. Дно могилы в поперечном разрезе ровное. В продольном разрезе дно плавно понижается от западного и восточного бортов к центру на 0,03 м и 0,06 м, соответственно. Заполнение могилы представляло собой серый плотный суглинок. В нем были обнаружены фрагменты керамических сосудов, среди которых один вызвал особый интерес. Здесь же были выявлены в большом количестве железные кованые гвозди. На глубине 0,84 м от дневной поверхности обнаружено одиночное захоронение ребенка. Сохранность костяка хорошая. Длина костяка – 1,4 м, ширина – 0,34 м. Погребенный лежал на дне могилы, по центру, в вытянутом положении на спине, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, слегка согнута в локте, левая – согнута на 90 градусов в локте и находится на грудной клетке. Ноги вытянуты, расположены параллельно друг другу, стопы сомкнуты и направлены на юг.

Как видим, характер расположения костяка в могиле указывает на мусульманский погребальный обряд. В то же время наличие в заполнении могильной ямы фрагмента с прочерченным на нем крестом и кованных гвоздей (косвенное указание на гробовину?) может свидетельствовать о связи погребенного с христианской общиной Солхата. Обнаруженный фрагмент от стенки красноглиняного кувшина, вероятно, был использован специально для нанесения рисунка и помещения в могилу. Об этом может свидетельствовать тот факт, что граффити в виде креста, помещенного в неровный овал или прямоугольник со скругленными углами, было вычерчено на внутренней стенке изделия. Следовательно, рисунок был прочерчен уже после того, как сосуд разбился. Отметим также, что в отличие от девяти фрагментов с участков XI и XIА, граффити

на этом черепке прочерчены толстой линией, с определенной долей старания, что особенно хорошо видно на примере креста. Размер фрагмента 6,5 x 4,4 см.

Как уже было отмечено, граффити в виде креста на керамических фрагментах фиксируются как часть погребального обряда в христианских захоронениях Крыма XIII – XIV вв. Эта традиция была заимствована из Византии, где она прослеживается с X в. В то же время, прочерченные знаки на керамике встречаются и при раскопках мусульманских памятников.

Элемент христианского культа в погребении на мусульманском некрополе, по-видимому, отражает взаимосвязь этноконфессиональных общин золотоордынского Крыма на раннем этапе развития средневекового Солхата и, вероятно, некоторую религиозную дуалистичность некоторых представителей этих общин.

Список использованных источников и литературы:

1. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – 212 с.
Gavrilov A. V., Maiko V. V. Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkhologicheskoi karte goroda Staryi Krym). – Simferopol': Biznes-Infom, 2014. – 212 s.
2. Гаврилов А. В. Надгробие Аврамия из Старого Крыма // История и археология Крыма. Сборник статей / Отв. ред. В. В. Майко. – Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017. – Вып. V. – С. 228–241.
Gavrilov A. V. Nadgrobie Avramiya iz Starogo Kryma // Istoriya i arkhologiya Kryma. Vyp. V. Sbornik statei / Отв. ред. V.V. Maiko. – Simferopol': IP Brovko A. A., 2017. – Вып. V. – С. 228–241.
3. Гинькут Н. В. Погребение девочки с подвеской-кораллом из раскопок Консульской церкви генуэзской крепости Чембало (XIV в.) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI международной научной конференции (Севастополь, 3-7 октября 2022 г.) / Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. – М., 2022. – С. 83–94.
Gin'kut N. V. Pogrebenie devochki s podveskoi-koralлом iz raskopok Konsul'skoi tserkvi genuezskoi kreposti Chembalo (XIV v.) // Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sevastopol', 3-7 oktyabrya 2022 g.) / Отв. ред. V. V. Lebedinskii; ред.-sost. N. V. Gin'kut, Yu. A. Pronina. – М.: IV RAN, 2022. – С. 83–94.
4. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). – Запорожье, 2001. – 275 с.
El'nikov M. V. Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.). – Zaporozh'e, 2001. – 275 s.
5. Зеленко С. М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Восточноевропейский Археологический журнал. – Май-июнь 2000. № 3–4 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/zelenko.htm> (Дата обращения: 31.01.2022).
Zelenko S. M. Itogi issledovaniy podvodno-arkheologicheskoi ekspeditsii Kievskogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997-99 gg. // Vostochnoevropetskii Arkheologicheskii zhurnal. – Mai-iyun' 2000. – № 3–4 [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/zelenko.htm> (Data obrashcheniya: 31.01.2022).
6. Золотая Орда в мировой истории / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2016. – 968 с.
Zolotaya Orda v mirovoi istorii. Kollektivnaya monografiya. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016. – 968 s.

7. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. / Гос. Эрмитаж. – Москва: Фонд Марджани, 2019. – 504 с.
Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki. / Gos. Ermitazh. – Moskva: Fond Mardzhani, 2019. – 504 s.
8. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1055 с.
Istoriya tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 3: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – sredina XV v. – Kazan', 2009. – 1055 s.
9. Крамаровский М. Г. Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата) // Крымское историческое обозрение. – Казань-Бахчисарай, 2014. – №1. – С. 282–305.
Kramarovskii M. G. Kogo Allah vozvysit (eshche raz ob unikal'nom nadgrobiu XIV v. iz Solkhata) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – Kazan'-Bakhchisarai, 2014. – №1. – S. 282–305.
10. Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И. Новый могильник золотоордынского времени на городище Солхата: сакральное и материальное // Материалы Международной научной конференции XXIII Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. – Симферополь-Керчь, 2022. – С. 198–202.
Kramarovskii M. G., Seidaliev E. I. Novyi mogil'nik zolotoordynskogo vremeni na gorodishche Solkhata: sakral'noe i material'noe // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XXIII Bosporskie chteniya. Bospor kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe. – Simferopol'-Kerch', 2022. – S. 198–202.
11. Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с.
Kramarovskii M. G. Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya. – SPb.: Evraziya, 2012. – 496 s.
12. Кубанкина О. А. Знаки на керамике Увекского городища (по материалам раскопок 2011 г.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rosarheolog.ru/kubankina-o-a-znaki-na-keramike-uvekskogo-gorodishha-po-materialam-raskopok-2011-g/>. (Дата обращения: 31.01.2022).
Kubankina O. A. Znaki na keramike Uvekskogo gorodishcha (po materialam raskopok 2011 g.) [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://rosarheolog.ru/kubankina-o-a-znaki-na-keramike-uvekskogo-gorodishha-po-materialam-raskopok-2011-g/> (Data obrashcheniya: 31.01.2022).
13. Пигарев Е. М. Знаки на керамике Селитренного городища // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2006. – Вып. 8. – С. 249–256
Pigarev E. M. Znaki na keramike Selitrennogo gorodishcha // Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. – Volgograd, 2006. – Vyp. 8. – S. 249–256.
14. Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Фрагменты керамики с граффити из раскопок городища Солхат в 2021 г. // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д. В. Айналова / Ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 209–214.
Seidaliev E. I., Seidalieva D. E. Fragmenty keramiki s graffiti iz raskopok gorodishcha Solkhat v 2021 g. // Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posvyashchennoi 160-letiyu D. V. Ainalova / Red.-sost. V. V. Maiko, E. A. Khairidinova, T. Yu. Yashaeva. – Simferopol': IT «ARIAL», 2022. – S. 209–214.
15. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в Средние века. – М., 1974. – С. 89–129.
Fedorov-Davydov G. A., Vainer I. S., Guseva T. V. Issledovaniya trekh usadeb v vostochnom prigorode Novogo Saraya (Tsarevskogo gorodishcha) // Goroda Povolzh'ya v Srednie veka. – M., 1974. – S. 89–129.
16. Хайрединова Э. А. Фрагменты керамики с христианскими граффити из средневековых погребений Крыма // Античная древность и средние века. Вып. 49. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2021. – С. 193–218.

Khairedinova E. A. Fragmenty keramiki s khristianskimi graffiti iz srednevekovykh pogrebenii Kryma // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Вып. 49. – Екатеринбург: Izd-vo Ural. Un-ta, 2021. – S. 193–218.

17. Широченко Э. Б. Археологические исследования в городе Азове в 2008 году // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг.* – Азов, 2010. – Вып. 24. – С. 253–259.

Shirochenko E. B. Arkheologicheskie issledovaniya v gorode Azove v 2008 godu // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2007-2008 gg*. Вып. 24. Azov, 2010. – S. 253–259.

18. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Симферополь: изд-во «ДОЛЯ», 2008. – 272 с.

Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). – Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnnoe. – Simferopol': izd-vo «DOLYA», 2008. – 272 s.

Seidaliev E. I., Seidalieva D. E. Graffiti on fragments of ceramic vessels from the excavations of the Solkhat settlement (by the materials of research 2020–2021)

The settlement of Solkhat is a monument of the Golden Horde of Crimea, the material culture of the population of which developed within the framework of the functioning of three religious communities: Muslim, Jewish and Christian. All communities were polyethnic. A significant number of publications are devoted to the material culture of the Christian population of Solkhat. Research in recent years has significantly expanded the materials relating to the Christian community. During excavations in 2020–2021 a significant number of fragments of ceramic vessels were found, covered with symbols traced on baked clay. Graffiti on potsherds is conventionally divided into two large groups: those marking the belonging of vessels or their contents to a particular owner, and items used in the Christian burial tradition. Most of the finds belong to the first group. The second group is represented by a single find coming from a burial located on the territory of a new cultural heritage site, the Muslim Necropolis. The object was discovered during the reconstruction of the Starokrymsky city stadium. In the burial, made according to the Islamic tradition, a fragment of the wall of a ceramic vessel with graffiti in the form of a cross enclosed in an oval or a rectangle with rounded corners was found. Sherds with crosses are a sign of the Christian burial tradition recorded in the Crimea in the 13th – 14th centuries. The presence of elements of Christian funeral rituals in a Muslim burial in an Islamic necropolis testifies to the close relationship between the Christian and Muslim communities of the Golden Horde capital of Crimea.

Keywords: Golden Horde, Solkhat, Crimea, Christian community, Muslim community, ceramics.

УДК 930/902.01

КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА В X – XV ВВ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ¹

Цапко С. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sveta.tsapko.98@mail.ru.*

Кресты-тельники – это небольшие крестики, которые носили на шнурке или цепочке на шее. История изучения данной группы материалов, происходящих из основных христианских памятников Крыма X – XV вв., включает в себя несколько периодов историографических штудий. Первый период (дореволюционный) напрямую связан с исследованиями К. К. Костюшко-Валюжинича на памятниках Херсонеса. В дальнейшем в советское время происходит накопление археологического материала, но в публикациях кресты-тельники представлены слабо. С начала 1990-х годов и по наше время, началась систематизация и публикация обнаруженных крестов-тельников. Наибольшее число опубликованных предметов было обнаружено на территории Херсонеса, Судака и памятников Южного берега Крыма. На сегодняшний день опубликовано около 80 тельников. Для них разработана предварительная типология нательных крестов, включающая семь основных типов данной группы предметов христианского личного благочестия. Выделенные типы в основном отличаются своей морфологией, деление их обусловлено разницей формы завершения концов и ветвей.

Ключевые слова: нательные кресты, предметы личного благочестия, памятники, историография, классификация, тип.

На рубеже IX – X вв. завершается процесс христианизации населения средневекового Крыма. Укрепление позиций церкви способствовало унификации погребального обряда местных жителей. Грунтовые некрополи повсеместно сменяются плитовыми христианскими могилами [7, с. 130]. С этого времени окончательно складывается средневековая церковно-территориальная организация полуострова, в основе которой лежит принцип одновременного существования в регионе пяти епархий – Херсонской, Боспорской, Готской, Сугдейской и Фульской [34, с. 125]. Лишь турецкое завоевание конца XV в. разрушит основы средневековой культуры христианского населения Таврики [11, с. 305].

В X – XV вв. в повседневной культуре населения Крыма важное место заняли предметы личного благочестия, в том числе кресты-энколпионы, крестовидные подвески и кресты-тельники. Кресты-тельники, изучение которых является предметом данной статьи – это небольшие крестики, которые носили на шнурке или цепочке на шее. Они указывали на причастность и единение верующих с церковью

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

и выполняли защитно-охранительную функцию, заложенную в самой символике креста. Нательные кресты делали из различных материалов – металлических сплавов, дерева и камня. Основными технологиями изготовления были резьба и литье, но также активно использовались и разнообразные способы обработки металлических изделий, такие как чеканка, волочение проволоки, зернь, покрытие эмалью и многие другие. Особое значение придавалось не только материалу, из которого был сделан тот или иной крест, но и его форме.

Кресты-тельники, бытовавшие в Крыму в X – XV вв., до сих пор не были предметом специального исследования. Как правило, они присутствуют при публикации археологических комплексов, где были найдены, реже в исследованиях, посвященных истории ювелирного дела или погребальной христианской обрядности. Таким образом, можно предположить, что издана лишь незначительная часть корпуса таких предметов личного благочестия.

Изучение предметов христианского культа начинается еще в конце XIX в. и продолжается до настоящего времени. Обзор литературы уместно начать с исследований, посвященных Херсонесу – Херсону, который на протяжении всего периода средневековья являлся главным христианским центром Таврики, и поэтому большая число таких находок обнаружено именно на его территории.

Первые раскопки Херсонеса имели ярко выраженный церковно-археологический характер, основной задачей которых являлся поиск места крещения древнерусского князя Владимира [33, с. 305]. Н. П. Кондаков неоднократно отмечал, что именно Херсонес остается практически единственным местом византийских древностей на территории России. В его монографии «Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода», изданной в 1896 г., особое внимание было уделено предметам личного христианского благочестия. Необходимо отметить, что именно Н. П. Кондаковым в 80-е гг. XIX в. был разработан сравнительно-иконографический метод, а также поставлена задача изучения литургического устройства ранневизантийских церквей и их иконографии [10, с. 641]. Кроме того, им были сделаны первые обобщения сведений относительно датировки и распространения «сиро-палестинских» крестов-энколпионов [21, с. 125].

Церковно-археологическое направление продолжало преобладать в деятельности Императорской Археологической комиссии (1887–1914 гг.) Особо значимыми являлся в этом смысле был период 1888–1907 гг., когда руководителем раскопок в Херсонесе являлся К. К. Косцюшко-Валюжинич. В его опубликованных отчетах 1890–1903 гг., а также в работах, изданных в Известиях Императорской Археологической комиссии, среди предметов христианского культа представлены в основном кресты-энколпионы, но изредка встречается описание и обычных нательных крестов. К сожалению, все они опубликованы без указания точного места находок и, соответственно, ясного археологического контекста [23, с. 3-34; 24, 13-25].

События 1917 г. стали настоящей катастрофой для византиноведения и церковной археологии в России. Многие исследователи истории христианской

церкви, в связи с господством атеистической идеологии, были вынуждены выехать за границу. В 1927–1928 гг. были закрыты Херсонесская комиссия ГАИМК, Византино-Русская комиссия и журнал «Византийский временник», а также отделение византийского искусства в Государственном Эрмитаже. Продолжались только полевые исследования на территории Херсонеса, Эски-Кермена и Кавказа. В таких условиях важную роль в сохранении традиций византийской и церковной археологии сыграла работа сотрудников научных фондов и архивов Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Государственного Русского музея и др., где хранились памятники византийского искусства и археологии, и где продолжала проводиться работа по их изучению и реставрации [10, с. 232–252].

В послевоенное время традиционные направления византийской археологии обрели, наконец, широту и системность. Активное развитие получило изучение памятников церковного искусства и архитектуры, в том числе интересующих нас крестов-тельников. Однако, материал продолжал достаточно редко вводиться в научный оборот. Из немногих примеров, опубликованных в 50–80-х гг. XX в., нательных крестов отметим статью М. А. Тихановой, посвященную итогам раскопок Большой Мангупской базилики в 1938 г., где приведено изображение сильно деформированного железного креста из погребения № 108 снаружи западной стены памятника, которое датируется в пределах XI – XIII вв. [36, с. 356]. Можно предположить, что ввиду своего расположения на погребенном (в районе ключицы) находка может быть интерпретирована в качестве нательного крестика.

С начала 1990-х гг. отмечается резкое увеличение количества публикаций нательных крестов, происходящих из раскопок различных археологических памятников Крымского полуострова.

Особую роль в публикации материалов Херсона сыграли изданные в 1991 и 2011 гг. каталоги византийской коллекции Херсонесского музея-заповедника. Всего в них изданы порядка 15 крестов-тельников, происходящих из различных археологических комплексов городища, в том числе связанных с дореволюционными раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича. Все предметы отнесены к отдельным категориям изделий из металла, кости и камня. В каталогах представлены качественные иллюстрации, приведены аналогии и размеры предметов, указаны географические регионы, откуда эти типы крестов могли происходить [14; 33].

Аналогичный подход к изучению крестов-тельников применен в статье Л. Г. Колесниковой «Связи Херсонеса – Корсуни с племенами Восточной Европы в домонгольский период», в которой опубликованы девять нательных крестов и четыре крестовидные подвески из раскопок Херсонеса [20, с. 129–150]. Все эти предметы датируются в пределах X – XIV вв.

В статье С. В. Ушакова, посвященной результатам археологических исследований квартала ХСVII Херсонесского городища, издан уникальный керамический крест с латинской надписью [39, с. 298]. Это пока единственная

публикация керамического нательного креста с изображением сцены Распятия. К сожалению, аналогии изделию отсутствуют.

Помимо Херсонеса важную роль в истории средневековой Таврики играла Сугдея, центр Сугдейской епархии, начиная с середины VIII в. и вплоть до 1578 г. С 1963 г. М. А. Фронджуро приступил к широкомасштабным раскопкам памятников Судакского региона. В ходе этих исследований им были обнаружены и опубликованы бронзовые кресты-мощевики на территории некрополя Судак-II. Дальнейшее изучение христианских памятников Судакской крепости и ее окружи было продолжено И. А. Барановым, В. В. Майко, А. В. Джановым и А. М. Фарбеем.

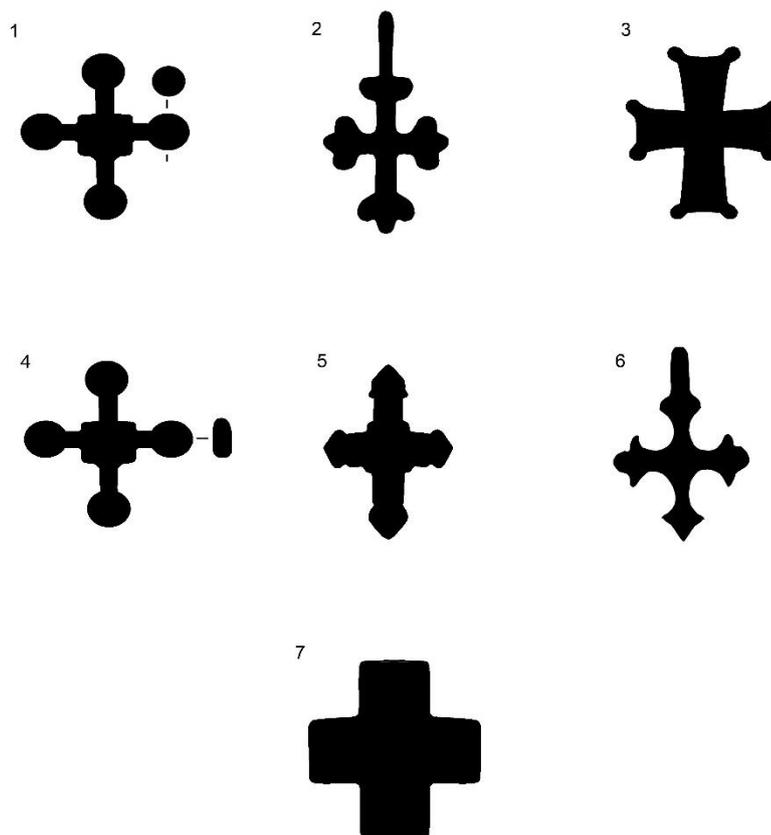

Рис. 1. Основные типа крестов-тельников X-XV вв. на территории Крыма: 1 – тип 1; 2 – тип 2; 3 – тип 3; 4 – тип 4; 5 – тип 5; 6 – тип 6; 7 – тип 7.

Практически все предметы личного благочестия из раскопок Судака, на сегодняшний день, опубликованы в многочисленных работах В.В. Майко, в том числе его монографиях «Восточный Крым во второй половине X – XII вв.» [26], «Средневековые некрополи Судакской долины» [30] и в статье «Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей» [28, с. 95–100]. В этих исследованиях много внимания уделено крестам-энколпионам, подвескам, христианским медальонам и крестам-тельникам, происходящим из некрополей Судак-II, Судак-V, у храма св. Параскевы на северо-западном участке посада крепости, у храма 1993 г., на участке куртины XV Судакской крепости, Судак IX. Все кресты-тельники в работах В. В. Майко имеют качественные иллюстрации, точную привязку к археологическим комплексам и обоснованные аналогии.

Особо необходимо отменить публикации, посвященные христианским древностям Керченского полуострова, а именно результатам раскопок на территории и в округе церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи. В статьях Т. И. Макаровой «Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи» и «Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи» опубликованы нательные кресты из раскопок прихрамового некрополя этой церкви [31, с. 344–392; 32, с. 346–353]. Из детского погребения №28 происходит бронзовый литой нательный крестик в виде энколпиона, из погребений №№ 35 и 36 – нательные кресты, скрученные из серебряной проволоки. Археологические комплексы, по мнению автора раскопок, датируются в пределах XII – XIII вв.

Большое количество нательных крестов обнаружено в ходе исследований так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. В статье А. Г. Герцена, посвященной раскопкам церкви св. Константина в центральной части Мангупского городища, издан нательный крест из зеленой яшмы с серебряной оковкой, а также створка энколпиона. Погребение, откуда они происходят, датируется в пределах XV – XVI вв. [11, с. 308]. В коллективной монографии 2017 г., посвященной результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупа, опубликованы несколько нательных крестов из раскопок церкви св. Георгия и так называемой «церкви 2015 г». Находки, скорее всего, связаны с периодом функционирования храмовых комплексов и датируются XIII – XIV вв. и концом XV и [12, с. 107–108, 139]. Отметим также уникальный костяной крест с монограммами из раскопок Большой Мангупской базилики. Он был обнаружен в заполнении гробницы №3, открытой в северном нефе храма еще в 1968 г. Находка датируется серединой XIV – третьей четвертью XV вв. [17, с. 363–375].

Еще одна находка бронзового литого нательного креста с круглыми медальонами на концах и квадратным средокрестием происходит из раскопок «пещерного города» Тепе-Кермен. Крест обнаружен в гробнице в скальной часовне-мемории, над входом в «храм с баптистерием». По мнению автора исследований, этот тип крестика византийского происхождения датируется XIII – XIV вв. [35, с. 81–98].

Множество предметов личного благочестия опубликованы в работах, посвященных раскопкам отдельных храмовых комплексов Южного берега Крыма.

В 1995 г. была опубликована статья В. Н. Залесской «Клад из Ай-Василя: об историко-культурных связях средневековой Ялты». В состав клада, помимо монет, входили серебряные, частично позолоченные, предметы, среди которых можно выделить два довольно редких нательных креста с иконографическими изображениями. Подобные кресты были найдены в 1995 г. в ходе раскопок христианского монастырского комплекса X – XVI вв. на юго-восточном склоне г. Аю-Даг, в бухте Панаир, а также при раскопках 2005 г. генуэзской крепости Чембало [1, с. 109–115; 3, с. 223]. Исследователи относят их к так называемому «латинскому типу» нательных крестов.

В статье Н. П. Туровой «Культовый комплекс на вершине Ай-Петри» издан нательный крест, случайно обнаруженный на вершине этого горного плато. Скорее всего, он связан с расположенным здесь христианским комплексом и датируется в пределах IX – XIII вв. [37, с. 286–332]. В еще одной работе Н. П. Туровой «Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой» среди разнообразных находок из этого памятника приведены восемь нательных крестов с оглавием в виде плоского ушка. Один крест из белого металла обнаружен внутри предполагаемой храмовой постройки, в верхней части слоя ее разрушения. Еще два нательных креста из медного сплава с выемчатой эмалью (с одной стороны – желтой, с другой – зеленой) найдены там же. Автор указывает, что подобные изделия были широко распространены на территории Древней Руси в домонгольское время и датируются XI – XII вв. Аналогии подобного рода крестам-тельникам на памятниках Крыма не известны. В пещере Иограф также был обнаружен фрагмент нательного четырехконечного равностороннего креста с трехчастным завершением лопастей, датируемый XII в., и небольшой ажурный нательный янтарный крестик. Среди подъемного материала выделяется фрагмент, напоминающий часть подтреугольного окончания ветви пластинчатого креста, с точечным пуансонным орнаментом по краю. В пещере Иограф II найдено еще два нательных креста и, видимо, фрагмент третьего, от которого сохранилось лишь его оглавие. Один из крестов изготовлен из оловянистой бронзы и датируется XI – XII вв. Другой крест – двухсторонний четырехконечный с шаровидными концами, датируется XI – XIV вв. [39, с. 93–173]

В работе И. Б. Тесленко и А. В. Лысенко «Дом ремесленника на посаде Алуштинского городища» для нас наиболее примечателен бронзовый четырёхконечный равносторонний крест-тельник с шаровидным завершением прямых тонких лучей, ромбическим средокрестием и петелькой для подвешивания. Авторы датируют его в пределах XII – XIII вв. [25, с. 198–228].

Подводя итоги историографическому обзору можно сделать несколько выводов. В первую очередь, следует отметить, что рост интереса к публикации крестов-тельников X – XV вв. наметился лишь в последние десятилетия. В основном в литературе представлены материалы, происходящие из раскопок Херсонеса, Судака и его окрестностей, а также некоторых памятников Южного

берега Крыма. Проблемы производства, морфологии и хронологии данного корпуса находок практически не затрагиваются.

Судя по количеству опубликованных находок (всего сейчас известно около 80 крестов-тельников), существует необходимость хотя бы предварительной их классификации, отсутствие которой является практической проблемой в современной археологии средневекового Крыма. Здесь выделяются две содержательные работы Э. А. Хайрединовой «Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма» [42, с. 151–182] и «Early medieval Crosses from the South-Western Crimea» [43, р. 417–440], в которых автор предлагает свою типологию крестов для периода VI – IX вв. Подобных работ для крестов-тельников X – XV вв. пока не существует.

Крайне необходимо также отметить монографию Л. Дончевой-Петковой, «Средневековни кръстове енколпиони от България IX – XIV вв.», в которой опубликован корпус находок средневековых крестов-энколпионов с территории Болгарии (всего 1350 предметов, в том числе 636 креста-реликвария). Исследование базируется, преимущественно, на археологических материалах, достаточно хорошо датированных, что дает возможность проследить особенности использования и эволюции различных типов византийских крестов населением региона [12]. Кроме того, Л. Дончевой-Петковой изучены вопросы возникновения крестов, их символики и функций, создана классификация, в которой находки разделены по материалу, форме, способу изготовления и своей иконографии. Подобный подход необходимо применить при создании будущей классификации крестов-тельников для средневекового Крыма.

Ввиду того, что нателные кресты из Крыма в основном отличаются своей морфологией, деление их на типы обусловлено разницей формы завершения концов и ветвей, а не иконографическими изображениями. На данный момент, на основе опубликованных материалов, удалось предварительно выделить семь основных типов крестов-тельников, характерных для памятников средневековой Таврики в X – XV вв. Ниже представлено их описание с перечнем наиболее показательных, на сегодняшний день, находок.

Тип 1: кресты с шарообразными завершениями лучей (рис. 1, 1). На сегодняшний день, известно 13 таких находок. Пять из них найдено при раскопках Херсонеса [33 с. 529, рис. 205; 20, с. 131, 137, рис. 1, 8, 3, 5а, 5б, 8], три – пещерного христианского комплекса на хребте Иограф (пещера Иограф I и Иограф II) [39, с. 116, 118, рис. 36, 37], по одному обнаружено на территории некрополя у Дозорной башни средневековой Сугдеи [28, с. 99, рис. 1,10], в могиле № 27 некрополя Судак-IX [26, с. 172, рис. 184,8], в слое разрушения «дома ремесленника» на посаде Алуштинского городища [25, с. 206, рис. 14,8], в погребении 1963 г. около церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи [32, с. 349], в слое пожара храма у западного подножия горы Килиса-Кая [27, с. 107, рис. 2, 6].

Тип 2: кресты-тельники с завершениями лучей в виде трилистника (рис. 1, 2). Опубликовано 13 таких находок. Восемь тельников найдено при раскопках Херсонеса [33, с. 478, 529, рис. 104, 105, 203, 204; 20, с. 131, 137, рис. 1, 10, 3, 6а, 6б,

3, 9], по одному из могилы № 216 некрополя Судак-II [26, с. 172, рис. 184, 7], могилы № 24 некрополя на участке куртины XV Судакской крепости [30, с. 243, рис. 153, 12], из «церкви 2015 г.» Мангупского городища (гробница № 1, 2-й слой) [12, с. 118, рис. 81, 5], пещеры Иограф I [39, с. 116, рис. 37], усадьбы 2 (помещение №6) городища Эски-Кермен [8, с. 11, рис. 2, 1].

Тип 3: кресты-тельники с расширяющимися концами, так называемые ширококонечные (рис. 1, 3). Всего известно семь таких находок. Две из них происходят из Херсонеса [33, с. 516, рис. 184; 36, с. 175, рис. 12], две – из раскопок Большой Мангупской базилики [17, с. 364, рис. 4, 1; 37, с. 356, рис. 21, б], по одной – из раскопок крепости Чембало [6, с. 25, рис. 39, 2], могилы №5 некрополя у храма 1993 г. в портовой части Сугдеи [30, с. 230, рис. 140, 1], и пещеры Иограф I [39, с. 117, рис. 37].

Тип 4: круглоконечные кресты с плоским округлым завершением концов (рис. 1, 4). Известно шесть таких находок. Две происходят из раскопок некрополя около церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи (погребения №№ 35 и 36) [31, с. 381, рис. 18, 2, 27], по одной из Херсонеса [20, с. 137, рис. 3, 7], пещеры Иограф [39, с. 117, рис. 37], скальной часовни-мемории на городище Тепе-Кермен [35, с. 91, рис. 6, 31], а также подводных археологических исследований в Судакской бухте [26, с. 175, рис. 184, 17].

Тип 5: остроконечные нательные кресты с завершением концов в виде каплевидных отростков (рис. 1, 5). Всего известно 10 таких находок. По одной найдено на территории Херсонеса [15, с. 217, рис. 22, 3], некрополя Судак-IX [28, с. 98, рис. 1, 8], в могиле №8 некрополя на участке куртины XV Судакской крепости [30, с. 245, рис. 151, 8], некрополя у храма 1993 г. в портовой части Сугдеи [30, с. 245, рис. 140, 2], две – в заполнении коллективной могилы некрополя у Дозорной башни Судакской крепости [28, с. 98, рис. 1, 1, 4], три таких крестика обнаружены как подъемный материал на территории Судакской крепости [28, с. 98, рис. 1, 6, 7, 9].

Тип 6: криновидные нательные кресты, которые отличаются своеобразной формой лучей в виде крины (лилии) (рис. 1, 6). Среди опубликованных крестов-тельников эта форма одна из наиболее популярных в X – XV вв. Всего, на сегодняшний день, изданы 17 таких находок. На территории Херсонеса найдено два таких крестика [33, с. 450, 530, рис. 49, 206], еще два происходят из клада около деревни Ай-Василь близ Ялты [18 с. 257, рис. 9, а, б] и раскопок крепости Чембало [5, с. 51, рис. 84], пять обнаружены в пещерах Иограф I и Иограф II [39, с. 117, 118, рис. 36, 37]. По одному подобному тельнику найдены в храме у подножия г. Килиса-Кая, на некрополе на участке куртины XV Судакской крепости (могила №18) Ялты [30 с. 245, рис. 153, 9], монастырском комплексе в бухте Панаир [2, с. 109, рис. 2], на вершине плато Ай-Петри (подъемный материал) [38, с. 288, рис. 6], а также при подводных исследованиях в Судакской бухте. [26, с. 170, рис. 184, 1]

Тип 7: прямоугольноконечные кресты с концами ветвей в виде примерного прямоугольника (рис. 1, 7). Данный тип крестов-тельников представлен в литературе 16 находками. Шесть происходят из раскопок Херсонеса [33 с. 449, 450,

рис. 47, 48; 14, с. 169, рис. 178; 20, с. 130, рис. 1, 4, 5; 41, с. 298, рис. 8], три – из некрополя на участке куртины XV Судакской крепости (могилы №№4, 7, 9) [30, с. 234, рис. 84, 21; 13, с. 356, рис. 2, 4] и по одному – из раскопок прихрамового некрополя монастыря в урочище Димитраки (могила № 4) [9, с. 610, рис. 12, 1], некрополя Судак- II [30, с. 41, рис. 66, 10], и Судак-V [30, с. 245, рис. 97, 6], «городского зольника» Сугдеи [26, с. 174, рис. 184, 21], а также с территории храма Рождества св. Иоанна Предтечи в Верхней Массандре [40, с. 347, рис. 11, 8].

Нательные кресты, обнаруженные на памятниках средневековой Таврики разнообразны. Полностью идентичных экземпляров выявить практически не удалось. Это указывает на их достаточно широкое распространение среди местного населения и, вероятно, преобладание кустарного характера изготовления. Более же основательные выводы об истории распространения и изготовления крестов-тельников на территории средневековой Таврики в X – XV вв. можно будет сделать лишь после серьезной ревизии имеющихся в научных центрах полуострова архивных материалов, а также по результатам комплексного исследования самих предметов, ныне хранящихся в фондах Херсонесского и Бахчисарайского музеев-заповедников, музея-заповедника «Судакская крепость», Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, Центрального музея Тавриды и Ялтинского историко-литературного музея, в том числе с привлечением естественно-научных методов их изучения.

Список использованных источников и литературы

1. Адаксина С. Б. Две новые находки энколпионов с горы Аю-Даг // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины.– Киев; Судак, 2002.– С. 14–15.
Adaksina S. B. Dve novye nahodki enkolpionov s gory Ayu-Dag // Sugdeya, Surozh, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. – Kiev; Sudak, 2002.– S. 14–15.
2. Адаксина С. Б. Историко-культурные связи средневекового Крыма в свете новых находок на г. Аю-Даг // Археология Крыма.– Симферополь, 1997.– № 1.– С. 109–115.
Adaksina S. B. Istoriko-kul'turnye svyazi srednevekovogo Kryma v svete novyh nahodok na g. Ayu-Dag // Arheologiya Kryma.– Simferopol', 1997.– № 1.– S. 109–115.
3. Адаксина С. Б. Монастырский комплекс X – XVI вв. на г. Аю-Даг.–СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002.– 116 с.
Adaksina S. B. Monastyrskij kompleks X – XVI vv. na g. Ayu-Dag.–SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2002.– 116 s.
4. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году.– СПб.; Симферополь, 2006.– 224 с.
Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myc V. L. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoj kreposti CHembalo (g. Balaklava) v 2005 godu.– SPb.; Simferopol', 2006.– 224 s.
5. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг.– СПб.; Симферополь, 2010.– 304 с.
Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myc V. L. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoj kreposti CHembalo (g. Balaklava) v 2008–2009 gg.– SPb.; Simferopol', 2010.– 304 s.
6. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 году.– СПб.; Симферополь, 2012.– 208 с.
Adaksina S. B., Kirilko V. P., Myc V. L. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovoj kreposti CHembalo (g. Balaklava) v 2011 godu.– SPb.; Simferopol', 2012.– 208 s.

7. Айбабин А. И. Могильники VIII – начала X в. в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1993.– Вып. III.– С. 121–133.
Ajbabın A. I. Mogil'niki VIII – nachala X v. v Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1993. – Vyp. III.– S. 121–133.
8. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 гг. на городище Эски-Кермен // Труды Государственного Эрмитажа.– СПб., 2013.–Т. LXIX: Византия в контексте мировой культуры. – С. 7–21.
Ajbabın A. I., Hajredinova E. A. Predmety hristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 gg. na gorodishche Eski-Kermen // TGE. T. Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury. – SPb., 2013. – S. 7–21.
9. Баранов И. А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник.– Киев; Судак, 2010.– Вып. IV.– С. 601–617.
Baranov I. A. Raskopki na myse Dimitraki v 1982 g. // Sugdejskij sbornik.– Kiev; Sudak, 2010. – Vyp. IV.– S. 601–617.
10. Беляев Л. А. Византийская археология // Православная энциклопедия.– М., 2004.– Т. VIII.– С. 232–252.
Belyaev L. A. Vizantijskaya arheologiya // Pravoslavnaya enciklopediya. – M., 2004.– T. VIII.– S. 232–252.
11. Герцен А. Г. Христианство в Мангупе под властью турок // Таврические духовные чтения: матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. 140-летию открытия Таврической духовной семинарии.– Симферополь, 2013.– Т. II. – С. 305–319.
Gercen A. G. Hristianstvo v Mangupe pod vlast'yu turok // Tavricheskie duhovnye chteniya: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 140-letiyu otkrytiya Tavricheskoj duhovnoj seminarii.– Simferopol', 2013.– T. II. – S. 305–319.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.).– М.; СПб.: Нестор-История, 2017.– 272 с.
Gercen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. Yu. Naselenie Dorosa–Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.). – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017.– 272 s.
13. Герцен А. Г., Яшаева Т. Ю. Древнерусские энколпионы из юго-западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. – СПб., 2010.– С. 355–362.
Gercen A. G., Yashaeva T. Yu. Drevnerusskie enkolpiony iz yugo-zapadnogo Kryma // Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fyodorovny Korzuhinoj. – SPb., 2010.– S. 355–362.
14. Голофаст Л. А., Романчук А. И. Византийский Херсон. Каталог выставки к XVIII международному конгрессу византистов.– М., 1991.– 256 с.
Golofast L. A., Romanchuk A. I. Vizantijskij Herson. Katalog vystavki k XVIII mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. – M., 1991.– 256 s.
15. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2009.– Вып. X.– С. 344–392.
Golofast L. A., Ryzhov S. G. Raskopki kvartala X v Severnom rajone Hersonesa // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2009.– Vyp. 10.– S. 344–392.
16. Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-энколпиони от България (IX – XIV в.).– София, 2011.– 751 с.
Doncheva–Petkova L. Srednovekovni kr"stove-enkolpioni ot B"lgariya (IX – XIV v.). – Sofiya, 2011.– 751 s.
17. Душенко А. А. Крест с монограммами из раскопок Большой базилики Мангупа // Боспорские исследования.– Керчь, 2013.– Вып. XXVIII.– С. 363–375.
Dushenko A. A. Krest s monogrammami iz raskopok Bol'shoj baziliki Mangupa // Bosporskie issledovaniya. – Kerch', 2013. – Vyp. XXVIII.– S. 363–375.

18. Залеская В. Н. Клад из Ай–Василя: об историко–культурных связях средневековой Ялты // *Античная древности и средние века: Византия и средневековый Крым.*– Симферополь, 1995.– Вып. 27.– С. 98–104.
- Zalenskaya V. N. Klad iz Aj–Vasilya: ob istoriko–kul'turnyh svyazyah srednevekovoj Yality // *Antichnaya drevnosti i srednie veka: Vizantiya i srednekovyj Krym.*– Simferopol', 1995.– Vyp. 27.– S. 98–104.
19. История христианской и церковной археологии в России // *Введение в историю Церкви. Часть 2: Обзор историографии по общей истории церкви / Под ред. В. В. Симонова.*– СПб., 2015.– С. 571–676.
- Istoriya hristianskoj i cerkovnoj arheologii v Rossii // *Vvedenie v istoriyu Cerkvi. Chast' 2: Obzor istoriografii po obshchej istorii cerkvi / pod red. V. V. Simonova.* – SPb., 2015.– S. 571–676.
20. Колесникова Л. Г. Связи Херсонеса – Херсона – Корсуни с племенами Восточной Европы в домонгольский период // *Херсонесский сборник.*– 2006.– Вып. 15.– С. 129–150.
- Kolesnikova L. G. Svyazi Hersonesa – Hersona – Korsuni s plemenami Vostochnoj Evropy v domongol'skij period // *Hersonesskij sbornik.*– 2006. – Vyp. 15.– S. 129–150.
21. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери.– СПб., 1915.– Т. 2.– 456 с.
- Kondakov N. P. Ikonografiya Bogomateri. – SPb., 1915.– T. 2.– 456 s.
22. Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты–реликварии XI – XIII вв.– СПб., 2003.– 432 с.
- Korzuhina G. F., Peskova A. A. Drevnerusskie enkolpiony: nagrudnye kresty–relikvarii XI – XIII vv.– SPb., 2003.– 432 s.
23. Косцюшко–Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе // *Отчеты археологической комиссии.* СПб., 1900. – С. 3–34.
- Koscyushko–Valyuzhinich K. K. Otchet o raskopkah v Hersonese // *Otchety arheologicheskoi komissii.* SPb., 1900. – S. 3–34.
24. Косцюшко–Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе // *Отчеты археологической комиссии.* СПб., 1902. – С. 13–25.
- Koscyushko–Valyuzhinich K. K. Otchet o raskopkah v Hersonese // *Otchety arheologicheskoi komissii.* SPb., 1902. – S. 13–25.
25. Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Дом ремесленника на посаде Алуштинского городища // *История и археология Крыма.* – Симферополь, 2019.– Вып. IX.– С. 198–228.
- Lysenko A. V., Teslenko I. B. Dom remeslennika na posade Alushtinskogo gorodishcha // *Istoriya i arheologiya Kryma.* – Simferopol', 2019.– Vyp. IX.– S. 198–228.
26. Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв.– Киев, 2014.– 467 с.
- Majko V. V. Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X – XII vv.– Kiev, 2014.– 467 s.
27. Майко В. В. Комплекс христианских раритетов из раскопок храма у подножия горы Килиса–Кая близ Судак // *Миры Византии ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ.* – Симферополь, 2019. – Вып. 2. – С. 103–114.
- Majko V. V. Kompleks hristianskih raritetov iz raskopok hrama u podnozhia gory Kilisa-Kaya bliz Sudaka // *Miry Vizantii ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ.* – Simferopol', 2019. – Vyp. 2. – S. 103–114.
28. Майко В. В. Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей // *Laurea II. Античный мир и Средние века.*– Харьков, 2017. – С. 95–100.
- Majko V. V. Palomnicheskie relikvii srednevekovoj Sugdei i ee okrestnostej // *Laurea II. Antichnyj mir i Srednie veka.* – Har'kov, 2017.– S. 95–100.
29. Майко В. В. Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII – XV вв. // *Сугдейский сборник.*– Киев; Судак, 2005.– Вып. II.– С. 189–216.
- Majko V. V. Plitovye nekropolii srednevekovoj Sugdei VIII – XV vv. // *Sugdejskij sbornik.*– Kiev; Sudak, 2005.– Vyp. II.– S. 189–216.
30. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины.– Киев, 2007. – 273 с.
- Majko V. V. Srednekovye nekropolii Sudakskoj doliny. – Kiev, 2007. – 273 s.

31. Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 1998. – Вып. 6. – С. 344–392.
- Makarova T. I. Arheologicheskie raskopki v Kerchi okolo cerkvi Ioanna Predtechi. // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.* – Simferopol', 1998. – Vyp. 6. – S. 344–392.
32. Макарова Т. И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 2005. – Вып. 9. – С. 346–353.
- Makarova T. I. Kompleks ukrashenij iz razrushennogo zhenskogo pogrebeniya okolo cerkvi Ioanna Predtechi v Kerchi // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.* – Simferopol', 2005. – Vyp. 9. – S. 346–353.
33. Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. – Севастополь: Остин, 2011. – 708 с.
- Nasledie vizantijskogo Hersona / T. Yashaeva, E. Denisova, N. Gin'kut, V. Zalesskaya, D. Zhuravlev. – Sevastopol': Ostin, 2011. – 708 s.
34. Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII – IX вв. // *Античная древность и средние века.* – Симферополь, 2003. – Вып. 34. – С. 123–145.
- Naumenko V. E. K voprosu o cerkovno-administrativnom ustrojstve Tavriki v VIII – IX vv. // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* – Simferopol', 2003. – Vyp. 34. – S. 123–145.
35. Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // *Православные древности Таврики.* – Киев, 2002. – С. 81–98.
- Petrovskij V. A. Pravoslavnye pamyatniki Tepe–Kermena // *Pravoslavnye drevnosti Tavriki.* – Kiev, 2002. – S. 81–98.
36. Рыжов С. Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // *Древности 1997-1998.* – Харьков, 1999. – С. 168–180.
- Ryzhov S. G. Srednevekovaya usad'ba XIII v. v Severnom rajone Hersonesa (postoyaljy dvor) // *Drevnosti 1997-1998.* – Har'kov, 1999. – S. 168–180.
37. Тиханова М. А. Базилика // *Материалы и исследования по археологии.* – М.; Л., 1953. – № 34. – С. 334–389.
- Tihanova M. A. Bazilika // *Materialy i issledovaniya po arheologii.* – M; L., 1953. – № 34. – S. 334–389.
38. Турова Н. П. Культурный комплекс на вершине горы Ай–Петри // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* – Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. – Вып. 8. – С. 286–332.
- Turova N. P. Kul'tovyj kompleks na vershine gory Aj–Petri // *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma.* – Sevastopol'; Tyumen'; Nizhnevartovsk, 2016. – Vyp. 8. – S. 286–332.
39. Турова Н. П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* – Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2014. – № 6. – С. 93–173.
- Turova N. P. Srednekovyj peshchernyj kompleks hrebta Iograf nad g. YAltoj // *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma.* – Sevastopol'; Tyumen'; Nizhnevartovsk, 2014. – № 6. – S. 93–173.
40. Турова Н. П. Храм Рождества Иоанна Предтечи в верхней Массандре // *История и археология Крыма.* – Симферополь, 2020. – Вып. 12. – С. 333–349.
- Turova N. P. Hram Rozhdestva Ioanna Predtechi v verhnej Massandre // *Istoriya i arheologiya Kryma.* – Simferopol', 2020. – Vyp. 12. – S. 333–349.
41. Ушаков С. В. Исследования квартала ХСVII Херсонеса Таврического: предварительные итоги // *История и археология Крыма.* Симферополь, 2019. – Вып. 11. – С. 287–300.
- Ushakov S. V. Issledovaniya kvartala ХСVII Hersonesa Tavricheskogo. Predvaritel'nye itogi // *Istoriya i arheologiya Kryma.* Simferopol', 2019. – Vyp. 11. – S. 287–300.
42. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из юго–западного Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 151–182.

Hajredinova E. A. Rannesrednevekove kresty iz yugo-zapadnogo Kryma// Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2007. – Vyp. 13.– S. 151–182.

43. Khairedinova E. A. Early medieval Crosses from the South-Western Crimea // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts German Institute of Archaeology. – Istanbul: Ege Yayinlari, 2012.– Bz. 15. – P. 417–440.

Tsapko S. A. Cross-vests of the population of the medieval Crimea in X–XV centuries. History of study

Vest crosses are small crosses worn on a cord or chain around the neck. The history of the study of this group of materials, originating from the main Christian monuments of the Crimea in the 10th-15th centuries, includes several periods of historiographic studies. The first period (pre-revolutionary) is directly related to the research of K.K. Kostyushko-Valyuzhinich on the monuments of Chersonesos. In the future, in Soviet times, the accumulation of archaeological material occurs, but in publications, crosses-vests are poorly represented. From the beginning of the 1990s to our time, the systematization and publication of the discovered crosses-vests began. The largest number of published items was found on the territory of Chersonese, Sudak and sites on the southern coast of Crimea. To date, about 80 vests have been published. For them, a preliminary typology of pectoral crosses has been developed, which includes seven main types of this group of objects of Christian personal piety. The selected types mainly differ in their morphology, their division is due to the difference in the shape of the ends and branches.

Keywords: pectoral crosses, objects of personal piety, monuments, historiography, classification, type.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Ганцев
Валентин
Константинович**

ассистент кафедры истории России, младший научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Голев
Сергей
Александрович**

магистрант кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Иожица
Дарья
Васильевна**

младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Карашайски
Кемран
Меметович**

аспирант кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Колганова
Виктория
Алексеевна**

аспирант кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Набоков
Артур
Игоревич**

младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Сейдалиев
Эмиль
Исаевич**

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Сейдалиева
Джамиле
Эльвировна**

младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Ганцев В. К.	
Археологические исследования памятников виноделия Качи-Кальона.....	3
Иожица Д. В.	
Входной комплекс Главных крепостных ворот Мангупа: новые данные	19
Карашайски К. М.	
Институты военного наемничества и военного союзничества в армии Византийской империи середины IX – начала XII века: к историографии вопроса	63
Колганова В. А.	
Пандемия чумы середины XIV в. в Европе: актуальные проблемы современной историографии	86
Набоков А. И.	
Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация.....	104
Набоков А. И., Голев С. А.	
Могилы с заплечиками Алмалыкского могильника	138
Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э.	
Граффити на фрагментах керамических сосудов из раскопок Солхатского городища (по материалам исследований 2020–2021 гг.).....	163
Цапко С. А.	
Кресты-тельники населения средневекового Крыма в X – XV вв.: история изучения.....	173
Сведения об авторах	186